

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

7-8. 2015

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство
Чеченской Республики по
национальной политике,
внешним связям, печати
и информации.

Адрес: 364051
г. Грозный, Бульвар Дудаева.
Дом Радио

Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору в
сфере связи, информационных техно-
логий и массовых коммуникаций
05 февраля 2014 г.
Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00089

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

С. Алиев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхиев

Рукописи принимаются
редакцией в первом и втором
экземплярах, а также на
электронных носителях.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051
г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45
E-mail: vaynah_az1@bk.ru
http://www.vaynah.at.ua
http://www.j-vaynah.ru

**Журнал выходит один
раз в два месяца. 16+**

Журнал набран на
компьютерной базе ГУ
«Литературно-художественный
журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК
«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,
ул. Интернациональная, 12/35
Подписано в печать
05.08.15

В случаях полиграфического
брака обращаться в типографию,
указанную в выходных сведениях
журнала.

Тираж – 1000 экз.

Свободная цена

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ПАМЯТЬ

Хасмагомед ДЕНИЕВ. *Я из команды
Ахмата-Хаджи*.....2

ПОЭЗИЯ

Галауди ЦУЦАЕВ. *Ненан мотт*. Стихаш.....13

Виктория КАНТАРИЯ. *Не покидай меня, Весна!*
Стихи.....19

Мовсар ТИМБУЛАТОВ. *Даймохк*. Стихаш.....43

Магомед АБДУЛЛАЕВ. *Тростник моих чувств*...
Стихи.....50

Шамсуддин МАКАЛОВ. *Улыбается миру ребенок*...
Стихи.....57

Ахмет АСХАБОВ. *Говорят*... Стихи.....75

ПРОЗА.

Тауз ИСС. *Очаг*. Роман-дагардийцар. *Продолжение.*
Начало в №№ 3-4, 5-6.....15

Руслан ЗАКРИЕВ. *Секретное оружие*. Роман.....21

Анзор ДАВЛЕТУКАЕВ. *Арван*. Дийцар.....45

Муса БЕКСУЛТАНОВ. *Цъяна генарчу геналлера,*
Аьхкена догла... Дийцарш.....54

Зайнди ДУРДИЕВ, Ислам ДУРДИЕВ. *Жизнь как подвиг.*
Повесть.....59

Муса АХМАДОВ. *Острова*. Рассказ. *Перевод с чеч.*
И. ОКАРОВА.....77

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Георгий ЯРОПОЛЬСКИЙ. *Громоотвод*. Стихи.....85

КУЛЬТУРА

Адам АХМАТУКАЕВ. *«Каспий – море дружбы»*.....90

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. *Гендерный аспект чеченских
пословиц*.....95

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Гилани ИНДЕРБАЕВ. *Умение ощущать время*.....100

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

«*Молчат гробницы, мумии и кости*...» Беседу с
археологом Рашидом МАМАЕВЫМ провел
Иса ОКАРОВ.....105

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Саламбек АЛИЕВ. *Истоки Адиза Кусаева*.....111

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Зура ИТСМИОЛОРД. *Учитель рисования*.....111

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ...112

Память**Хасмагомед Дениев****Я из команды Ахмата-Хаджи**

Судьба предоставила Хасмагомеду Дениеву уникальный шанс стать свидетелем эпохальных событий, предопределивших дальнейшую жизнь многих народов и государств. Он родился в 1947 году в Казахстане, в семье скромного сельского труженика, предки которого являются выходцами из Веденского района, в годы депортации чеченцев, которых Сталин назвал «врагами народа». И он, мальчишка, на которого уже при рождении был нацелен этот злоедающий ярлык, доказал свою преданность Родине, своему народу, как это тогда делали многие чеченцы, сделав головокружительную карьеру от комсомольского активиста до помощника первого партийного лица республики.

В годы правления Дудаева его, занимавшего высокую должность в Кабинете министров, бросали в застенки и обвиняли в служении Москве.

Он прошел через ужасы фильтрационного лагеря в Моздоке, когда по ложному доносу его арестовали уже федеральные войска, обвинив в сотрудничестве с дудаевским правительством. Его дважды ставили к стенке, и он отчетливо почувствовал на себе холодное дыхание смерти. Но судьба смилостивилась над ним своеобразно – перенеся все тяжести ссылки, войн и выжив, он стал свидетелем уничтожения своего народа. И он, человек чести, сделал все, что в его силах, чтобы прекратить это кровопролитие. Ему улыбнулась судьба. В этот период жесточайших испытаний, выпавших на долю чеченского народа, он встретил человека, Великого Чеченца, благодаря которому удалось остановить войну. Имя его – Ахмат-Хаджи Кадыров.

«Я из команды Ахмата-Хаджи» – документальные воспоминания Хасмагомеда Дениева о событиях недавнего тяжелого прошлого чеченского народа. Это своеобразная исповедь, в которой он рассказывает об увиденном и пережитом, размышляет о людях, с кем довелось встретиться и разделить судьбу своего народа, о том, как удалось покончить с войной.

В годовщину рождения Ахмат-Хаджи Кадырова журнал «Вайнах» предлагает читателям фрагменты из этих воспоминаний. Литературная запись воспоминаний сделана Имраном ИСМАИЛОВЫМ.

В Чечне шла полномасштабная война, которая не щадила никого: ни детей, ни женщин, ни стариков. Радио, телевидение, печатные СМИ день и ночь передавали сообщения о новых терактах, боях и жертвах. Вместе с этим широко обсуждался вопрос о назначении Главой Чеченской Республики муфтия ЧР Ахмат-Хаджи Кадырова. Мнения диаметрально разделились на ярых противников его назначения и людей, у которых затеплилась надежда. Указ Президента Российской Федерации В.В. Путина о назначении Главой Республики Ахмат-Хаджи Кадырова расколол не только Чечню, но и Кремль, федеральные структуры. Многие думали, одни со снисходительной улыбкой,

другие со злорадством: «Что сможет сделать он, муфтий, человек, никогда не работавший в политических эшелонах власти, не знакомый с политикой, административной и хозяйственной работой?» Бывшие работники Аппарата Администрации, некоторые главы районов республики собирали подписи к обращению на имя Владимира Путина о недопустимости такого решения, его неправильности, ошибочности и политической вредности.

И вот в такой ситуации мне предложили: «Не возглавишь ли Аппарат Администрации в ранге заместителя главы республики?» Я опешил от такого предложения, не зная, что ответить.

Ситуация осложнялась тем, что многие мои товарищи, находившиеся, как говорится, по ту сторону баррикад, наоборот, уходили из властных структур. Но предложение прозвучало серьезно, и, поняв, что я колеблюсь с ответом, сразу предложили: «Ты с ним не знаком, встреться, поговори, а там решишь, принять предложение или нет». Это было разумно. Я сказал, что готов встретиться. И в первый же приезд Ахмата-Хаджи в Москву состоялась наша встреча в гостинице «Президент-Отель».

Меня встретил высокий, статный человек в папаше, в светском костюме, с четками в руках, с пронзительным взглядом, не только изучающим, но и стремящимся заглянуть в самое сердце, в твои мысли.

После приветствия, усевшись, молча изучали друг друга. Затянувшееся молчание прервал Ахмат-Хаджи: «Я знаю о тебе многое, мне рассказали. Знаю, что был на комсомольской, партийной работе, в структурах Правительства ЧИАССР и Чеченской Республики, имеешь богатый опыт, патриот республики и, говорят, очень хороший организатор, аппаратчик...» Разговор сразу зашел о республике, о ее проблемах и перспективах. В голосе нового лидера чувствовались глубокая озабоченность и вместе с тем твердая вера в будущее чеченского народа. Чем больше сидел я рядом с ним и слушал его, моя настороженность, мои сомнения исчезали, и я с удивлением почувствовал, что все больше и больше проникаюсь симпатией к этому человеку. Его манера вести неторопливый разговор, четкая чеканка слов, вера и убежденность в правильности принятого им решения возглавить республику развеяли в моем сознании его образ, созданный в СМИ России и в самой республике.

Я видел совсем другого человека, действительно обеспокоенного судьбой своего народа, его бедами и тяготами, его будущим, человека, пережившего многое и не случайно сделавшего свой выбор. В конце беседы он сказал: «Я не хочу, чтобы через каждые 50 лет нас вновь и вновь уничтожали. Сегодня мне нужны настоящие и очень надежные соратники и профессионалы, которые будут разделять мои взгляды и бороться за прекращение войны, за счастливое будущее без войн для чеченского народа». И я понял, что с ним пойду до конца.

13 сентября 2000 г. указом №161 А.А. Кадырова меня назначили на должность руководителя Аппарата Администрации – заместителя Главы Администрации Чеченской Республики.

Резиденция главы республики в то время находилась в Гудермесе, который напоминал разбуженный муравейник. На всю администрацию приходилось менее 10 комнат, имелись в наличии 4 компьютера, из которых работали только два, а в кабинетах один стул приходился на двоих. Спасало то, что сотрудники часто выезжали в населенные пункты республики, а то и сеть было бы совсем нигде.

Начали с малого: дисциплины, учета и регистрации всех полученных документов, анализа проведенной работы, налаживания тесных взаимодействий с районными и местными органами власти, проверки исполнения поручений главы республики, учебы сотрудников и, самое главное, – решения насущных вопросов и проблем.

Главная беда Чеченской Республики того периода – это «зачистки». Мало кто знает, что Ахмат-Хаджи спас от «зачисток» и уничтожения сотни сел и населенных пунктов. Печальные примеры таких «зачисток» были у всех на

слуху – в Самашках, Алхан-Юрте, Цацан-Юрте, Бамуте, Комсомольском, Грозном и других населенных пунктах. На совещаниях с руководителями ОГВ(с) (Объединенной группировки войск на Северном Кавказе) он, не стесняясь в выражениях, отстаивал интересы мирных жителей, заставлял генералов, обращаясь вплоть до В.В. Путина, Президента России, вести себя на территории Чеченской Республики как в субъекте Российской Федерации, а не на вражеской территории. Если сопоставить, сколько в республике прошло «зачисток» с исчезновением тысяч молодых людей, женщин до него и при нем, то разница окажется колоссальной. «Я пришел не остановить войну, а покончить с ней раз и навсегда», – говорил Ахмат-Хаджи.

Слова подтверждались делами. Все меньше становилось терактов, военных действий, уменьшалась социальная база для возникновения новых боевиков. Десятки, сотни бывших боевиков выходили из лесов, спускались с гор, становясь рядом с Ахматом-Хаджи, чтобы не участвовать в братоубийственной войне. И это была его повседневная работа. Он постоянно находился среди простых людей, встречался с учеными, писателями, художниками, работниками образования и культуры, здравоохранения и спорта, промышленности и агропромышленного комплекса. Еженедельно проходили совещания с руководителями отраслей и глав администраций, на которых разяснялись позиции по происходящим событиям, велся поиск единомышленников, убежденных в правоте нашего дела и в будущем республики. После многочисленных заявлений глав администраций, простых жителей о беспределе федеральных сил, ночных артобстрелах по мирным жителям, минах-растяжках, расставленных вокруг сел, на которых гибнут дети, Ахмат-Хаджи Кадыров потребовал и добился через ЮФО и Москву, чтобы на совещаниях Главы Администрации ЧР присутствовали высшие чины ОГВ(с), чтоб они лично, а не по рапортам военных, сидящих в Ханкале и в штабе ОГВ(с), могли услышать и увидеть все, что происходит в республике.

Помню, на одном из совещаний главы администраций стали жаловаться на блокпосты, которые нещадно собирали деньги с каждой машины, причем каждый тип транспорта имел свою таксу. Ахмат-Хаджи предложил военным самим проверить этот факт, переодевшись в гражданскую форму. После такого предложения Ахмата-Хаджи комендант ЧР генерал Иван Бабичев лично проехал по дорогам республики и убедился в его правоте, а затем были приняты меры по пресечению взяточничества на блокпостах.

Решение проблем на месте, оперативная информация и связь с Администрацией Президента и Правительством РФ, четкость и своевременность предпринимаемых действий, эффективность функционирования исполнительной власти стали приносить результаты. Администрация главы республики и Аппарат стали настоящим штабом в решении политических и хозяйственных задач республики. Высшей оценкой деятельности Аппарата Главы Администрации ЧР в тот период были слова, сказанные заместителем Полномочного Представителя Президента РФ в ЮФО, генералом Николаем Бритвиным: «Я благодарю Вас, Ахмат, за создание Аппарата в такой короткий срок». Поблагодарили нас за создание Аппарата и его организационную работу в экстремальных условиях и из Администраций Президента и Правительства Российской Федерации.

Ничто не ускользало от внимания Ахмат-Хаджи Кадырова, будь это организация повседневной работы в центре или на местах, встречи со старейшинами районов или населенных пунктов. Но особенно его тревожила проблема занятости молодежи. И вот, сидя вдвоем, у нас зашел разговор о будущем Чеченской Республики, об опыте работы его предшественников. Я рассказал Ахмату-Хаджи, что в мою бытность помощником первого секретаря Чечено-Ингушского обкома КПСС Докку Завгаева мы с ним также обсуждали, что можно сделать для вайнахского народа и пришли к выводу, что, в первую очередь, нужно развивать здравоохранение, образование, культуру и спорт. А затем, чтобы молодежь потянулась к образованию, необходимо использовать

Май 2003 года. А.А. Кадыров и Х. Денев.

опыт послевоенного восстановления Японии. Требовалось привлечь в Чечено-Ингушскую АССР самые передовые технологии, создать в каждом населенном пункте, городах маленькие цеха и предприятия по сборке комплектующих для радиоэлектронной промышленности. Ахмат-Хаджи ухватился за эту идею.

Возрождение региона началось, практически, с нуля. Не было промышленных и сельскохозяйственных предприятий, рабочих мест. Тем не менее, на фоне всеобщей разрухи ежедневно молодые люди, минуя десятки блокпостов, рискуя жизнями, добирались на учебу в высшие учебные заведения, разрушенные и продуваемые ветрами, и грызли гранит науки в холодных аудиториях. Это было глубоко символично. Республика с жадностью тянулась к мирной жизни. Потихоньку налаживалось строительство вузов и школ, поликлиник, больниц, создавались клубы по боксу, борьбе и другим видам спорта. Возродился легендарный грозненский футбольный клуб «Терек». Многим было непонятно: республика развалена, идет война, а тут такое внимание к спорту. Но это была твердая и последовательная линия на возвращение республики в мирное русло жизни.

Ахмат-Хаджи нашел себе хорошего единомышленника, человека, верного спорту – Хайдара Алханова. Именно они совместными усилиями воплотили казавшуюся тогда несбыточной мечту в жизнь: футбольный клуб «Терек» добился права выступать в Премьер-лиге, а в 2004 году даже завоевал Кубок России. Возродился волейбольный клуб «Грозный», правопреемник грозненских команд «Спартак» и «Автомобилист». Многие чеченские боксеры, борцы вольного и классического стиля стали чемпионами России, Европы и мира. Не прекращал работу и государственный ансамбль танца «Вайнах». Восстанавливались Дома культуры в селе Ножай-Юрт, городе Гудермесе, вновь отстраивался Чеченский театр имени Х. Нурадилова, ремонтировалось и здание Государственного театрально-концертного зала.

Зная, насколько загружен Ахмат-Хаджи делами, мы пытались как-то организовать определенные дни приема граждан. Но это было бесполезно. С раннего утра, когда он подъезжал на работу, его уже ждала толпа людей, и наши попытки, включая его личную охрану не подпускать к нему в целях безопасности толпу людей, оказывались тщетными. Выходя из машины, он сразу подходил к стоящим в его ожидании людям и говорил: «Всех приму». Нам давалось

лаконичное распоряжение: «Приглашайте по очереди». После многочасовых бесед с посетителями к вечеру накапливались десятки поручений, требующие выполнения в ближайшее время. Вместе с ними давались распоряжения по конкретным лицам, которые не присутствовали на приеме в администрации. Но приемы граждан велись не только на работе. У него дома двери всегда были открыты для любого, кто пришел к нему со своей бедой, а таких было огромное количество.

Увы, на прием к Ахмату-Хаджи приходили не только те, кто переживал за судьбу Чечни, ее народа, но и сплетники, а то и враги, кому наши успехи были как кость в горле. Приведу пример. Мы с Ахматом-Хаджи договорились, что я всегда буду говорить ему все, что думаю, независимо, прав я или не прав, а затем мы вместе принимаем правильное решение как единомышленники. Я мог зайти к нему в любое время, кто бы у него ни находился, потому что он знал, что работа Apparata требует принятия сиюминутных решений, от которых зависела деятельность тысяч, десятков тысяч работающих в республике госчиновников, служащих, рабочих, предпринимателей и т.д. И всегда он встречал меня доброжелательно, вставая, обнимал.

Как-то рано утром он вызывал меня срочно к себе. Хватаю папку с документами главы республики и бегу к нему. Открываю дверь, захожу, здороваюсь. Он немного приподнимается из-за стола, здоровается, затем садится и, хмурясь, смотрит на меня исподлобья. Меня сразу охватывает беспокойство: «Что же могло случиться? Неужели где-то в документах допустил ошибку или поступил не так, как нужно?» В одно мгновение в голове промелькнули тысячи разных мыслей, одна тревожнее другой. Сажусь. И Ахмат-Хаджи начинает говорить.

– Мы с тобой договаривались, что всегда будем говорить то, что на душе – правду. Ко мне вчера ночью пришли, не скажу кто, и сказали, что ты все мои документы носишь в представительство Южного Федерального округа заместителю Полномочного Представителя Президента РФ в ЮФО. Это правда?

Не задумываясь ни на секунду, отвечаю ему на его прямой вопрос:

– Это правда, Ахмат-Хаджи. Я действительно каждый указ или распоряжение, которые выходят за Вашей подписью, согласовываю с ним.

От неожиданности он даже немного привстал.

– Как это носишь?

– Да, ношу, – говорю я. – Скажите, Ахмат-Хаджи, был ли отменен хотя бы один Ваш указ или распоряжение после того, как я стал Вашим заместителем и руководителем Apparata?

– Ни разу.

– В каком-либо из указов или распоряжений не воплощены Ваши мысли или задания?

– Таких нет.

– Все это потому, что я согласовываю все Ваши документы с заместителем полпреда. И когда они ложатся, подписанные Вами, к нему на стол, ни у кого не возникает никаких вопросов, и они не отменяются. А мне, как Вашему единомышленнику и соратнику, было бы стыдно, если хотя бы один из этих документов, подписанный Вами, был отменен.

– Мне все это преподнесли по-другому. Извини, – ответил мне Ахмат-Хаджи.

Таких ситуаций возникало немало. Но всегда он в доброжелательном тоне спрашивал о тех или иных «сигналах» «доброхотов». По этому поводу я вынужден был как-то собрать весь Apparat – всех начальников управлений, отделов и их резерв, ответственных работников и сказать им буквально следующее:

– Уважаемые коллеги! Ответьте мне, чем отличается тот, кто не умеет профессионально работать на своем рабочем месте, но очень хочет отличиться перед руководством республики, перед Главой Администрации ЧР Ахмат-Хаджи Кадыровым, от тех, кто добросовестно трудится?

В ответ установилась гробовая тишина. Я продолжил:

– Только доносительством, очернительством, клеветой, потому что ни о чем другом понятия не имеет. Но если вы думаете, что уйдет глава республики, уйду я, а вы усидите, как вороны на заборе, то ошибаетесь. Уйдете вы все. А теперь свободны.

На следующее утро Ахмат-Хаджи вызвал меня к себе. Захожу, здороваюсь с ним, обнимаюсь. А затем он, рассмеявшись, спрашивает:

– Как это ты сказал на совещании?

Я повторил свои слова. Он остался доволен моим рассказом, на его лице появилась радость – видимо, и его достали эти «доброхоты».

Говорю ему:

– Ахмат-Хаджи, а можно я расскажу продолжение своего монолога?

Он заинтересовался: «Конечно, рассказывай».

Говорю:

– После того, как я сказал всем собравшимся эти слова, знаешь, кто мне ответил: «Правильно»?

– Кто?

– Тот, кто принес вам вчера эту сплетню, о которой вы спрашивали.

Ахмат-Хаджи посерьезнел и произнес только: «Остог1фируллах1, остог1фируллах1».

На одной из встреч люди пожаловались Ахмату-Хаджи, что тяжело добираться до Гудермеса. Другое дело – Грозный, он в центре республики, поэтому попасть к нему, находишь его резиденция в Грозном, было бы намного проще. Ахмат-Хаджи сразу же ответил: «Завтра мой помощник выедет в Грозный, и мы в ближайшее время переберемся в столицу Чеченской Республики». Он подчеркнул: «В столицу Чеченской Республики город Грозный». Потом мы долго обсуждали целесообразность, смысл и цели переноса в Грозный столицы ЧР. Уточнение было немаловажным, потому что во многих средствах массовой информации, на различных совещаниях как в республике, так и в Москве, существовало мнение: «Грозный не восстановить, нужно искать место для будущей столицы». Этому же мнения придерживался и вице-премьер РФ Николай Кошман, ответственный за Чеченскую Республику.

На следующее утро Ахмат-Хаджи пригласил меня к себе и спросил, готов ли я выехать в Грозный. Ответил, что да. «Охрану возьмешь мою, – продолжал он. – Ты Грозный знаешь хорошо, найди место, куда людям с разных уголков республики будет легче к нам добраться». Я отказался от охраны, так как его охрана состояла всего из 10 человек: Рамзана Кадырова, Руслана Алханова, Эли Тагирова, Адама Делимханова и его братьев, Шамхана Денильханова, Руслана Яхьяева, Халида Вайханова и Шамиля Магомаева, самых преданных, надежных и верных товарищей Ахмата-Хаджи, и я знал, что в сутки они спят или отдыхают не более 4-5 часов. Тогда он сказал: «Хорошо, езжай, я тебе дам человека, на которого можно положиться». И пригласил в кабинет Ваху Насуханова, своего помощника.

Мы выехали из Гудермеса на следующий день утром, путь до Грозного, который занимал в мирное время 45 минут, из-за многочисленных блокпостов растянулся на несколько часов. В Грозном с ужасом и со слезами на глазах увидели страшную картину: город, превращенный в развалины, мрачные останки зданий с пустыми глазницами окон, многочисленные груды строительного мусора, когда-то бывшие высотными и частными домами, разбитые улицы, огромные воронки от ракет и бомб. Грозный напоминал военный Сталинград.

Город я знал прекрасно, еще по работе в комсомоле и партии. Поэтому поиски места, «куда людям будет удобно добираться», не заняли много времени. Но в центре Грозного не осталось ни одного целого здания, в которых находились госучреждения – обком КПСС, Совет Министров, горкомы и райкомы. Вспомнил, что мебельная фабрика «Терек» имела административное здание, да и ее корпуса мебельных цехов были прекрасными. Мы немедленно выехали туда. Оказалось, что часть зданий уцелела, в нескольких комнатах ютились

службы города Грозного и Ленинского района. Обойдя территорию, понял, что на сегодняшний день это самое лучшее место для размещения Администрации ЧР. Двухэтажное здание фабрики можно было быстро восстановить, а разрушенные цеха убрать и поставить на этом месте вагончики для работы и для жилья. Вернувшись в Гудермес, мы с Вахой Насухановым направились к Ахмату-Хаджи и доложили: «Место выбрано. Думаю, оно подойдет нам». Ахмат-Хаджи предложил Председателю Правительства ЧР С.В. Ильясову ознакомиться с нашим предложением и принять необходимые меры к срочному переезду в город Грозный. Через два месяца, в конце апреля 2001 года, Администрация и Правительство Чеченской Республики начали свою работу в Грозном, в еще не отремонтированном до конца здании, в вагончиках, без тепла и других удобств.

Это была победа Ахмата-Хаджи. Победа над теми, кто хотел перенести столицу в другое место, победа над теми, кто не верил в будущее Чеченской Республики. Власть возвратилась туда, где и должна была находиться – в столицу Чеченской Республики город Грозный.

После переезда руководства республики в Грозный имели место многочисленные обстрелы комплекса Главы и Правительства ЧР, были раненые, на Ахмата-Хаджи неоднократно совершались теракты на пути из Грозного в Центорой, но он всегда считал, что сделал правильный выбор, вернув Грозному статус столицы Чеченской Республики. «Грозный мы восстановим», – повторял он.

Теракты на Ахмата-Хаджи совершались не один раз: в Грозном, Гудермесе, Аргуне. Но все больше становилось у него в республике сторонников, людей, поверивших своему лидеру. И каждый раз, когда он выезжал на работу, с болью в сердце провожала его верная жена и спутница жизни Аймани Несиевна.

В редкие часы его отдыха, когда он уезжал домой в Центорой, приходилось приезжать к нему домой по служебной необходимости, чтобы срочно подписать важные документы. И всегда обращал внимание на грустное лицо Аймани Несиевны. Никогда не видел ее улыбающейся – сказывались повседневные переживания за судьбу и здоровье мужа, сыновей и дочерей. Она оставалась грустной, с тревогой в глазах, провожая мужа и сыновей на работу, и ее глаза оживали только с их возвращением домой живыми и невредимыми. Ее доброта, радушиное гостеприимство превращали каждый мой визит в посещение родной семьи, и я, честно говоря, находил здесь редкое чувство спокойствия. Мы, соратники Ахмата-Хаджи, гордимся, что были первыми, кто стал рядом с ним, чтобы остановить войну. Но его помощником №1 была его супруга Аймани Несиевна.

В республике отмечается День матери, огромное за это спасибо Рамзану Ахматовичу. Он даже нас, представителей старшего поколения, учит тому, как надо любить, уважать и почитать Мать. Достаточно вспомнить такой пример, когда во время встречи с тогдашним Президентом РФ Д. Медведевым Рамзану позвонила Аймани Несиевна. Прервав беседу, он ответил на звонок матери. И Д. Медведев дал ему, думаю, самую высокую оценку за этот поступок: «Мать – это святое». Спасибо за этот пример уважения к матери, которому нужно учиться всем.

Говоря о семье Ахмата-Хаджи, хочу сказать о его детях. Чаще всего я встречался с Рамзаном и Зулай, в меньшей степени – с Зелимханом и Зарган. Безусловно, любимцем Ахмата-Хаджи был Рамзан. Ему он доверял, Рамзан всегда был рядом с ним не только как фактический начальник охраны, но и как надежный соратник, товарищ и друг. Это была монолитная гранитная глыба, неразделимая и нерушимая, одно целое. Редко можно видеть такое сплоченное единство отца и сына, такое взаимное доверие и понимание. Даже на решение политических и повседневных дел у них находились одинаковые взгляды и суждения. Думаю, если бы Ахмат-Хаджи был бы жив и мог видеть, как за короткий срок Рамзан Ахматович сумел восстановить республику, как

преобразился г. Грозный, он бы безмерно гордился им. Он верил в него и знал, что Рамзан не подведет его.

Не могу не сказать и о скромности, об отсутствии пристрастия к личным благам Ахмата-Хаджи, несмотря на доверительные отношения с Президентом Российской Федерации В.В. Путиным. Все те годы, которые я находился рядом с ним, не видел ни одного личного письма, не слышал ни одного разговора с высшими должностными лицами России, в которых он просил за себя или своих родственников. Ахмат-Хаджи во время военных событий в республике на уговоры перевести семью и родственников в Москву, в безопасное место, ответил однозначно и категорично: «Они будут со мной, с моим народом». Но он был готов горой стоять за жителей Чечни, выбивая им направления в ведущие клиники Москвы, в высшие учебные заведения, и что немаловажно – в учебные заведения административных и военных вузов, училища. Многим он помог в получении жилья, реабилитации, в освобождении незаконно задержанных чеченцев, граждан Российской Федерации. А себе он не просил ничего.

Следует подчеркнуть одну важную деталь – не было ранее в истории Чечни и Российской Империи, Советского Союза и Российской Федерации такого взаимопонимания и взаимоуважения между руководством государства и республики, какое сложилось у В.В. Путина и А.А. Кадырова. Правильно и емко о нем сказал В.В. Путин: «Это был настоящий героический человек. Всей своей деятельностью он самым убедительным образом доказывал, что нет и не может быть никакого знака равенства между бандитами, террористами и целым народом. Практически все эти годы он собой прикрывал и Чечню, и чеченцев, уверенно вел свою республику к мирной жизни...»

Самым тяжелым и непредсказуемым для нас, соратников Ахмат-Хаджи Кадырова, был, безусловно, 2003 год – год выборов Президента Чеченской Республики. Вопрос об участии в выборах возник неожиданно, когда изъявили желание баллотироваться в президенты около двух десятков человек. Среди них были как люди опытные, профессионалы, так и, откровенно говоря, фигуры неожиданные. Просто как из рога изобилия «посыпались» в СМИ сведения о высокой процентной поддержке этих новоявленных патриотов населением. Политические оппоненты и политологи начали составлять рейтинги популярности кандидатов (опросы, проведенные нами, не соответствовали опубликованным данным в СМИ и не сходились с высказываниями некоторых политических деятелей). Реакция Ахмата-Хаджи на это последовала незамедлительно – он отказался выдвигаться в Президенты Чеченской Республики. Он отверг и предложения политических партий быть их кандидатом, заявив: «Если я буду баллотироваться, то только как единый кандидат от чеченского народа».

Началась регистрация кандидатов в президенты, но Ахмат-Хаджи не давал своего согласия баллотироваться. Обстановка в республике накалялась. Стали раздаваться телефонные звонки, появились ходки в Администрацию Главы ЧР и в Правительство с одним-единственным вопросом: «Почему человек, возглавляющий республику, которому мы верим и который уже улучшил жизнь в Чечне, молчит и не выдвигается на пост президента?»

Мы, соратники Ахмат-Хаджи Кадырова, собрались в его родовом селении Центорой. Ахмат-Хаджи был поражен тем, сколько людей пришло к нему просить его выдвинуть свою кандидатуру на пост Президента Чеченской Республики. Это был единый порыв чеченского народа, которому было безразлично, кто станет их первым Президентом. Завершив зикр, к Ахмату-Хаджи обратились Председатель Госсовета республики Хусейн Исаев, муфтий Ахмад-Хаджи Шамаев, вице-премьер – министр сельского хозяйства Дукуваха Абдурахманов, десятки представителей сел, городов, партий и движений. Это была не просто просьба, а требование выполнить волю народа, желающего видеть во главе республики Ахмат-Хаджи Кадырова.

Третьего августа 2003 года Ахмат-Хаджи дал добро баллотироваться кандидатом в Президенты Чеченской Республики от всего чеченского народа.

Мы быстро развернули работу среди избирателей. Видя нашу убежденность в правоте своего дела, своего выбора, люди все больше и больше становились нашими единомышленниками. Во всех районах у нас были кураторы от избирательного штаба. Оставался самый сложный участок – город Грозный. Все понимали сложность работы с населением города Грозного. Если в районах и населенных пунктах многие знакомы друг с другом, имеются родственные отношения, влиятельные старейшины, то в Грозном, разрушенном и больше напоминающем город-призрак, утонувшем в развалинах, с искореженными остовами зданий, блокпостами, выживающим населением, трудно завоевать доверие людей и дать им надежду на лучшее будущее. Их и надо было сплотить, бороться за каждый их голос, не строя воздушные замки, доходчиво объясняя сложность обстановки и убеждая, кто может нас всех вести к будущим преобразованиям.

В такой ситуации мой друг и соратник Хусейн Исаев предложил мне возглавить штаб Ахмат-Хаджи Кадырова по городу Грозному. Это было равнозначно тому, чтобы своим телом закрыть амбразуру. Но на то они и соратники, чтобы не выбирать легкие пути. Хусейн Исаев в присутствии членов штаба позвонил и предложил Ахмату-Хаджи мою кандидатуру на должность руководителя штаба кандидата в президенты по городу Грозному. Я волновался, переживал, как пройду выборы, сумею ли организовать выборы так, чтобы не было стыдно потом перед Ахматом-Хаджи и соратниками за результаты работы. И я искренне благодарен Ахмату-Хаджи за веру в меня. Благодарен членам избирательного штаба г. Грозного, всем, кто откликнулся на нашу просьбу дойти до каждого человека-избирателя, объяснить наше видение будущего республики, донести нашу цель закончить братоубийственную войну. Все это мог сделать только один человек – Ахмат-Хаджи Кадыров. И люди поверили Ахмату-Хаджи и его соратникам. Они пришли на избирательные участки, не боясь угроз и терактов, проголосовали за будущее Чечни без войн, за мир и благополучие, возрождение и процветание чеченского народа в единой семье братских народов России. Мы с честью справились с поставленной задачей. Ахмат-Хаджи Кадыров победил в первом же туре, набрав 80,84 % голосов избирателей, с колоссальным отрывом от других кандидатов, и стал первым Президентом Чеченской Республики.

Жизнь налаживалась. Я видел, как рос на глазах авторитет и политический вес Ахмат-Хаджи Кадырова. Он быстро учился у окружающих людей, вникал в проблемы промышленности и агропромышленного комплекса, народного хозяйства. Я как-то сказал ему: «Ахмат-Хаджи, Аллах наградил Вас умом, талантом, широким кругозором, предвидением, Вы все схватываете на лету!» Он засмеялся и ответил: «Если бы ты знал, как мне не хватает времени учиться. Я учусь, действительно учусь, чтобы быть на уровне с теми, с кем мне приходится беседовать и работать».

Мне довелось наблюдать за его стремительным ростом, его становлением не только как регионального лидера, но и как российского политика, известного во всем мире. От муфтия Чеченской Республики, малоизвестного в России, Ахмат-Хаджи Кадыров вырос до политика мирового масштаба.

Ахмат-Хаджи был глубоко верующим человеком. Своими делами и поступками он утверждал, что ничего не бывает без соизволения Всевышнего Аллаха. На него было совершено много покушений и терактов, но Аллах его берег. И глубоко символично, что он ушел из жизни именно 9 мая, во всенародный праздник – День Победы. Гибель Ахмат-Хаджи Кадырова – это трагедия для всего чеченского народа. Мы все должны знать, наши дети, внуки, будущие потомки, что Ахмат-Хаджи открыл новую эру взаимоотношений Чечни и России, уйдя от войн и вековых противостояний. Он заставил говорить о чеченцах как о россиянах, ответственных за судьбу своей Родины. Когда речь заходит о роли Ахмат-Хаджи Кадырова в жизни чеченского общества, хотелось

бы, чтобы помнили о тех населенных пунктах и городах республики, которые он уберег от боевых действий, не забывали о десятках, сотнях тысячах спасенных им жизнях. Помнили о мире, который он вернул на чеченскую землю, о том, что он изменил имидж чеченца не только в глазах России, но и всего мира. Во всем этом несомненная заслуга Ахмат-Хаджи Кадырова. Его дела оценит история. Это была личность, которая, вне всякого сомнения, вошла в историю чеченского народа и России.

Для меня главное одно – я до конца был верным соратником Ахмат-Хаджи Кадырова в его повседневной работе, в прекращении войны. Я искренне верил, что эту войну может остановить только Ахмат-Хаджи.

«Ахмат-Хаджи Кадыров ушел из жизни 9-го мая, в день нашего общенационального праздника, в День Победы. Ушел непообежденным», – заявил 9-го мая 2004 года на встрече с сыном первого Президента Чеченской Республики Рамзаном Кадыровым Президент Российской Федерации В.В. Путин.

Смерть Ахмата-Хаджи – это и моя личная трагедия. Я потерял не только Президента Чеченской Республики. Я потерял товарища, единомышленника, соратника, который в меня верил и доверял мне в самый сложный период его жизни – в 2000-2004 годы. Я потерял Великого Чеченца и Человека, мечтавшего и делавшего все, чтобы больше никогда в чеченские семьи не вошло слово «война». Искренне благодарен судьбе, что в судьбоносный, переломный момент истории, когда стоял вопрос о том, быть или не быть чеченскому народу, когда некоторые политики в Кремле предлагали «сбросить атомную бомбу на них и решить вопрос раз и навсегда», я оказался рядом с Ахмат-Хаджи Кадыровым. Он взял на себя всю ответственность за дальнейшую судьбу своего народа. Могу с совершенной уверенностью сказать следующее. Нет человека, кто сегодня мог бы возглавлять Чечню и сделать для нее больше, чем Рамзан Ахматович Кадыров, соратник, преданный сын первого Президента Чеченской Республики, Героя России Ахмат-Хаджи Кадырова, настоящий патриот. И только он способен воплотить в жизнь мечты и чаяния Ахмата-Хаджи, то, о чем столетиями мечтал многострадальный и героический чеченский народ. Враги думали, что, убив Ахмата-Хаджи, они повернут историю вспять. Но получилось наоборот. Чеченский народ понял, кто его истинный враг. Его гибель только сплотила чеченцев.

Момент истины

Мы приходим в этот мир, чтобы умножить славу и величие своего народа, его благополучие и благосостояние, чтобы не допустить войн и раздоров, ради мира и счастья людей. И только безумцы, больные тщеславием, циничностью, алчностью, жадной властью, готовы ради сиюминутных успехов положить на алтарь сатаны жизни тысяч, сотен тысяч своих сограждан. Все это зачастую делается под лозунгом «Свободу и независимость Чеченской Республике», играя на самых низменных чувствах толпы. По сути, под этим лозунгом идет братоубийственная борьба за передел собственности.

У чеченского народа, кроме лозунга «Свобода или смерть», должен быть и такой – «Мир и разум», чтобы мы могли задуматься, чем отзовутся наши лозунги и поступки завтра в судьбах людей, населяющих республику. Нам нужно уметь мыслить, потому что человечество наделено РАЗУМОМ, душой. Надо жить без зависти и насилия, доносившего, очернительства, клеветы, стяжательства, алчности и лицемерия, бесконечных преступных разборок и циничности, жестокости и воровства, жить во взаимном уважении и дружбе со всеми народами России. Всегда наши беды от *вовших ца дашарх, вовшаш ца ларарх – неуважения друг к другу.*

Я всегда отдавал всего себя вайнахскому народу, жил ради народов, населяющих нашу республику, ради Чечено-Ингушской АССР, СССР, ради Российской Федерации. Считал и считаю: будущее чеченского народа в составе

Великой России, в дружбе и уважении ко всем народам, ее населяющим, и особенно к русскому народу, в нашем взаимопонимании и взаимообогащении, в языке, культуре, традициях и т.д. Нам надо учиться толерантности и взаимопониманию у народов Республики Татарстан, Башкортан и у многих других, которые живут на протяжении 300-400 лет без войн на своей территории в составе России.

Я знаю, найдутся люди, которые захотят оболгать, оклеветать, представить всех, кто в 2000 году стал рядом с Ахматом-Хаджой Кадыровым, врагами чеченского народа, коллаборационистами, приклеив нам все мыслимые и немыслимые ярлыки. Но я уверен, что так будут говорить о нас только враги чеченского народа, «чеченцы», говорящие на чеченском языке, или же внешние враги, для которых чеченский народ, Чеченская Республика сидят как кость в горле, для которых синонимом слова «чеченец» являются «бандит», «убийца». Именно с их одобрения и благодаря им каждые 50 лет уничтожается мой народ, убиваются самые здоровые силы чеченского общества. Для этого каждый раз находят новые лозунги, цель которых только одна – не просто уничтожить чеченцев, а добиться того, чтобы даже само слово «чеченец» вытравить из памяти. Напрасны эти потуги.

Нас, уверен, вспомнят все, кто любит чеченский народ, кто хочет его благополучия, его умножения, кто хочет мира в республике, кто хочет видеть чеченцев высокообразованными, культурными, высокоморальными и ответственными за свое будущее в этом изменчивом мире, народом, чтящим свои обычаи и традиции, живущим в согласии с соседями и братскими народами России. Ради этого мы, команда Ахмата-Хаджи Кадырова, спасали чеченский народ в 2000 году от озлобленных за принятое в 1996 году Хасавюртовское соглашение федералов, спасали от тех чеченцев, кто затеял братоубийственную войну. Мы спасали наше будущее, будущее чеченского народа, Чеченской Республики. Мы с Ахматом-Хаджи мечтали, что сумеем воспитать новое поколение людей, далеких от зависти к делам и свершениям соплеменников, сумеем изжить навсегда нездоровые инстинкты: черную зависть, алчность и жажду власти ради наживы, ведущие к саморазрушению личности, окружающих людей, республики. Мечтали о том, что, наконец, приняв Конституцию Чеченской Республики, обьявив на весь мир, что мы в составе Великой России, не дадим больше повода новым лжеидеологам и лжепатриотам играть на чувствах чеченского народа. Мечтали, что в великой семье народов России мы будем жить, а не выживать, растить детей и строить города.

В своей жизни я видел многих претендентов на роль лидеров. Они должны быть, по моему мнению, следующими: мудрыми, а не властолюбивыми, алчными, лицемерными и циничными; справедливыми для всех народов, населяющих республику, не делящими чеченский народ на тейпы и вирды, «горных» и «равнинных»; борющимися за порядок и дисциплину для всех, а не порождающими вседозволенность близким и приближенным; любящими свой язык, обычаи, традиции, нравственно-духовные ценности, уважающими те же ценности у других народов, а не зовущими к борьбе с ними; умеющими возвести на пьедестал достойных и предать забвению лицемеров, пытающихся играть роль спасителей чеченской нации, «патриотов» или просто недостойных, мешающих жить чеченскому обществу, республике; дающими славу, величие и умножение чеченскому народу, а не обещания рая в загробной жизни; храбрыми, но не воинственными.

Главное – они должны быть такими, каким был великий Ахмат-Хаджи Кадыров.

Цуцаев Галауди**Ненан мотт**

1амо а оьший-те?
 Ткъа эшахь, мел?
 Хийла а йина
 Вайн меттан кхел.
 Цъанхъа а меттиг бац
 Юьхь 1аржах 1отта,
 К1ант, велахь дика хууш
 Шен ненан мотт.
 Хир ву и д1акхехъа
 Шен къоман яхь.
 Шен къоман маттаца
 Уьйр лелаяхь.
 Шайн дог а, ойла а
 Нанна т1еобзна,
 Йо1арий кхуьур бу
 Г1иллакхе, оьзда.
 Кхийта цкъа хьалха
 Г1уллакх деш ц1ен т1ехь,
 Йо1арех – мехкарий,
 Къонахий – к1ентех!
 Шен бенахь, шен маттахь
 Хиндолу хьоза,
 Декар ду. Кхин д1адерг
 Кхолламан йоза.
 Дахаран муьлхачу
 Новкъа вай х1итарх,
 Бакъ ду цхьаь йиш йоцуш
 Ле1а я литта:
 Нохчо д1ах1оттийта
 Нохчочун метте,
 Кхин г1ирс бац дуьненахь
 Цхьа нохчийн мотт бен!

Г1иллакхо латтадеш меттахь
 Схьадеьна вайн нохчийн къам.
 Г1иллакхца, собарца бертахь
 Баьккхина халонийн лам.
 Эшаеш муьлхха а хало,
 Къызачу баланех чехк
 Долуш, схьадеьначу халкъо
 Лардийр ду къоман эхь-бехк.
 Ларийир ю къоман оьздалла,
 Садоккхуш доьналла, яхь.
 Коьртаниг лоруш адмалла
 Дахаран ирсан шуьнехь.
 Оьздалла, г1иллакх ду коьрта –
 Къоман юьхь схьагойту цо.
 Вайн къоман юьхь ларьян г1орта:
 Къам хаздо шен г1иллакхо.

Кхоьллинчу Далла еш 1амал
 (Массо а хастам бу Цунна),
 Бусалба нохчочун амал
 Д1алуш т1екхуьучунна.
 Ца хадош ламастийн хьаса,
 Лар схья вайн 1адагийн,
 Вазвина т1еобцуш хьаша,
 Ден, ненан – лаккхара сий!
 Жимачо воккханиг лоруш,
 Хотта вайн лерамийн з1е.
 Х1ора юьхьиг машарца кхолуш
 Шерийн – ткъе цхьалг1ачу б1е.
 Ненан мотт – г1иллакхийн хьоста –
 Кхиабар – х1оранна т1ехь!
 Иштта ду Даймехкан косташ,
 Ду Неврехь, ду Мартант1ехь.

Сов доцу сов ц1а

Карахь дерг вай тоьлу олу,
 Геннара гуш хьоьгучулла.
 Тоьлу сатедина къоьлла,
 Хьан боццу цу бахамал.
 Кхин д1а а хьехамаш шорта:
 Ца доьху дика ма луо,
 Ма бехка ца лозу корта,
 Къахьега. Мало – хало.
 Сихалло даьккхина са а,
 Собаро баьккхина лам –
 И дерриг оьшуш ду хаьа.
 Оьшуш ду, оьшуш ду, амма,
 Собарца садетта 1емаш,
 Т1ех ца ваьлча нохчи ца 1а:
 Лаца ца лоцуьйту ден маж –

Лаяцча ца хойцууйту дла.
 Дехье ца кьевсича, сехье
 Яккха а тарлуш ма дац.
 Цкъя аьллий, дашна, ша вехь а,
 Юхавала амал а дац.
 Йовхачу чорпанах ларло,
 Тлаьхья хина ца баха «хлуп».
 Харцлехь а, нагахь хьо – кьарло,
 Духуш ду нохчаллин куц.
 Котам а хилла ца вехаш,
 Нлаьна хиллий, вала а ле.
 Мегаш ду хыйзина некъаш:
 Нохчо ю хьан йоккху цле.

Поппаран белхи

Ловкхура белхолахь пондар,
 Йоглучу балхаца йиш.
 Ча хьорсуш кечбора поппар,
 Юх-юха деттара хиш.

Мехкарша елийна яхьаш,
 Гонехь хьо поппаран хьизэр.
 Яшийна кучамийн яххаш,
 Соцуш дац забарийн лер.

Пенаш тле хьобхура поппар,
 Наг-нагахь долура «тлох».
 Сих-сиха соцура пондар,
 Ца соцуш, беш бара болх.

Дисийта дегла шен глорахь,
 Ца йича йолий ткья ял? –
 Поппаран пазаташ когахь,
 Юкъ-кара боккхура бал.

Блаьстенца товш хуьлу зезаг,
 Гуьйренца-ялтанийн кхаш.
 Даим яц жалуйнехь шедаг –
 Даим ю жалуйнехь глаж.

Дахаран новкъахь, хьайн декъехь,
 Ас санна, лайнадерг айхья,
 Ца къуьйлуш, соьца ахь декъахь,
 Къуьйлур дац долуш дерг сайца.

Цкъя цхьанна кьинтлера яьлла,
 Дуьжуш хьайн кийрара дарц,
 Биснехь цхья суй, дла ца хаьлла,
 Члаглабалахь цуьнца хьайн барт.

Дахарна елаеш айбал,
 Цо глиттош цле летахь хьох,
 Хеташ и хьайн деган хлайкал,
 И хлайкал ларделахь... сох.

Цхья а ма вац вайга воглуш –
 Вайн дладахар клезга ду:
 Дацахь хьалха латта охуш,
 Дла ма тийса эрна хлу.

Гергарлонийн, уьйрийн хьаса
 Вахар-варца бузу вай.
 Хаза хуьлу веьча хьаша.
 Хьеший лаятташ баьхна дай.

Долуш ваьхнехь хьо тлевахь,
 Хьайна тледан йиша-ваша,
 Волуш кьизчу шина тламахь,
 Хала ма дац вижа коша.

Дебадо дехкан хлу цара –
 Дехкаша, летгачу дайх.
 Сом делларг схьагоьхча тлара...
 Тамаш бу хиллехь и вайх!

Боллучу кхетаман гонехь
 Са идар длога, кхузий –
 Амалан диканехь, вонехь
 Сов доцу сов цла ду и.

Хьехархо

Хьехархо – лехархо,
 Дегнаш тле некъаш.
 Тамаван дешархо
 Виллина вецаш.
 Кегийчу синошна
 Хьайх хилла ага,
 Ваьгна длавалахь а,
 Серло луш вага.
 Олу а, язден а
 Хлора дош аьзна,
 Чохь, арахь леларехь
 Боккху ког оьзда.
 Болх безаш хи санна,
 Хьагвелча молу,
 Нисвелла пха санна,
 Озийна болу.
 Амалехь боцуш хьайн
 Цхья а зил гома.
 Иманехь кхиадеш
 Бераш вайн кьоман.
 Кан хьекъаш глатта
 Кханенна хирриг,
 Хьан глудлакх – длатасар
 Хаарийн буьртиг.

Тауз Исс

Очаг

Роман-дагардийцар

*Продолжение. Начало в №№ 3-4, 5-6.***Притча третья****Обург**

Одиночество. Под звездой. Сон. И остался он один во всей стране и в целом мире... Как будто после конца света... И вокруг него были одни пришлые люди, охотящиеся за ним...

Обург вынужден был оставить дом и семью семь лет назад, в памятном тридцатом седьмом году, когда Рябой, продолжая вековую необъявленную войну, в очередной раз наслал орды опричников в Дом Ноя.

...Лес молчал... Голый, одинокий, состоящий из одиноких, голых деревьев. Молчали горы. Смолкла река, словно вобравшая круги течения в себя. Молчало небо. Молчала и шла трещинами земля... Молчал, слушая свое одиночество, человек. Молчало одинокое сердце...

В ночь перед исходом пришел к нему Старец и сказал: «Завтра наступит время Великого Испытания, Время Рассеяния. Отныне ты будешь единственным хранителем Очага Дома Ноя. Возьми угли и сохрани Очаг Жизни в тайной пещере Горы».

Он помнил также, как столетний дед его, уведенный и пропавший без вести в застенках Четырехглазого, говорил: «Мир будет длиться, пока земля будет хранить огонь небесный...»

Лес плакал молча... Плакало сердце... Плакала затаившаяся душа...

Ничего не осталось в целом мире. Одиночество, носимое им до сих пор эти семь лет, казалось ему теперь сродни счастью. Он забылся во времени и мысленно уносился туда, в безвестие, куда канули все. С ним осталась немота, застрявшая в сердце смертельной занозой. Тело стало камнем. Из камня пророс медленный крик, застрявший в горле. Задохнувшись, горло вслед за сердцем выдохнуло стон. И стон стал его молитвой и песнью. Камень пел горлом... «У-о-у-у...» – стонала гортанная песнь. «У-о-у-у...» – длинно отозвался в дальней чащобе волк. Где-то, за семью горами, протрубил стон олень. В сгущающейся тьме ухала одинокая птица.

Человек-камень стонал среди безмерной каменной тишины... В который раз за эти семь лет рушился мир... Но никогда так, как в этот раз, не оставив ничего. «Храни спокойствие, даже если и весь мир обрушится», – вспомнил он слова деда.

Высветилась, мерцающая, одинокая звезда... глаза его наполнились ею... И сердце... Сердце думало, пылало звездой...

«Счастливая... Она свободна... Все, что создано Всевышним, создано для любви, мира, свободы... все создания дышат и живут ими... все, кроме людей, наделенных разумом и способных различать добро и зло. Один лишь человек сеет в мире насилие, попирая священные законы и заповеди Творца, один он, в неведении самого себя, затмении, блуждании... Счастливая...» – повторило сердце, глядя на далекую теплую звезду.

Вспомнилось, как дед, смеясь, рассказывал своему другу о том, как он застал семимесячного Обурга, развязавшего себя в колыбели и делающего первые шаги. Еще говорили, что, бывало, он развязывался и ходил по перекладине колыбели, чем вводил одних в восторг, а других в смятение. Вечером, когда вся семья собиралась у очага, у камина, дедушка под мерный гул огня рассказывал разные истории. Он, вместе с братьями и сестренками, слушал эти сказания, затаив дыхание. Особенно запомнились ему дедушкины рассказы о белом орле, стерегущем четыре стороны света, и крылатом коне Араше, что выйдет из моря в час, когда явится в мир герой из героев, спящий в вершинах, заговоренный злыми силами и объятый крепким сном.

Орел тот никогда не знает устал, и велено ему, чтобы он сторожил белые вершины Кавказа над тремя морями, под синим небом солнечного мира. Никому не дано видеть его, но раз в году орел тот издает клекот, от которого ликуют людские души, и не каждый слышит орлиную песню, а только те, кто любят небо. Дружит тот орел с оленем быстроногим, с волком смелым и с птицами гладкокрылыми, и гнездо его на самой высокой скале синего ущелья, над рекой светлой и изумрудной. Орел тот дал обет не смыкать глаза и не спускаться в гнездо, пока не исполнится воля небесная. И настанет время, когда люди перестанут видеть небо и только землю, и убудет в мире добро настолько, что не останется места правде, и всем будет казаться, что зло есть добро и ложь есть правда. Тогда вскрикнет в небесах белый орел клекотом негодования, вздрогнут горы, затрещат вечные льды вершин, и проснется герой из героев, ломая сны и льды, и море вскипит в пене, и выйдет из него Араш – конь крылатый, и взлетит к вершинам, к герою, и орел спустится к ним, и люди вновь увидят небо и вновь удивятся ему, и начнется великая битва за добро и правду на земле. Битва та будет длиться три дня и три ночи, и будет она не между людьми, а у каждого с собой, в которой каждый должен победить себя, победят же себя те, в ком проснется любовь. Чистые семена любви, замурованные силами зла, взойдут в людях благодаря белой вести, что будет звучать в эти дни во всех концах земли из уст триады: героя, коня и орла. Так рассказывал внукам и Обургу дед, гул огня слышался той самой песней и клекотом орла, и он мечтал когда-нибудь услышать и увидеть белого орла и коня, а героем, конечно же, мнил себя. Сколько было этих сказок и вечерних слушаний их – ими, мальцами, у очага! Когда уводили деда, Обургу показалось, что вместе с ним уводят все святое, все сказки, весь свет детства, все тепло очага, дома, семьи. Всю жизнь дед возился с садом, у него был лучший сад в округе. Часто летней порой, собрав ребятшек, он угощал их фруктами, и здесь же в саду у него была резная беседка, в которой собирались и взрослые и дети и вели разговоры, засиживаясь допоздна. Здесь же, в саду, он учил детей Книге, Священному Писанию, а со взрослыми вел долгие философские беседы и диспуты на разные темы, но главным образом – о смысле бытия, о призвании человека, о житии пророков и святых. В комнате деда всегда была идеальная чистота и стоял удивительный запах трав, которыми он лечил всех в округе. Здесь было много книг и разных рукописей, над которыми он часто заставлял Саго – так они в семье звали дедушку. Только Обургу было позволено входить сюда в любое время. Обычно Обург входил в комнату деда, как входят в тишину, и, видя, что он читает, тихо усаживался рядом, чуть в стороне, и внимал еле слышное чтение Книги, Божественную речь. Это были самые сладкие минуты в его жизни. Вскоре он и сам научился читать Книгу, и долгое время проводил за чтением сур и аятов Корана.

Все минувшее, и сладкое и горькое, проходило перед глазами и все теперь виделось в другом свете после того, что случилось. После тишины и грома. И тишины. И опять вспоминалось, как он продолжал стоять, каменя, там, у последней черты, в осыпающейся тишине, пока не ушел последний эшелон,

увозящий и его семью. Он вернулся в горы известной лишь ему одному тропой, идущей вдоль поймы Сунжи и Аргуна. Повсюду стояла зловещая тишина, и эта нескончаемая тишина, наступившая в стране, была страшнее всего.

Звезда расцветала все ярче и ярче, в пульсациях, дыхании, смирении. Оттуда, из вечности, из кроткой, высокой красоты звезда, казалось, говорила: «Жизнь – бесконечный путь к Творцу, и если ты отринут отовсюду, ты ближе к Нему и к себе». «Этот мир – юдоль испытаний, – говорили старцы в своих долгих беседах, – и самое главное из них – испытание на свободу. Если человек утрачивает память о свободе, он утрачивает связь и память о Создателе, сотворившем его свободным и для свободы, перестает быть полноценным человеком, и потому на нем лежит ответственность ценить, уважать, хранить данную Свыше свободу в себе, ближнем и в каждой живой дышащей твари. Хранить, донести свободу до дня Страшного суда – священная миссия», – заключали каждый раз старики.

Звезда заметно уткнулась к западу, к дальней горе. «Все течет, движется, восходит и заходит, рождается и умирает, ищет, находит, утрачивает, восполняется... вот и звезда течет своим путем среди мириад звезд и миров... одинокая и счастливая... сияя всем и каждому... интересно, что там на ней... так ли красиво, как издали... дед любил наблюдать за звездами, у него была звездная книга... Все унесли... Сожгли... Он вспомнил сказку про одного звездного странника... Он странствовал в мирах, кочуя от звезды к звезде в поисках лучшей доли. И вот, побывав во всех мирах, рассказывалось в этой сказке, человек не смог найти искомое и вернулся наконец на землю. И сказал: «Нет нигде ничего лучше земли – того, из чего сотворены мы сами». А еще говорили старики, что земля Дома Ноя – земля Небесная, Удел Божий, дарованный людям за великодушие и гостеприимство, и хранит земля эта в себе изобилие и свет голубой, небесный, дарованный Свыше.

Тишина... повсюду стояла страшная опустошающая тишина... и он возвращался в ней, сквозь нее... сквозь века и горы... и сам себе казался дважды изгнанником... нет... теперь он был хранителем и стражем Отчизны... Небесной Земли... Очага... Один... В нескончаемой тишине... И надо было жить... Несмотря ни на что... Сберегая Родину, небесную землю, жизнь, очаг... Один против тысяч... Свободный против рабов... Среди громовой тишины и каменного молчания...

То было молчание, тишина, наступившие в Прерванном, Прервавшемся времени... И ему суждено было выстоять в этой долгой тишине... соединить Прерванное время... Дождаться возвращения уведенных в плен... Передать негасимый Очаг...

Очаг памяти он разжег от очага родного дома, очага деда, прадеда, пращуров. Огонь занялся сразу и начал гореть мерным гулом, музыкой великой стихии, скликаясь с памятью сердца, и он долго сидел, слившись с очагом и сам став всеми стихиями... В стихии огня выросло и гасло множество картин прошлого, будущее же было полно неизвестности и борьбы за право жизни на Родине.

Так он пролежал тогда, без сна, до самого утра, глядя в звездное небо и думая об ушедших под дулами в неизвестность... И только на заре коротко вздремнул... И этого было достаточно, за семь лет он привык спать коротко и даже на ходу...

А тех солдатиков он отпустил... Взял он их врасплох. Винтовки лежали в сторонке, а тем, кто возились с сеном, оставалось приказать: «Руки вверх!» Они обомлели и под прицелом аккуратно связали друг друга. Того, кто прискакал позднее, тоже пристегнули. Так он и повел их, навьючив поклажами. А перед этим поугадал тех, кто внизу. И самый главный их, толстый и пустоглазый, со звездой во весь погон, бежал без оглядки. Потом началась погоня. Он сошел с тропы. Растворился вместе со своими пленниками. Он так делал часто. Сходил

с тропы и, отойдя чуть назад, делал рывок и безошибочно шел наитием. И, выждав до ночи, уходил. Так и на этот раз. Ребята эти, солдатики зеленые, были из хозяйственного взвода. Утром он их отпустил.

После... После было много встреч и коротких и длинных боев с кривыми. Отсветы очага рисовали на белых стенах пещеры мгновенные блики, и они не кончались. Никто не знал и не мог знать эту пещеру, и он тоже узнал ее, потому что ему было разрешено в час великого испытания. Сюда он приходил для поддержания огня в очаге. Здесь он отдыхал, наблюдая жизнь очага, которая все больше казалась ему близкой и схожей с собственной жизнью. Огонь этого очага был тот самый небесный огонь, сошедший на землю по милости Творца и добытый затем героем из героев. Тот самый первый первозданный огонь, от которого разожгли люди на земле очаги, чтобы согреться в стужу и приготовить пищу, и осветить сбившемуся путнику дом и дорогу, тот самый огонь, что впервые согрел людские сердца и души от сотворения мира и после Потопа, тот самый, что не может кончиться. И если потухнет этот небесный огонь в Доме Ноя, то потухнут следом все очаги на земле, и придет лед.

Камень все еще стоял в сердце. С тех пор, с того первого вечера, ночи, когда он вернулся, проводив взглядом издаലെка последний красный эшелон... Каменная песня-стон, родившаяся в тот вечер, жила с ним. Она часто ныла в нем. Вот и сейчас, при свете очага, песня стонала, медленно и почти неслышно. «Что же происходит в этом обезумевшем мире? Почему человек идет на человека? Неужели мирское, материальное столь греховно, что не может жить в мире? Неужели столь велик грех первородителей, вкусивших запретный плод... материю... и тем самым погрязших в непроходимых искушениях? Неужели нет возврата к чистоте? А может быть, этот путь единственный... через муки и испытания к правде, к своей сущности, чистоте?» – так думал он, неотрывно глядя в торжественный, неугомонный огонь очага, хранящий в своем горении свет неба, свет спасения, надежды, мира.

В эту ночь пришел, вернее, сбился сон, что жил в нем с младенчества. Ему снилось, что мчится он на сказочном коне, вышедшем из моря, а над ними парит белый орел, осеняя их трепетными крылами. Так, мчатся они по всей земле, и люди выходят им навстречу счастливые, озаренные вестью, а иные и прячутся. Они несут людям весть о свободе, о том, что они свободны милостью Создателя и что свобода у каждого внутри и этой свободой защищен каждый. Мир сотворен в свободе и для свободы, и без свободы невозможно ничего. Сердца живы и полны биением любви и свободы. И это есть величайший дар Творца. С этой вестью они обходят мир. И вот собираются все, у кого открылись глаза на добро и правду и кто смог обуздать свою гордыню и преодолеть страсти и невежество на огромной поляне, горящей цветами. И здесь обретают они мир и братство, вспомнив завет Всевышнего. И сердце его, переполненное счастьем, видит новые преображенные лица, объятые любовью и дружбой, завещанной Творцом. И нет ни в ком печали, и свет сияет в глазах каждого – каждого, кто победил себя.

Утром он ушел, заправив костер на неделю...

Продолжение следует.

Виктория Кантария

Не покидай меня, Весна!

Я научилась выживать,
Когда так трудно мне,
И благодарности не ждать –
Признаюсь я себе.

Стараться радость находить
В потоке тусклых дней,
И боль всегда в себе таить –
Так все-таки верней.

Но никогда не отступать,
Не изменять себе,
И доброе не забывать,
Кто подарил тебе.

Я научилась быть собой –
Не мстить, не преступать...
Одoleвать судьбу свою,
Чтоб лучше жизнь познать.

За редкий и бесценный дар –
за друга!

Свой тост провозглашаю я.
Жить без друзей, вдали от друга –
Почти трагедия моя.

Разлуки претерпев страданья,
Что породили столько мук,
Я продолжаю жить – мечтою
О встречах, памятью разлук...

Я буду вечно поклоняться,
Пока горит моя звезда,
Товарищеским узам, братству –
Без них нет жизни у меня!

Снова закружила карусель
Воспоминаний,
Жизнь бросает нас то вверх, то вниз.
Но по-прежнему, друзья, я вместе
С вами –
Это в жизни главный мой
Каприз.

За окном весеннее сиянье,
А в душе – осенняя печаль,
И слеза блестит, горечь расставанья –
С прошлым распрощаться
очень жаль.

Снова вижу наш любимый город,
Край разлук былых,
счастливых встреч –
Там кусок судьбы нашей распорот,
По нему пронесся страшный смерч.

Ощущаю запах тополей и кленов,
И цветов с весенних дальних гор –
Все великолепие Кавказа
Помню и люблю я до сих пор...

Карусель кружится и кружится,
Бесконечно память вороша,
По ночам уж много лет не спится,
Стонет и грустит моя душа.

Года бегут, а память не стареет.
Ей свойственно всегда быть молодой.

И книге жизни моей можно верить:
Она по-прежнему
как будто под рукой.

Ее нельзя ни сжечь, ни переделать,
А нужно только бережно хранить –
Как мы мечтали, верили, любили
И как старались счастье заслужить.

Ах, музыка, не уходи
Из вечеров моих печальных!
Ключи гармонии верни
Годов любимых мною, дальних.

Тебе одной я подарю
Все лучшее своей души,
Где торжествует вдохновенье
И говорит: «Стихи пиши!»

Ах, музыка! Звучи в стихах,
Мелодии твои прекрасны,
И начинаешь понимать –
Пишу стихи я не напрасно.

Ах, музыка, не уходи
Из вечеров моих печальных!
Хочу с тобою лишь делить
Прекрасное годов тех дальних.

Не покидай меня, Весна!
Я жду тебя с большим волнением,
И с нежностью и вдохновением...
Не покидай меня, Весна!

Не покидай меня, прошу!
Ты даришь мне любви надежду,
Ее с тобою жду, как прежде,
Не покидай меня, Весна!

Не покидай меня, вернись!
Как утром солнца лик лучистый,
Как майский ландыш серебристый,
Не покидай меня, Весна!

Благодарю тебя, Весна!
За жизни чудные мгновенья,
Ее благие проявления,
Благодарю тебя, Весна!

Дня не проходит без воспоминаний –
Который год уж с ними я живу –
Превратились в мир моих мечтаний,
Что были все когда-то наяву.

Излюбленное место встреч –
бульвары –
И тот, которым тридцать лет подряд
Я с радостью бежала на работу –
Чтоб повстречать
пытливый юный взгляд.

Он мне дарил минуты вдохновенья
И тихие осенние мечты,
Под шелест листопада и круженье –
И вместе с ним кружились я и ты.

Здесь, на бульваре, и стихи слагались,
Шептали листья кленов золотых
О встречах, и о том, как расставались –
И шепот этот воплощался в стих.

Опять ноябрь,
вновь мой день рожденья
В чужом краю, без сына и друзей...
Лишь в памяти
те яркие мгновенья
Мне возвращают радость
прежних дней.

Мечется, рвется куда-то душа,
Так опостылело ей одиночество...
Но не пускает оно никуда,
Не помогает ничто, даже творчество.

Кто виноват? Наверное, жизнь –
Что лишила друзей и родных,
Без которых и рвется душа,
И тоскует, и стонет без них.

Так и буду я жить с одиночеством,
Вспоминая былые года,
А друзья и заветные дали
Будут жить в моем сердце всегда.

Руслан Закриев

Руслан Закриев утверждает, что нашумевший фильм «Аватар» снят по его книге. Эксперты изучили произведение чеченского писателя и удостоверились: киносценарий и роман действительно во многом совпадают. Чеченский писатель обвиняет голливудского режиссера Джеймса Кэмерона в плагиате. Слишком много совпадений. Роман кавказского прозаика «Тотальная война. Секретное оружие» размещен в интернете с 2002 года. Фильм Кэмерона вышел на экраны в 2009.

Секретное оружие

Роман

Часть I

Глава 1

Этот день не принес радости, только тревогу. Со всех наблюдательных станций бескрайней межпланетной системы обороны доклады были идентичные и пугающие. По всему периметру оборонительной системы наступал холод и надвигалась тьма, точнее, исчезал свет, притом в невероятных параметрах. Джеймс Смит, дежуривший в тот день на центральном компьютере, медленно поднял глаза и посмотрел на своего молодого ассистента, но ничего, кроме недоумения на красивом лице, не увидел – компьютер не мог ошибаться.

Четко налаженная, тысячекратно проверенная компьютерная сеть не могла давать подобного сбоя – это ученый-электронщик знал хорошо. Он очень надеялся, что это ошибка, но это было не так.

Стараясь не выдать своего волнения, Джеймс медленно посмотрел на Ирен и сказал:

– Сделай повторный запрос по всем компьютерам, – хотя наверняка знал, что в этом нет смысла. Продолжая думать о своем, Джеймс набрал на клавиатуре компьютера запрос: характер проблемы?

Всезнающий безграничный мозг электронного монстра ничего нового не сказал, только выдал общие описательные характеристики этой необъяснимой аномалии. На его бесстрастном экране не высветилось больше ничего: ни химических характеристик, ни физических данных. Общие характеристики, и ничего, что объясняет суть происходящего. Джеймс растерялся. Он знает: в случае появления признаков любой аномалии он должен докладывать в Штаб обороны, откуда дежурный должен был доложить начальнику Штаба. Эта система, налаженная со времен недавно закончившейся войны, была отточена блестяще. В распоряжении Купера Джона (так звали начальника Штаба) находились тысячи боевых космических кораблей, начиненных сотнями видов оружия страшной разрушительной силы. И дальше все было ясно. Джеймс не знал, что докладывать. Вот уже 699 лет, как 247 планет объединились в единую планетарную коалицию с общим правительством, единым командованием вооруженными силами, достигли расцвета и не знали себе равных. Жалкие пиратские набеги флотилий отдельных планет, не поддающихся цивилизации, не представляют серьезной опасности и, казалось, ничто не угрожает спокойному процветанию и мирной жизни граждан Коалиции. Но на мониторе главного компьютера был сигнал тревоги и чрезвычайной опасности, грозящей всей цивилизации. Джеймс принял решение доложить в Штаб. Правда, он понимает, что его доклад больше будет напоминать разговор обывателей, но что он может сделать? И он передал информацию на компьютер дежурного по Штабу. Через пять минут на мониторе его компьютера появилось разъяренное лицо начальника штаба обороны Купера.

Джеймсу показалось, что тяжелый подбородок Купера стал в два раза массивней, его разъяренные глаза метали молнии.

– Послушаете, Джеймс! Что за чушь вы мне докладываете? – возмущенно проговорил он. – Что за доклад Генеральному Штабу, или это письмо – шутка?

Джеймс выждал паузу, стараясь сформулировать ответ, но махнул рукой на все эти формы и заговорил простым человеческим голосом.

– Докладываю, сэр! На участках контролируемого нами космоса наблюдается тотальное падение температуры и исчезновение света. Одним словом, сэр, нас поглощает тьма, – закончил свой доклад Джеймс.

Купер недоуменно смотрел на Джеймса и молчал. Ситуация была настолько нештатной, что Купер замешкался, не зная, как отреагировать. Первой мыслью было: а все ли в порядке с головой у Джеймса? Но только что вошедший дежурный офицер положил на стол Купера обобщенные доклады со всех пограничных кораблей, которые по сути своей совпадали с тем, что тут говорил Джеймс.

Джон Купер был человеком решительным и мужественным. Вся его молодость прошла на боевых космических кораблях в дальних походах. Благодаря его настойчивости, воле и невероятной работоспособности была создана величайшая армия в мире, обладающая колоссальной огневой мощью. Одним нажатием кнопки Купер мог нанести сокрушительный удар. Все, что мешало интересам Коалиции, могло быть уничтожено, сожжено в смерче ядерного и лазерного урагана. Но в данной ситуации Купер был бессилён. Он знал, что в необъятной Вселенной идет вечная борьба света и тьмы, тепла и холода. Но где проходит граница этой конфронтации, не знал никто, как и не мог повлиять на ситуацию в случае неблагоприятного развития процесса.

Купер отключил монитор экстренной связи и вздохнул. Была мысль обратиться с запросом в Академию, но он знал, что, кроме бесконечных дискуссий и абстрактной болтовни, это ни к чему не приведет. Наконец Купер принял решение: первое – объявить повышенную боеготовность по всему периметру обороны и второе – собрать Штаб.

На мониторе экстренных сообщений появился генерал Кери. Он выглядел утомленным. Командующий десантными войсками по заданию Купера вылетел в Восточный сектор обороны, и его внезапное появление встревожило Купера. Как-то странно, выдержав бессмысленную паузу, он заговорил неестественно бесстрастным голосом.

– Докладываю: ровно тридцать минут назад мы потеряли все шесть военно-космических баз. Восточного сектора обороны больше не существует.

Проговорив все это, Кери резко замолчал и провел ладонью по лицу. Кери был боевым товарищем Купера, но сейчас он его не узнал: перед Купером стоял старый, седой человек.

– Джон, они все погибли, все! – он снова закрыл лицо руками. Купер знал, что сын Кери был командиром третьей базы. Купер также понимал, что гибель одновременно всех шести военно-космических баз – страшная военная катастрофа. Он сжал до боли в пальцах поручни своего кресла. В мозгу в эти секунды, как молния, проскочили тысячи мыслей, но доминирующей картиной, стоявшей перед Купером, были глаза Кери и слезы в них. Воспоминания нахлынули на него.

Это было тридцать лет тому назад, во время очередной долгой и жестокой войны с Духовной коалицией. Купер был молодым капитаном на ракетном истребителе, а Кери его помощником. И первое же боевое крещение чуть не закончилось гибелью. Земляне, весьма странные и дикие, в сущности, люди, сумели создать сильный военно-космический флот и мощную оборонительную линию вокруг своей солнечной системы. В то время шли ожесточенные бои. Ракетный истребитель, которым командовал Купер, летел, прикрывая караван транспортных кораблей, которые доставляли оружие и боеприпасы для десантных частей, находившихся почти в окружении на Марсе. Первый удар землян был внезапным и стремительным. Авангард ракетных истребителей

землян, с ходу нарушая все нормы военной науки и здравого смысла, ворвался в центр боевых позиций и стал своими примитивными, но весьма мощными лазерами жечь транспортные корабли, не обращая никакого внимания на эскорт истребителей. Вот этой тактике Купера и его соратников не учили. Дикари с космических кораблей землян, ворвавшиеся в центр боевых позиций, были обречены на неминуемую гибель, но, по всей видимости, этот вопрос экипажи землян волновал меньше всего. Они успели поджечь три транспорта из шести, и были уничтожены. Таким маневрам Купера не учили, они были гражданами цивилизованного мира и имели право на жизнь и общечеловеческие ценности в то время, как земляне, жившие в каких-то диких условиях деспотических порядков, не имели даже понятия о правах человека. Но все же где-то в глубине души Купера осталось восхищение и преклонение перед их мужеством, перед их способностью абсолютно спокойно и достойно погибать, притом, Купер-то знал, что победили они землян не в честном бою, а с помощью коварной технологии. И вот теперь перед Купером стоял его соратник и боевой товарищ и докладывал о гибели самой сильной оборонительной линии Восточного сектора. Эта оборонительная линия была создана против террористических ударов выживших землян.

После гибели своей Коалиции они, конечно, не могли уже представлять серьезной военной угрозы для армии Купера, но, схоронившись на многочисленных секретных базах, разбросанных по периферийным планетам Вселенной, они время от времени причиняли серьезное беспокойство, совершая террористические вылазки на своих кораблях. Правда, почти всегда корабли землян уничтожались, но теперь, когда земляне изобрели это страшное оружие, все менялось.

Купер очнулся и не мог определить, сколько длилось его раздумье. Следовало выразить соболезнование Кери, но он не стал этого делать. Нечего было далее внушать себе, что они являются единственными владыками Вселенной, что противостояние с землянами закончено. Нет, они есть, они воюют и, что страшнее всего, они изобрели подлое и ужасное оружие. И этот стоящий перед ним командир должен понимать, что это война, а на войне были, есть и будут жертвы. И также он должен понимать, что мы победили землян при помощи коварных технологий, крича о мире. Куперу пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы забыть о том, что перед ним стоит друг его детства, потерявший единственного сына. Никаких эмоций, только четкий, трезвый анализ может помочь.

– Приказываю, – заговорил Купер властным железным голосом командира. – Все боевые разведывательные корабли передислоцировать на Восточный сектор обороны и приступить к глубокой военной разведке. О ходе исполнения докладывать через каждые два часа.

Кери отдал честь и выключил монитор экстренной связи.

Доктор Смит был до кончиков волос ученым-электронщиком, интересовавшимся фундаментальными знаниями. Его перевели в Штаб обороны, где он оказался под строгим контролем спецслужб. От Джеймса и всех остальных ученых чуть ли не в приказной форме требовали объяснить причину этой страшной катастрофы. Но каждый раз, когда Джеймс просил сообщить ему код доступа в секретный банк компьютерных данных, он получал отказ. О существовании совершенно секретной информации, касающейся той чудотворной технологии, которая совершенно странным образом, практически без войны позволила разрушить Коалицию землян, Смит знал наверняка. Происходящее в то время казалось сном, но это было наяву. Земляне сами предали и сдали все свои огромные военно-космические базы и оборонительные линии. А когда опомнились и стали сопротивляться, было уже поздно, их судьба была решена. И хотя они уже на последнем этапе оказали упорное сопротивление, смысл этих странных побед так и остался непонятным общественности, но только не Джеймсу Смигу. Он еще три года назад проник в

этот сверхъестественный блок и ужаснулся тому, что увидел. Он не мог понять и прийти в себя от потрясения. Джеймс через некоторое время попытался снова проникнуть в этот сверхъестественный блок, но все коды были изменены, более того, спецслужбам стало известно о проникновении. Только феноменальные знания в области компьютерных систем спасли Джеймса от разоблачения. Джеймс сидел перед компьютером и удерживал себя от жгучего желания снова попытаться найти доступ в секретный банк данных и детально ознакомиться с документами, точнее с архивом, относящимся к плану «Киборг». Джеймс знал, что совершенно секретная операция, приведшая к гибели могучего соперника Коалиции, в принципе, без глобальной войны, проводилась в течение десяти лет и велась под кодовым названием «Киборг». Джеймс понимал, что грозит ему в случае провала, но понимал и то, что наступление тьмы и холода продолжается, теперь у них уже были точные данные. Все материалы, попадая в область этой черной дыры, взрывались, буквально разлетаясь на молекулы и атомы, и исчезали. Разгадка происходящего лежит именно в этих секретных архивных материалах, в туманных и загадочных делах этой странной цивилизации землян. Джеймс знал больше многих, чтобы не верить этой оболванивающей простых граждан пропаганде, которая убеждала, что вопрос землян-дикарей решен и бесповоротно, ведь известно было Джеймсу и о таинственном исчезновении двух весьма мощных карательных экспедиций, посланных для уничтожения нескольких, вновь выявленных, баз землян в районе Сатурна. Он не верил басням о том, что причиной гибели этих двух экспедиций явилось столкновение с потоками метеоритов. Джеймс понимал, что истинная причина исчезновения этих двух экспедиций так и осталась тайной для военного командования Коалиции. Единственно, было известно и зафиксировано, что два года назад такого-то числа почти одновременно с обеими экспедициями прервалась связь, все многочисленные попытки разведки найти хотя бы намек на причину исчезновения этих экспедиций так и остались без результата. Разве это не напоминает гибель шести военных баз Восточного сектора обороны?

И Джеймс принял решение – откровенно поговорить с Джоном Купером. Но все попытки добиться аудиенции у Купера ни к чему не привели. Куперу было некогда, вся военная машина закрутилась, завертелась и готова крушить, ломать, жечь, уничтожать. Но никто не знал, что крушить. А военная машина все больше и больше наращивала обороты, и ситуация могла взорваться в любую минуту. Итак, это было трудное решение, которое могло перевернуть спокойную, обеспеченную всеми благами цивилизации жизнь Джеймса. Джеймс прекрасно осознавал, что за нарушение строжайшей директивы, за попытку проникнуть за грань дозволенного ему грозит не суд и не высшая мера, он знал, что никто его судить не станет. Он просто исчезнет, пропадет навсегда без вести для людей и окажется в контрразведке, где его будут пытать годами, и ничто ему не поможет. Он будет мечтать о смерти, но смерти не будет. От него будут требовать явок, паролей. Он будет, корчась в муках, придумывать все новые подробности о сообщниках, но это не поможет. Про все это Смит знал хорошо, но, перебрав в уме все аргументы, Смит решил, что это его не остановит. Джеймс почувствовал в себе нечто, что было значительно больше и выше этих, казалось бы, веских аргументов. Это было сильнее его самого. Итак, сомнений больше не было. Он узнает правду про все, что творится и творилось на оккупированной Земле. Хватит слушать мерзкую ложь этой бессовестной пропаганды.

Они пришли в гости, хотя Джеймс их и не звал, эти двое были чем-то похожи друг на друга – интеллигентные, с мягкими, располагающими к себе манерами. Да, конечно, он знал, что они должны прийти. И вот они пришли. Того, кто зашел первым, звали Петр, второго – Серж. Итак, Петр показал свое удостоверение – Отдел С-1, армейская разведка.

Самое главное, мелькнула мысль, чтобы они не читали мысли. Серж улыбнулся:

– Да, да, конечно, мистер Смит, вы можете не утруждать себя, пытаюсь скрыть

от нас свои мысли, мы знаем все, и, более того, скажу вам, мы пришли к вам как друзья.

Джеймс молчал, не зная, как отреагировать, но надо было хотя бы улыбнуться, что он и сделал. При этом поймал себя на мысли, что уже даже против своей воли начинает проникать доверием к своим гостям, несмотря на страх и настороженность.

– Да, конечно, мы пришли к вам не для праздных бесед, – продолжал его мысль Серж. – Нам нужна ваша помощь!

Первая мысль была: как сознательный гражданин и патриот Коалиции я готов сделать все, что в моих силах. Но тут же перед глазами появились кадры из архива плана «Киборг»: кровь, слезы и трупы женщин и детей. Нет, Джеймс не мог притворяться и улыбаться, не мог, это было выше его сил. И вот тут глаза Смита встретились с глазами Петра. В них он увидел безнадежный холод смерти, это еще больше смутило Смита и он в отчаянии, как бы ища спасения, посмотрел на Сержа. В его глазах он увидел горечь и сострадание. И именно в этот миг в Серже Смит увидел союзника и единомышленника. Это помогло ему немного успокоиться.

Серж выждал паузу и продолжил разговор, и чем больше он говорил, тем больше в душе Смита появлялось доверие к нему, сознание расслаблялось, тянуло на ответную откровенность и дружбу. Былая настороженность, страх рассеялись. Но Серж резко сменил тему, в упор посмотрел в глаза Смицу и произнес не терпящим возражения голосом:

– Покажи нам свои материалы.

Смит, не осознавая и даже не отдавая отчет в своих действиях, подошел к тайнику, прямо на глазах своих гостей извлек компьютерный диск, ввел в компьютер сложный пароль и запустил программу. Серж сидел все это время и спокойно наблюдал, как заметил Смит. Глаза Сержа как-то потускнели, стали холодными, серыми. Рядом со Смитом сидел уже не друг, не единомышленник, а шеф армейской разведки, который просто делал свою работу. И осознание этого подействовало на Смита как холодный душ. Да как он мог взять и все выдать? По каменным лицам своих гостей Джеймс понял, что все уже не важно, что все это уже история. Есть нечто другое и важное. Осознание этого заставило Джеймса успокоиться, и он вместе со своими гостями стал смотреть видеоматериалы.

Она словно выплыла из тумана, подошла слишком близко, как бы проникая в мозг Смита, и стала твердить и настойчиво повторять: «Лео взяла 200 пайков и отдала 120, я тут ни при чем, я не виновата».

Уставший и как-то отяжелевший мозг Смита отказывался что-то понимать... Какая Лео? Что значит «получила 200 пайков», и вообще, что это за странная женщина и что происходит? Смит воспринимал все происходящее, как сквозь мутную пелену. Он увидел какие-то примитивные здания, разрушенные и полуразрушенные, со следами копоты и пожара, кругом кучи битого стекла, шифера, глыбы разорванного, развороченного бетона, возникла мысль – этого не может быть, и снова, как сквозь полудрему: Лео получила 200, а отдала 120. Она нависает, она везде, и ее желтые волосы прямо обжигают вдруг ставший воспаленным и больным мозг. В эту минуту больше всего захотелось Смицу заснуть, но он стоит среди этих развалин, здания разрушены, везде копать. И снова появляется эта женщина и начинает:

– Лео, я так не могу, так не честно, так нельзя.

Надо взять себя в руки. Первое – это не сон, это не галлюцинации. Последнее, что помнил Джеймс, – это разговор с Петром и Сержем. Что было дальше? Далее ничего, далее вот это.

– Как тебя зовут? – спросил Джеймс.

– Ани, – ответила женщина и, как бы боясь, что ее перебьют или остановят, продолжила говорить: – Нас всего 600, мы сидели в подвалах, когда они бомбили...

– Кто бомбил? – не понял Джеймс.

Но женщина, не обращая внимания на вопрос, продолжала говорить:

– Они бомбили, а мы сидели в подвалах, терпели холод, голод и страх.

Джеймс поймал себя на мысли, что этот разговор не только не разъясняет ситуацию, а наоборот, все становится еще непонятней: кто бомбил, как в этом хаосе можно жить?

– Да, – продолжала Ани, – мы жили здесь, много стариков, детей... – Так нельзя, все должно быть честно. Ко мне подходят старики, плачут.

Джеймсу захотелось крикнуть: кто плачет, почему? Но вид этих зданий – без окон, многие, вместо четырех, имеют три и даже две стены, кругом груды развороченного бетона, торчит арматура – чем-то напоминал скелеты с ободранным мясом.

– Скажи, Ани, почему даже целые и неразрушенные дома в копоти? В чем дело?

Ани ответила:

– Они пришли и стали всех нас убивать, а дома поджигать и взрывать. И делали это наши солдаты-освободители. Пойдем, – потянула его Ани, – я покажу тебе свою квартиру.

И Джеймс пошел за ней в какое-то пятиэтажное здание. Одна стена этого здания полностью развалилась, верхние этажи, казалось, висели в воздухе, всей бесформенной массой давя на психику. Но Ани спокойно пошла вперед, увлекая за собой Джеймса. То, что Ани называла квартирой, было небольшим помещением, черным от копоти, с ковром из пепла, полностью покрывающим пол.

– Все это сгорело, – сказала Ани, – я им говорила, я так их просила не поджигать, вся моя мебель, все вещи сгорели.

Смита поразило то спокойствие, почти равнодушие и отстраненность, с которыми она об этом говорила. Как понял Смит, эта женщине потеряла все, что имела, при этом сохранила поразительное спокойствие. Джеймс невольно пошел к выходу, далее стоять под грудой кирпичей и бетона он просто не мог, а Ани, ни на минуту не умолкая и не меняя интонации, шла за ним и рассказывала:

– Солдаты все поджигали, закидывали в подвалы, в которых находились люди, гранаты. А нас спасли дети. Они плакали и кричали, и нам дали выйти. Он сказал, что не может убивать детей, но если начальство узнает о нас, его убьют. Вот так было.

Первое впечатление было: какой тяжелый бой здесь был, но если послушать эту женщину, получалось, что никакого боя здесь не было.

– А куда делись террористы, наркоторговцы? – спросил Джеймс.

– А куда они делись? Их выпустили, – ответила Ани.

Как это отпустили? Может, она сумасшедшая? Но, посмотрев в лицо женщины, он не увидел каких-либо признаков сумасшествия. Более того, какое-то сверхъестественное, внушающее доверие, уважение, спокойствие. Да, все это было страшно и действовало угнетающе, но не это главное. Главное то, что он знает, это все только видимость, и его удивляло, как он мог всем этим увлечься. Конечно, его переправили из мира реального в мир сна и иллюзии. Для чего это сделано, Джеймс не знал, но в том, что его депортация связана с сотрудниками армейской разведки, Джеймс уже не сомневался. Как же все перепуталось, как изменилось. Он, оказывается, подсознательно стремился сюда, в этот хаос, вот та реальность, куда его тянуло! Но что теперь делать? И тут Джеймс почувствовал, что ему холодно, что он хочет есть и что у него болит все тело. Конечно, здесь много реального, но все же это не реальность. «О, как хорошо, что здесь нет всепоглощающего пластика!» – подумал Джеймс.

Перед Сержем лежала только что поступившая шифрограмма с планеты Земля, в которой Петр докладывал об успешном прибытии объекта и отдела спецназа во главе с Петром. С утра у Сержа было плохое настроение: и в руководстве Коалиции, и среди военных царило уныние, ходили разные домыслы и слухи о

последних катастрофических потерях армии. На всех 47 каналах эта тема была под запретом, но отсутствие информации приводило к самым невероятным и абсурдным слухам. Не было ни организации, ни фирмы, ни компании, где не было бы контроля военной разведки. Даже фабрикой, распространением слухов и сплетен занимались специальные отделы военной разведки. Но тем не менее иные слухи и домыслы циркулировали почти на всех уровнях, что раздражало Сержа. На закончившемся вчера совещании в генеральном штабе по вопросу так называемой акции возмездия именно Серж настоял на отмене или, точнее, на переносе на более поздний срок этой акции.

Несмотря на протест Сержа, Купер тем не менее готовил карательную экспедицию на Марс. Серж знал, что Купер прекрасно понимает, что никаких баз террористов на Марсе нет. Но также Серж знал, что никто не может остановить военную машину, которая уже набрала обороты. С каждым днем Купер становился все раздражительнее и невыносимей. Нет, Сержу не было жалко тех миллионов людей, которые погибли бы на Марсе, даже не осознавая причину своей гибели, нет, дело было не в сентиментальности. Серж был разведчиком, именно его профессиональная суть не давала ему согласиться с планом Купера, и, более того, Серж был уверен, что опасность была серьезной и абсолютно реальной. В этом Серж не сомневался. Конечно, нанесут удары, отведут душу, успокоят общественное мнение, и все вернется на круги своя. Нет, с этим Серж согласиться не мог и не собирался. Проблемы были не только в давлении Купера, а в давлении монополий, которые умудрялись извлекать баснословные прибыли из любой войны. Серж прекрасно понимал, что если он и далее продолжит настаивать на своем, ему придется пойти на конфликт с весьма могущественными людьми. На всех каналах ТВ развернута самая настоящая истерия, днем и ночью крутятся ролики, где изображаются зверства землян. Показываются базы и секретные лаборатории, где разрабатываются новые виды оружия. Но Серж-то знал, что все это чушь, деньги уже инвестированы, и, более того, прибыль уже поделена. Серж вызвал офицера, который курировал эту спецоперацию. Его зовут Саймон. Он сразу начал докладывать о проводимой работе: идет массовая вербовка и отправка наемников на Марс. Также в экстренном порядке отправляются на Марс оружие и деньги, этим руководят Кери и его люди. Официального решения принято не было, но в том, что оно будет принято, никто не сомневался. Все знали, что скоро начнется война. Правда, мало кто знал, с кем и где находится противник.

Серые, холодные, при более пристальном рассмотрении кажущиеся стеклянными глаза Сержа остановились на лице Саймона и, казалось, так и застыли в немом вопросе. Саймон ждал вопроса, неожиданного, резкого и знал, как надо отвечать. Он знал, что Серж ему не доверяет. Но в последнее время никто никому не доверял.

Все были на взводе, на пределе. Последняя акция землян, потеря всех шести баз Восточного сектора обороны не прошли даром.

– Докладывай, – сухо и жестко произнес Серж. – Доложи мне об успехах.

Нет, к огромному сожалению Саймона, успехов не было, новых фактов не было, несмотря на титанические усилия разведки, ничего существенного не найдено: ни баз, ни секретных лабораторий. Да, Саймон не сомневался в существовании где-то этих сверхсекретных объектов, но где?

– Нет, – сказал Саймон, – еще раз нет ничего подобного, даже условно соответствующего тому, что кричат эти маньяки с телевидения, нет.

– Это я знаю, – ответил Серж, – это знаешь ты, но миллиарды телезрителей, граждан Коалиции, этого не знают, даже и знать не хотят. Им нужно простое и ясное объяснение, они хотят поверить в то, что причина гибели Восточного сектора обороны определена, враг найден. А что делают с врагом, который найден? Его уничтожают, – Серж резко встал и подошел к голографическому дисплею, где тут же появились свирепые лица главарей и генералов армии землян, которые стали сыпать глупые угрозы, оскорбления, рассказывать, как они уничтожали базы и добывали пленных. Серж выразительно посмотрел

на него. – Но девяносто процентов населения верят этой чепухе. А впрочем, – продолжил Серж, – дело не в этих телепередачах, а в том, что миллиардам правда не нужна, им необходима эта ложь. Их деформированные мозги просто не приемлют ни логики, ни трезвого анализа.

Карж! Интересно, что он собирается делать? Этот вопрос Серж задал Саймону. Он думал меньше секунды, но этой секунды Сержу хватило, чтобы понять, что решение принято и Карж начал переброску десантных частей.

– Да, – подтвердил Саймон, – Карж начал операцию.

Конечно, он понимал, что все происходит с ведома Купера.

– А это значит, – медленно произнес Серж, – нас решили игнорировать.

– Все понимают, что там баз нет и никто не знает, где эти базы, но одно точно, – заговорил Саймон, – вина за провал ляжет на нас, и, если сказать честно, не могу понять мотив этой спешки. Более того, не зная планы противника, который нанес мощнейший удар, мы бросаем огромные силы черт знает куда.

– Увы! – ответил Серж. – Мою позицию ты знаешь. Я сделал все, что мог, но нами правят капризы развращенной толпы. В любом случае, нам нужно иметь как можно больше своих людей в десантных частях.

– Да, да, – ответил Саймон, – мы делаем все возможное.

– Далее, свяжитесь срочно с Петром, скажите, его миссии оказывается неограниченная поддержка, вся надежда на них, телепортация прошла успешно.

– Я надеюсь, что эта операция поможет нам найти причину наших последних неудач.

Серж слушал Саймона не перебивая, очень внимательно, этот проект от идеи и до практического воплощения принадлежал ему, об этом Саймон знал. Он также знал, что Серж относится к данному проекту очень щепетильно. Саймон был профессиональным психологом, и именно поэтому был назначен Сержем на свою должность.

– Немедленно докладывай мне о любых изменениях, любые соображения, не считаясь ни с временем, ни с чем другим, – приказал Серж.

– Да, непременно, я понимаю, все пока идет по плану, но появилась одна проблема.

Серж настороженно посмотрел на него, Саймон некоторое время молчал, пытаясь скрыть свое волнение.

– Мозг Смита временами странным образом блокируется. Говоря проще, на всех приборах наступает полное молчание, при этом, с телом Смита никаких изменений не происходит. Все параметры в норме. Мы пока не можем выяснить причин данного феномена.

По лицу Сержа Саймон понял, что шеф озадачен сообщением, хотя нечто подобное он и ожидал. А это означало, что даже Саймон, ближайший помощник, не знал всего. Конечно, технология проникновения в подсознание членов Коалиции Земли, когда те находились в состоянии сна, и воздействие на них, принесла огромные результаты. Находясь в фазе сна, мозг землян функционировал в трехмерном пространстве, и все, что происходило на примитивном уровне, находясь во сне, потом отражалось в состоянии бодрствования. Трехмерное пространство сна теснейшим образом было связано с реальностью, многомерной и сложнейшей, в которой идет настоящая борьба, бесконечные войны, и световая скорость была уже пройденным этапом. Вселенная освоена, и перелет в любую из ее многочисленных галактик – реальность.

– Я не могу понять одного, – произнес Серж, – почему они не наносят больше ударов? Они, вместо того, чтобы развить успех, связанный с уничтожением Восточного сектора, полностью бездействуют.

– Да, – согласился Саймон, – это довольно странная тактика. Единственная зафиксированная активность землян – это переговоры их секретных послов в созвездии Ориона. Они вели переговоры с главарями местных диких государств, пытаясь подговорить к восстанию. Может, они специально ждут активности с нашей стороны. Наша технология по транспортировке наших агентов в тела землян

ими раскрыта и, по всей видимости, давно. Это значит, они научились распознавать зомбированных нами людей, могут давать им дезинформацию. – Неожиданно даже для себя он произнес: – Я боюсь, что в области психологических технологий они на порядок опередили нас и, по-моему, уничтожение Восточного сектора – это результат их успеха в этом направлении.

– Но этого быть не может, – Серж заметно нервничал. – А, впрочем, вся надежда на экспедицию Петра. Будем ждать.

Глава 2

Смиту ясно одно, что он каким-то непонятным образом оказался в чужом теле, на чуждой ему земле, среди непонятных ему людей. Кругом копать и черный дым, но при всем этом, как с удивлением заметил Смит, у него перестало болеть сердце. Все было непонятно, абсурдно, нелепо до дикости, но, несмотря на это, в груди царило какое-то спокойствие и умиротворение. Было только одно – Смит так и не смог заснуть. Вот уже месяц Смит здесь. Стоит ему лечь и закрыть глаза, как он переносится в другую реальность, при этом, каждый раз оказывается в разных исторических эпохах, в разных географических зонах. Смит ждал, ждал стойко, мужественно и изучал внимательно быт, образ жизни и психологию своих новых знакомых. Эти люди были реальны, были материальны, но все же что-то смущало и настораживало Смита в поведении этих странных обитателей развалин. Он жил среди них, общался с ними, но понять мотивы их поведения, логику их действий не мог. Создавалось впечатление, что это какие-то фрагменты, вырванные из контекста, части чего-то целого. Когда Смит общался, разговаривал с каждым по отдельности, еще можно было понимать их, но стоило им несколько собраться вместе, как начинался кошмар. Вместе они начинали нести ахинею и, чем больше общался, путаница только увеличивалась. Так же обстояло дело и в практической жизни – полная неразбериха и хаос. Несколько попыток Смита внести рациональное зерно в сумятицу окружающей жизни закончились полным провалом, более того, как заметил Смит, к нему стали относиться враждебно. Без сомнения, эти люди только притворялись разумными, или, точнее, их разум был фрагментарен, а это значило, что нет никакого смысла пытаться этим людям что-либо объяснять и повторять. Что же дальше? Смит не мог проводить время ничего не делая, в голове у него было несколько проектов, несложных, в принципе, исполнение которых могло существенно облегчить жизнь этих людей, но все попытки оказались безуспешными. Эти люди не способны организоваться, проявить добрую волю для решения элементарных задач даже бытового характера. Внешне, вроде, добрые люди, но копнешь: злоба, ложь, ненависть друг к другу. Когда Смит разговаривал с каждым по отдельности, его понимали, но при первой же попытке объединить их получался полный конфуз. Ведь, казалось бы, все просто и элементарно. Но нет, разброд, склоки, и в итоге – зря потерянное время и нервы. Смит знал, что он должен ждать, что с ним непременно выйдут на связь. Не ради экскурсии его депортировали в этот хаос! Помочь он им не в силах, и это факт. Ему оставалось ждать. Бытовые условия были невыносимые, но не это для Смита было самым тяжелым. Смита поражали в этих людях врожденное лицемерие и фальшь. Смит не мог до конца понять суть этого феномена, но каждый раз это ощущение оставляло негативный след и тяжелый осадок в душе. Создавалось впечатление, что этих людей гнетет некая сила, которая им неподконтрольна и чужда.

Смит познакомился с парнем, которого звали Макс. Это была странная дружба. Смит понял то, что карманы и их содержимое нужно тщательно охранять. Все, все воровали и разъяснения о пагубности данной практики жителям этих развалин были напрасны. Они с ним соглашались, лукаво усмехаясь, но воровать, врать и лицемерить не прекращали.

Все еще продолжалась эта абсурдная война, в которой так и не было понятно, кто и с кем воюет. Происходящее казалось Смиту некой галлюцинацией.

А, впрочем, Смит и сам не был уже ни в чем уверен. Он не мог понять суть данного материального мира. То, что во Вселенной существует многообразие материальных миров, он знал, но природы данного мира постичь не мог точно, хотя уже начинал убеждаться в том, что находится в антимире, то есть в мире сна, и, исходя из этой информации, после знакомства с планом «Киборг» понял: огромная роль отводилась нанесению ущерба силам землян путем проникновения в их подсознание во время сна. И Смит начинал понимать, в чем причина такого нелогичного губительного поведения землян здесь, в трехмерном пространстве, в отличие от тридцатитрехмерного, в котором происходит реальная, очень сложная, непостижимая, по сравнению с этой реальностью, жизнь. Воздействуя на простое, можно добиться результатов в очень сложном. Нет, Смит уже не сомневался в том, что то место, где он находился и которое местные жители называли планетой Земля, вовсе не являлось одной из периферийных планет Вселенной с примитивной системой жизни и измерений, тут все было сложнее.

Проведя исследования и тестирования, Смит пришел к выводу, что земляне имеют информацию о гиперпространстве, о жизни в реальной Вселенной, но эта информация заблокирована. Там идут страшные войны, там скорость, превышающая скорость света в тысячи раз, – это норма, а здесь до невероятности все сжато, примитивно. Все происходящее кажется бессмысленным, но это не так! И вера, что это не так, росла в Смите. Эта вера давала силы бороться с этой неопределенностью.

Он оказался здесь, в этой реальности, не смыкая глаз ни на секунду, его мозг не засыпал, и это было невыносимо. Более того, при упорных попытках заснуть в мозгу у него появлялись какие-то яркие картины, точнее, Смит впадал в забытие и переносился в какие-то другие временные пространственные реалии, не покидая при этом данный примитивный мир. Как предполагал Смит, заснуть означало для него переместиться в свой духовный мир. Видно, так происходило и с каждым жителем реального мира, и с каждым заснувшим землянином, но они об этом не знали, это оставалось вне сознания. Смит начал подозревать, что его «друзья» из С-1 провели эксперимент, и у них что-то сломалось и, может быть, ему теперь до смерти придется копаться в этой грязи. Но, как бы ни было тяжело, Смит начал осваиваться, и первым его открытием было то, что эти примитивные люди, казавшиеся на первый взгляд одинаковыми, на самом деле оказались абсолютно разными, и эта разница порой была весьма контрастна.

Глава 3

Саймон находился в лаборатории, где лежало тело Смита, подключенное к многочисленным приборам, которые контролировали каждый жизненный импульс. Все шло по программе: Смит спал в этой реалии и бодрствовал в той. Саймон был полностью в курсе этого плана со Смитом, но, судя по отношению к этому плану Сержа, здесь происходило что-то очень важное. Из этих раздумий его вывел сигнал – срочное сообщение по секретному каналу связи. Ровно сорок минут назад по галактическому времени, в районе созвездия Орион, Духовная коалиция нанесла очередной коварный удар: уничтожена военная база на планете Нептун и, более того, неслыханная наглость, – саму планету атаковали десантные части Духовной коалиции. В данный момент там идут жестокие бои. Он знал, что значит потеря для Коалиции многочисленных заводов и урановых рудников. Именно ради этих несметных залежей на этой отдаленной от центра Коалиции планете были построены многочисленные заводы.

Саймон получил приказ от Сержа срочно явиться к нему. А, впрочем, он и сам собирался к Сержу. На голографическом дисплее разъяренный Купер ругал и Сержа, и весь отдел С-1. Когда Купер отключился, установилась тишина, которую нарушил немного уставший голос Сержа:

– Да, – произнес Серж, – мы должны признать, что прозевали мощную операцию Духовной коалиции. Эти последние 50 лет они водили нас за нос, вели

с нами хитрую игру, и вот результат. Нет сомнений в том, что операция по захвату планеты Нептун – результат долгой и упорной работы, это свидетельствует о том, что они сумели скрыть от нас всю эту подготовку.

На дисплее снова появилось лицо Купера:

– Все военные базы по периметру Нептуна уничтожены. Духовная коалиция атаковала значительно превосходящими силами, идут тяжелейшие бои. Войсками землян командует генерал Хасс. Не мне вам объяснять, что ожидает наших колонистов, наши войска. Они требуют срочной помощи. Я вынужден отдать приказ всем кораблям, находящимся поблизости, идти на помощь нашим частям, воюющим на Нептуне. Но, черт побери, – в сердцах произнес Купер, – я не понимаю: земляне, готовившие эту акцию, не могли не прогнозировать именно такую нашу реакцию, и это значит, – продолжил Купер, – что нас загоняют в ловушку, они этого ждут.

Купер замолчал и вопросительно посмотрел на Сержа. Серж был бледен. По его напряженному лицу было видно, как ему тяжело. Да, Серж не сомневался в том, что земляне ждут именно этой реакции. Также он понимал, что никто не позволит Куперу смириться с этой катастрофой

– Я полностью согласен с вашей оценкой ситуации, – произнес Серж, – но, к сожалению, наша разведка не в силах повлиять на ситуацию. Старые технологии не действуют, программа «Киборг» дала полный сбой, и мы пока бессильны что-либо изменить.

Купер исчез так же резко, как и появился.

– Земляне дерутся как звери, – заговорил один из помощников Сержа, – а наши изнеженные легкими победами войска просто не в силах противостоять. Враги наступают, не обращая внимания на потери и, в основном, это военный транспорт и очень мало военных кораблей.

– Да, – задумчиво произнес Серж, – военные корабли землян ждут появления тех, кто бросится на помощь войскам Коалиции. Все свободны, – завершил Серж, – Саймон, останьтесь.

Когда они остались одни, Серж заговорил:

– Я считаю, что наших агентов, телепортированных в землян, необходимо вернуть.

Саймон и сам об этом думал, но не был уверен, а Серж тем временем продолжал в упор смотреть ему в глаза своим колючим взглядом, вдруг ставшим злым и беспощадным. Саймон чувствовал себя скованным, но все же твердо ответил:

– Нет, я не согласен. Я уверен, что судьба гиперпространства решается именно на этой маленькой примитивной Земле. Мы же с вами не только не должны возвращать наши тысячи агентов, а должны увеличить их численность.

Именно это хотел услышать Серж, и этот ответ его обрадовал.

В очередной сотый, тысячный раз Смит пытался заснуть, на улице раздавалась стрельба, ухали взрывы, в доме было сыро и холодно. Вдруг в голове появились слова: «Какая, однако, сила и энергия жизни», – подумал я, вспоминая те усилия, с которыми я оторвал цветок. Как он усиленно защищал и дорого продал свою жизнь. Потом появились девственные леса, поля и луга, усыпанные цветами, а он все стоит и не сдается человеку, уничтожающему все и вся вокруг себя. Да, да, конечно, не может человек уничтожать то, что является его колыбелью, его средой обитания. Это нелогично, это противоестественно, да, непременно, это так, но все же, при чем тут это, все это продолжается и уже в который раз, и нет ни сил, ни возможности что-либо изменить. Все это придется проанализировать, найти какую-нибудь нить, логику и нет компьютера, чтобы помог. Тут есть, правда, какие-то примитивные ящики, которые они называют компьютерами, но они даже представить не могут, какая огромная разница между настоящими компьютерами и тем, что они называют компьютером. Но, находясь здесь, в этом примитивном мире, и в то же время имея память о том мире, Смит никак не мог совместить знания и опыт из этого мира с земной реальностью, совместить это было просто невозможно!

Смит чувствовал, что память о том мире с каждым днем все более и более стирается, да так, что временами ему начинало казаться: а не пригрезилось ли ему все это?

Она появилась как-то странно, как появляется утренняя заря, как появляется луч света, как появляется радость, приносящая ликование душе и сердцу. И Смит понял, что это она, это та, которую он ждал, это та, для встречи с которой он преодолел межзвездные пространства в миллиарды световых лет. Вся сущность Смита ринулась к ней. Вдруг весь этот сумрак окружавшего хаоса стал не страшен, но некая сила и некий голос, звучавший в ее бездонных и непостижимо прекрасных глазах, заставили Смита остановиться и замереть. Оставайся спокойным, говорил голос, за тобой наблюдают, не проявляй эмоций, так ласково, так мило, но в то же время твердо требовал этот близкий, до боли родной голос, что Смит замер, не зная, что делать. А таинственная и прекрасная незнакомка ушла со словами: «Я вернусь, когда ты научишься контролировать свои эмоции».

Ушла, исчезла! Нечто большее, чем сам Смит, вспыхнуло, всколыхнулось внутри Смита, рванулось к ней и закричало: «Стой, не уходи!!!» И он с болью ощутил всю трагедию своего положения, в данный момент Смит не думал ни о гиперпространстве, ни о Вселенной с ее бесконечными войнами, все это исчезло, утонуло в ее прекрасных и ласковых глазах.

Первой мыслью после того, как Смит пришел в себя, было желание вскочить и броситься за ней, но нечто тревожное и предостерегающее удерживало Смита. И даже против доводов своего рассудка он медленно побрел в сторону развалин, среди которых она скрылась, где тут же наткнулся на два трупа. Было видно, что эти двое бежали в ту же сторону, куда шел Смит, но были сражены выстрелами в голову. По всей видимости, сработал снайпер, но больше всего удивило Смита, что оба убитых были его соседями, жителями этих развалин, и у них в руках было оружие. И появилась мысль: может быть, они погнались за ней? От этой мысли вспыхнула злость и сжались кулаки. А, впрочем, все это было уже в прошлом. Ясно одно: не один он тут вовсе и не забыли про него, это точно. Вновь зазвучала страшная канонада, в небе закружились вертолеты, и снова начался один из тысячных эпизодов этой странной и непонятной войны. Сколько ни пытался разобраться Смит в течение всех этих тринадцати месяцев, но так и не смог понять, кто и с кем воюет. Никто из местных, да и сами военные, не могли объяснить, что здесь происходит, в чем смысл всего этого кошмара.

Серж и вся команда работали круглые сутки, больше всего Серж ждал сообщений с Земли и, как только к нему зашел Саймон, он понял все. Есть! Они клюнули.

– Ровно десять минут назад, – доложил Саймон, – первый контакт состоялся. Результаты очень хорошие.

Серж выждал паузу, пытаясь скрыть свое волнение, и произнес:

– Ну, поздравляю, Саймон. Наконец-то мы начали операцию, теперь главное – не спугнуть.

– Так точно, – ответил он, – но беда в том, что, несмотря на тщательную подготовку контроперации, по всей видимости, земляне пронюхали, что Смит не один, они уже убили двоих наших агентов из группы Петра.

По реакции Сержа Саймон понял, что данное развитие ситуации вовсе не пугает его.

– Оказывайте противодействие средней интенсивности тем, кто пытается выйти на связь со Смитом, но не переусердствуйте, а самое главное, выясните любой ценой причину и обстоятельства гибели двух агентов из группы Петра. Может быть, это случайность? Работайте, – почувствовав в голосе шефа уверенные нотки, Саймон понял, что Серж очень доволен новостью. Серж, тут же помрачнев, продолжил:

– На планете Нептун дела обстоят не просто плохо, а очень плохо. Купер так и не решился ввести в бой основные силы, боясь ловушки и этого нового оружия.

И на каждом заседании Высшего совета Коалиции от меня демонстративно требуют точной информации о планах Духовной коалиции, хотя прекрасно знают о провале плана «Киборг».

– Конечно, – ответил Саймон, – хорошо быть великим полководцем, когда точно знаешь о каждом шаге противника и можешь влиять на решения, которые принимает твой противник еще в стадии их разработки.

Серж вдруг резко сменил тон, пристально посмотрел в глаза Саймону и произнес:

– Так-то оно так, но откуда Куперу известно подробно обо всем, что у нас здесь творится?

Саймон не любил такой тон и такие вопросы. Он молчал, а Серж тем временем продолжал:

– Этот Купер чуть ли не открытым текстом требует, чтобы активизировали свою агентурную сеть на Земле, это, в данной ситуации, равносильно ликвидации тех, кто еще не разоблачен. На это я согласиться не могу.

После этой фразы Серж помрачнел, поднял глаза, твердо посмотрел на Саймона:

– На это мы согласиться не можем и не согласимся.

Саймон понимал, что в Высшем совете предстоит схватка, и Серж с Купером в разных партиях. Саймон прекрасно знал, почему Серж так защищает своих агентов. Это люди Сержа. Также он понимал, что завтра, если это будет выгодно шефу и его группе, он, не задумываясь, пошлет их на смерть.

Жизнь Смита изменилась резко и бесповоротно после появления таинственной незнакомки. Нет, дальше сидеть в этих развалинах он не собирался. Он понял однозначно и твердо, что будет бороться и, если надо, будет драться. Появилась внутренняя сила и злость. С кем он будет бороться, Смит еще не знал, но за что – уже знал. За нее, за этот небесный образ, что светлее света, за святое таинство ее бездонных глаз. Нет, эта встреча не была случайной, это призыв, код, ключ к некой программе, запрятанной где-то там, в самых сокровенных глубинах души.

Да, да, вот оно то, на фоне чего все становится призрачным, дешевым, серым и пресным. Да, вот оно, вот эти мечи, вот битва лицом к лицу, вот она синева неба и желтый, обжигающий диск солнца.

Они прибыли поздно, они опоздали, их ждали, крепость уже захвачена. А эти маленькие косматые люди уже всюду. Кругом кровь и гибель, и та же копоть. Да, все это он помнит, ничего не понимая и не осознавая.

Что это, откуда приятная прохлада, это яркое, жаркое солнце и буйная, неукротимая, рвущаяся, наперекор всему, зелень... Кажется, ничто не в силах противостоять этой силе, этой красоте. Да, вот командир отряда, да, это он, нет сомнения, вот генерал Хасс, седой, усталый, конечно, он помнит последнюю инструкцию.

Хасс говорит:

– Дети мои, – он никогда не разговаривал так, – я отправлю вас в неведомое, я отправлю вас туда, где властвует жестокий и коварный враг, но знайте, что это наша планета, это наша родина, и от того, победите ли вы там или нет, зависит судьба Вселенной. Я больше вас не увижу. – Смит чувствует, как трудно говорить генералу. – Но помните, если вы там проиграете, ваши братья и сестры обречены здесь на вечное рабство, унижение и гибель.

Смит видит лица своих товарищей – их семьдесят пять парней и тридцать пять девушек, и перед ними поставлена задача победить или хотя бы максимально противодействовать агентурному десанту Кровавой коалиции. Смит снова видит усталое лицо Хасса.

– Я знаю, вас мало, а их там очень много, но я сделал все, что мог.

Смит чувствует, как вся его натура, вся его суть напрягается, как струна, готовая лопнуть, он вспоминает напряжение того момента, они здесь умрут, чтобы жить на земле, и вот она, его Фея, она с ним.

Он вглядывается в ее глаза, эти холодные, как горные вершины и в то же время теплые, как весеннее солнце, земное солнце, мягкие глаза. Нет, страха больше нет. Она ему улыбается своей неуловимой, чарующей улыбкой, в которой лед и пламень, в которой призыв и изгнание. Не было сомнения, что это была она. Именно ее появление вызвало к жизни, активизировало память, которая, казалось, спала. Ах, в чем дело? Да вот они все, молодые и красивые, сидят в специальных телепортационных креслах, но что дальше, что-то мешает Смиту видеть дальше? Дальше какой-то сигнал тревоги, сигнал опасности, но только она, ее лицо, ее загадочная улыбка пробивается через все препоны. А остальные? Он их не видит, вот только Фея сидит рядом и смотрит на него своим неземным взглядом. А дальше ослепительная вспышка света – и тьма, страшная, ни с чем не сравнимая тьма, тьма, которая сковывает, не дает шевельнуться, вздохнуть. Где лица товарищей? Их нет. Где имена? Их тоже нет. Вот их отряд после телепортации, а вот лицо Феи, близкое, изможденное.

Адаптация проходит очень тяжело, они здесь, в горах Кавказа. До этого, после потери Магаса, они воевали за каждое село, за каждый дом, но все было напрасно. Монголов было очень много. Они летят на своих маленьких косматых лошадях, но их можно победить. И вовсе не монголы победили Магас. Нет. Там, среди этих монголов, действуют люди Сумрачной коалиции, это они организовали этих кочевников, это они своей невероятной жестокостью и страхом заставляют их нести по всей Земле войну. И, чтобы победить монголов, надо воевать не с монголами – это напрасный труд. Их отряд уже разделился на тридцать пять пар. Смит с Феей здесь, с теми, кто бежит из Магаса. Жалкие остатки, в основном, женщины и дети, а из мужчин почти все руководство. Народ почти весь погиб, государство уничтожено, а те, кто несет ответственность, все живы и, более того, и дальше руководят.

В этой суматохе Смит знакомится с Хорсом. Он член Высшего совета государства аланов, он много знает, но очень мало говорит. Все попытки Смита выяснить, кто принял решение вывести армию из города, кто отдал армии приказ принять бой в степи в условиях, максимально благоприятных для монгольской конницы, остается без ответа. Получается все и никто конкретно. Хорс говорит:

– Мы поверили кипчакским послам, но они нас предали. Они, оказывается, были в тайном сговоре с монголами и в разгаре боя покинули, предали нас.

Да, все так и было. Тяжеловооруженная армия Магаса попала в боевое окружение и погибла после того, как кипчакская конница, стоявшая по флангам, в самый решительный момент бросила свои позиции. Да, это так, и это всем известно. Все проклинают кипчаков, но Смит понимает, что это не то, и это глупо. Главное не в этом. Главные предатели те из руководства Алании, что отдали приказ армии выйти из города, вот главные враги и предатели. Но почему это не видят аланы, почему они слепо продолжают следовать за теми, кто привел их к гибели, к катастрофе? А эти лидеры ведут себя так, как будто так и должно быть. Смит прекрасно знает, что так быть не может. Не может так быть.

Когда Смит очнулся, первое, что он увидел – решетка. Он стоял, прислонившись к окну в одном из разрушенных зданий, в котором, кроме сохранившейся решетки, не было ни рам, ни стекол. И снова эти сумерки, ввевшаяся уже во все гарь и копоть от горящей нефти и черный дым, поднимаясь, закрывающий солнце, космос, и Смит всей своей сущностью чувствует, как этот черный дым душит и губит все живое. Смит понял, что дым, гарь не действуют на определенный тип людей. Он сделал открытие. Мысль вдруг заставила его насторожиться, собраться. Он понял, что умеет отличать тех из людей, в которых телепортировались посланцы Сумрачной коалиции. Эта способность, как дополнительная информация, каким-то странным образом активизировавшаяся в нем, находилась не в мозгу, нет, это было нечто другое, непостижимое, это чувство появилось в области сердца, давало силы в самой тяжелой ситуации.

В час, когда уже не было сил, в глубинах души появлялся этот внутренний, незримый свет. И еще, сам не осознавая как, Смит интуитивно понял, что именно до этой информации, до этой сути пытается добраться Серж. Но также он осознал, что никогда и ни за что не отдаст, не продаст свою душу. Да, именно его душа нужна им. И снова в памяти Смита появляются картины. Вот это он, в какой-то странной военной форме, это один из них, его избивают, а один из них говорит ему:

– Ты глуп, все это ты себе вообразил, нет никакой души, нет Бога.

Он утверждает, что нет Бога, но Смит ему не верит, он знает, что есть Бог и что только вера в него помогает ему оставаться спокойным в самых критических ситуациях. А вот они уже в белых халатах. Да, это они, он узнает их лица. От них исходит какой-то мрак и снова им нужно у него что-то выведать, но что, Смит и сам не знает. А что было потом? Потом они его перезомбировали, забрали к себе, и он жил у них, под их постоянным контролем. Им нужна информация, которая в нем, и появляется ощущение радости от того, что они не достигли цели. Что только не перепробовали, но цели не достигли. Теперь они начали новую игру. Смит теперь мог их безошибочно различать. Даже не верится, как много их кругом, почти все на руководящих постах. Конечно, так было и после гибели Магаса, и они здесь не умирают, но каким-то странным образом дряхлеют не внешне, а разлагаются морально. Неуютно они чувствуют себя здесь. Здесь они чужие, и все, что здесь есть, для них враждебно и ненавистно. Везде, где они – разлад, войны, смерть, смута, злоба, зависть, ненависть, лицемерие и коварство. Одно ясно – нельзя далее оставлять управление в их руках, но как это объяснить спящим землянам? Задача ясна, но для решения ему нужен свой отряд, ему нужна его Фея. Но почему по этому вопросу у него полная блокада? Это его угнетает.

Да и Фея не появляется, куда же она исчезла? Вдруг Смита что-то одернуло, будто и он вернулся из воспоминаний и оказался все за той же знакомой решеткой, на этом пустом проеме окна, среди разрушенной реальности, среди груд бетона и кирпичей. И снова кругом эти люди, спящие, беспомощные земляне. Если бы они знали, какие они в настоящей реальности! Да, так было и после гибели Магаса. Они пали духом, не знали, что делать, и монголы были близко к цели, но не достигли ее, несмотря на сверхусилие и тех агентов, что воплотились в монголов и алан. Да, это заслуга отряда Смита. Они смогли спасти остатки алан и увести их в горы. Страшны были не монголы, а те, кто работал на них. Они, эти оборотни, притворялись своими, но спящие земляне этого не знали и не видели, да не видят и теперь. Явное физическое ощущение этой безвыходности появилось в Смите вновь. Это было чувство боли от осознания катастрофы и полной растерянности. Воинов нет, везде бесчинствуют монголы. Еще хуже подлость элиты, по вине которой произошла эта страшная трагедия, верхушка все еще остается на своих должностях и усиленно ведет переговоры, выклянчивая для себя привилегии. Вся страна в руинах, кругом бродят голодные женщины и дети, и не осталось ни чести, ни совести, все рухнуло.

И вот тогда они приняли решение прекратить войну и вывести остатки в горы. Это было трудное решение, но они смогли. В горы увели только часть, остальных рассеяли среди других народов. Главное на тот момент было, чтобы агенты Сумрачной коалиции не смогли добить тех, кого они уже, казалось, нашли. Многие аланы не знали, что происходит, но после того, как отряду Смита удалось обезвредить агентов Коалиции, все получилось. И тут Смит вспомнил, почувствовал обжигающую боль в сердце. Да, он помнил, что они бросили жребий. И вот жребий этот разделил его и Фею. У него была секунда для принятия решения. Вся его сущность кричала, вопила: «Не делай этого, ты не можешь, ты же командир!» И в этой же секунде был тот немой, но в то же время бесконечный, вселенский упрек ее непостижимо прекрасных и необъяснимо родных глаз. Был крик: «Не соглашайся, мы не можем, мы не должны расставаться!» Смит никогда не забудет эту, ставшую для него вечной, секунду, но он принял решение. В эту секунду Смицу казалось, что весь отряд

за них, но, увы, и они разошлись. Они ушли по разным направлениям, в разные народы и продолжили эту беспощадную войну. Да, конечно, вот результат их борьбы – победы землян в гиперпространстве. Конечно, не зря он остался непреклонным, он не мог поступить иначе. Захотелось улыбнуться, но эта боль в сердце, эта вечная рана напомнила о себе. Нет, не может он радоваться без нее. Он может все, но быть счастливым без нее он не может. Он искал ее, но где же она? Как она могла так появиться и внезапно исчезнуть? Да, он предал ее, он виноват перед ней, но все же это слишком жестоко. Нет, он ничего не хочет понимать, он хочет ее видеть. И Смит почувствовал непреодолимое желание ее увидеть. Да, конечно, долг, честь, приказ – это так, но где же она, что с ней? В ту секунду он смог бы все изменить, его бы поняли и простили. Она же поняла его, ее глаза ведь сказали ему, ее небесная, незримая и такая всепоглощающая улыбка сказала ему: «Я восхищаюсь тобой, я люблю тебя». Но он предал ее, он ее предал...

Смит начал метаться, он спал здесь, опутанный проводами и разными датчиками, каждая его мысль, каждое движение и каждая эмоция отражались на экранах в лаборатории. Там за всем происходящим следил Серж, напряженно всматриваясь в экран. Рядом с ним сидела капитан армейской разведки Вей Стар. Было видно, что она волнуется, она была как две капли воды похожа на Фею и являлась ключевой фигурой данного проекта. Спящий Смит успокоился. Серж, сидевший в напряжении, подобно хищнику, приготовившемуся разорвать дичь, перевел взгляд с экрана на Вей. Что-то не понравилось Сержу в выражении лица Вей, что именно, Серж не понял, но сейчас это было не главное. Вся сущность Вей была скорректирована под образ Феи, и все же Серж понимал, что при личной встрече Смит поймет, догадается о подмене. Первый опыт дал отличные результаты. Серж не сомневался: нельзя форсировать события. Они там, на Земле, уже организовали сотни войн, провели тысячи спецопераций, пытаясь все уничтожить, но все было напрасно. Отряд Смита продолжал работать, с каждым годом расширяясь и увеличивая зону сопротивления. Они рассеялись и смешались с остальными землянами, вычислить их уже было невозможно, на связь друг с другом они не выходили. За все это время им удалось уничтожить шесть членов отряда Смита, да и седьмой, сам Смит, находился в руках у Сержа. Серж знал, что только Смит знает всех членов своего отряда и только Смит знает, как установить с ними связь. Но все усилия, все попытки добиться этой информации оказались напрасными. Но Серж терпеливо и упорно вел свою работу.

Внезапно все импульсы, шедшие из мозга Смита, затихли. Мозг заблокировался, на многочисленных приборах наступило полное молчание. Но первый, пробный шаг дал великолепные результаты, и Серж всеми силами пытался скрыть свою радость от Вей. Хотя все эти подозрения могли оказаться плодом его усталости. Серж заметил, что Вей стремится побыстрее перебраться на Землю к Смигу. На это она запрограммирована, в этом и заключалась ее роль. Сержу не нравилось и то, что она слишком похожа на Фею, хотя и была проверенным офицером разведки.

– Я полностью готова к выполнению задания, – заявила Вей и при этом чуть заметно покраснела. Да, конечно, так она должна была себя вести, уже давно пора было вводить ее в игру, но Серж все не решался. Вей упорно продолжала утверждать, что она справится с заданием.

Мозг у Смита лихорадочно работал. Он чувствовал, что его мозг, подобно восставшему титану, рвет оковы, освобождается от пут и что сила бури, вызванная ее появлением, была огромной и всепобеждающей. Все блокировки, коды, введенные в лабораториях Сержа, лопались, как мыльные пузыри, а к Смигу возвращалось сознание, память. Он оживал. От отчаяния, бессилия и пессимизма не осталось и следа. Он вырвался, и это освобождение должно оставаться внутренней силой. Они, сидящие там в своих сатанинских лабораториях, не должны ничего заподозрить, для них он должен оставаться

беспомощным и ничего не понимающим. Теперь самое главное – установить связь с отрядом. Смит немедленно захотелось действовать, и он решительно и твердо пошел в город. Вся его суть ликовала и бурлила. Он не собирался сидеть далее ни секунды. Но, выйдя на так называемую улицу и пройдя несколько шагов, Смит в растерянности остановился. Он умел обращаться со всеми видами оружия, как свои пять пальцев знал все системы термоядерного и нейтронного оружия, умел нападать, организовывать засады, взрывать, он умел все, но в данной ситуации все это было бессмысленно. Против кого воевать? И те, и эти, в сущности, спящие земляне, и любые акции, наносящие урон, отрицательно отразятся в гиперпространстве на землянах. Более того, он находился под вечным контролем. В лучшем случае, они его уничтожат. Но что-то внутри Смита бурлило и кричало, не хотело слушать и подчиняться ни логике, ни здравому смыслу. Ведь он чувствует, он знает, что она здесь, где-то рядом. Но почему она не идет к нему? Может быть, забыла... Внутренний голос Смита говорил: «Нет, не мучай себя, ты же знаешь, что это не так». Нет, сказал Смит, все равно не соглашусь, не признаюсь, я буду сильнее, и я дойду до тебя и защищу. И бездонная синева ее глаз, вдруг возникнув в его памяти, мягко и нежно обволокла растерзанное сердце Смита, и боль ушла. Отчаяние ушло.

– Я все смогу, – сказал себе Смит. Они говорят, что ничего этого нет, они говорят, что все материально, что все продается. Они и ему пытались внушить, они говорили, что все измеряется уровнем благосостояния, все имеет вес, цвет, объем и цену. Ну а чем измерить, чем взвесить, чем оценить тот свет, ту радость и то счастье, которое способно подарить одно мгновение благосклонного и в то же время насмешливого взгляда ее милых, родных и невообразимо прекрасных глаз? Да, да, вот, оказывается, что они пытаются потушить, отобрать, растоптать, уничтожить. Вот чего не могут понять и простить землянам, вот чего у них нет и уже не будет, вот какой ценой они заплатили за эти невероятные успехи в развитии своей цивилизации. Именно за это они ненавидят землян!

Когда их отряд был телепортирован на Землю, перед ними была поставлена задача победить, но только теперь Смит понял, что они не могут проиграть, они должны победить и победят наперекор всему.

Да, конечно, не взрывать и убивать они должны здесь. Нет, эта тактика неприемлема. Земля слишком мала, слишком хрупка. Нет, здесь они должны действовать по-другому. Они должны противодействовать тем, кто взрывает, убивает, творит мерзости и подлости. А для этой борьбы термоядерное оружие не нужно. Для этого нужна сила духа, вера и готовность на самопожертвование. Для этого нужны воины, способные любить. Ведь опираясь на ненависть здесь, на этой хрупкой земле, не победишь. Они говорят, что любви нет, что главное для каждого хватать и тащить на себя. Так вот, решил Смит, то оружие, в существование которого они не верят, и применим против них. Смит начал искать тех, кто воюет не за деньги, не по службе, кто воюет не против, а за то, чтобы попытаться объяснить тем и этим, что эта ненависть, злоба, весь этот ужас и мерзости, что творятся здесь, противоестественны для землян, что за этим стоят агенты Сумрачной коалиции.

Когда отчаяние переходит все границы, оно превращается в тихую, ноющую усталость и тоску. Именно в таком состоянии находился Смит, когда в его обиталище вдруг вошла Фея. Просто открылась дверь, и она вошла. Он ее столько ждал, столько мучился и жаждал увидеть, и вот она вошла, легкая и красивая, в меру строгая, со своей всегда пленявшей его улыбкой. Вошла и, ничего не говоря, села на единственный стул, стоявший в убогой квартире Смита. А он так и остался сидеть на своей кровати, и ничего, ничего не появилось в душе у Смита, только шок.

– Я долго ждал тебя, – сказал Смит, сам удивляясь своему спокойствию. Реальность возвращалась, и он с каждой минутой все сильнее и сильнее чувствовал это, но все его переживания и страдания были лишь лишь минутной непростительной слабостью, они здесь не за этим. Он не признается в этом даже ей.

– Я был захвачен спецслужбами Коалиции, – сказал Смит,

– Я знаю, – ответила Фея.

– А я ничего не знаю, – произнес Смит, – и даже не понимаю, как я оказался здесь и что вообще происходит.

– Я тоже очень мало знаю. После того, как мы расстались, трое из нашей группы погибли, я чудом спаслась. Я была одна без связи, без паролей, перебивалась и выживала, как могла, что с другими – не знаю. Теперь, когда я нашла тебя, мы сможем выйти на другие группы, мы сможем работать. Я уверена, остальные группы работают, – произнесла Фея и в ее глазах застыли слезы. – Я так ждала тебя...

Она была маленькая, хрупкая, беззащитная, и Смигу захотелось обнять ее за плечи, притронуться к ее волосам, но он не сделал этого. Смит знал, что потом он будет корить себя за это, пересилив себя, он холодно задал вопрос:

– Как ты меня нашла, Фея?

Она вспыхнула, и в ее выразительных глазах промелькнула обида.

– Ты боишься меня, ты меня никогда не любил, – с тоской и горечью произнесла Фея. Смит молчал, он не чувствовал в себе сил ни говорить, ни думать. Нечто сильнее и могущественнее самого Смита схватило его за горло, сковало все его мысли. Этого быть не могло, но это было – к нему пришла та, которую он так мучительно и долго ждал, но ничего, кроме холода и страха перед ней, Смит не чувствовал.

На Вей эта встреча произвела ошеломляющее впечатление. Конечно, она была запрограммирована, настроена на любовь к Смигу. Внутри все равно должен был оставаться костяк, суть, которая ненавидела Смита и всех их как врагов. Но после нескольких минут, проведенных в этой убогой комнатке с этим усталым человеком, Вей почувствовала в себе безграничное море тепла и всепоглощающей любви и нежности, которая вспыхнула и разгорелась. Все, что до сих пор казалось незыблемым, стало мелким и призрачным. Ошеломленная и потрясенная, Вей молчала, только слезы, лившиеся из ее глаз, говорили о ее волнении.

– Я хотел сказать тебе, – заговорил Смит, – что синева неба – это ты, что свет солнца – это ты. Я ждал тебя и мечтал об этой встрече. Я много раз говорил с тобой, и, была бы моя воля, я хотел бы вечно говорить с тобой и никогда не расставаться. Когда я с тобой, мне мешает вся Вселенная. Но самое страшное в том, что с первой минуты твоего появления я понял, что это невозможно!!!

Вей хотела переубедить Смита, она верила, что они будут вместе, что они будут счастливы, и не хотела, чтобы даже на словах было иначе, но тут же в мозгу у нее вспыхнула злость и лицо исказилось ревностью. Но почему, почему он любит не ее?!

В данную секунду офицер армейской разведки Вей Стар хотела лишь одного: она хотела быть просто Феей и никогда не расставаться с этим измученным человеком. Она была согласна жить среди этих развалин и хаоса. Неужели такое возможно? Вей усилием воли взяла себя в руки. Все должно идти по плану. Смит сидел на кровати спокойный и безучастный ко всему. Он командир экспедиционного диверсионного отряда, а перед ним один из его подчиненных, вот и все. Что удивительно, он совершенно контролировал себя. Да, когда она была далеко, он сходил с ума по ней, но теперь почему-то все иначе, необходимо срочно выйти на связь с теми, кто выжил. Фея утверждает, что, как только они расстались, их группа подверглась нападению, и они рассеялись. Смит поймал себя на мысли, что ему больно это слышать, но самое удивительное: он почему-то не верил ни одному ее слову. И, словно почувствовав это, Фея начала:

– Что, так и собираешься сидеть? Ты же командир, у тебя же есть система экстренной связи.

Смит вспомнил, что у него действительно есть система связи, но откуда об этом знает Фея? Желая выведать эту систему, они пытали его. Что происходит и как он оказался в одной комнате с Феей? Он понимал странность своего поведения, но просто не мог поверить, что такое может быть. Его мозг заблокирован, он

ничего не помнит, точнее, боится вспомнить. Вот женщина, называющая себя Феей, но скорее всего она мираж. А про систему она сказала правду, и Смит, лучший из всех командиров Коалиции землян, почувствовал жгучую обиду и боль от бессилия. Его тело, каждая клетка которого была запрограммирована на войну и уничтожение, напряглось и приготовилось к действию. Он знал, что делать, и цели были намечены. Было средство добычи нужного оружия, и скулы сводило от предвкушения мести. Но в данное время воля, сила и тренировка нужны не для того, чтобы нанести удар врагу, а для того, чтобы ждать. И уже в который раз отдал своему сознанию приказ отставить. Мрачным голосом он заговорил:

– Я не представляю, как установить связь с отрядом, я забыл, не могу вспомнить.

Тут Фея заговорила нежным и вкрадчивым голосом:

– Я помогу тебе, ты должен мне верить, родной мой.

– Хорошо, хорошо, – твердил Смит, – я обязательно вспомню и расскажу тебе, ты только подожди. Я верю тебе и, пожалуйста, только не уходи. Все изменится, ты только не уходи...

Дальнейшая жизнь Смита превратилась в настоящий кошмар.

– Мы не можем просто сидеть среди этих развалин, ты командир, ты должен найти свой отряд, – гневно сверкая глазами, твердила Фея.

Смит обычно сидел в углу их маленькой комнатушки, съездившись, и не знал, что делать.

– Они должны быть среди воюющих, – заговорила Фея.

– Я искал их везде, но не нашел следов. Система связи есть, но я ничего не помню, помоги мне, – вновь и вновь повторял Смит. Но Фея с каждым днем становилась все агрессивнее и беспрестанно твердила:

– Ты должен, ты обязан...

А на улице продолжался артобстрел, свистели пули и взрывались мины.

– Я не только не могу кого-нибудь найти из наших, – говорил Смит, – я не могу понять, в чем смысл этой непонятной, абсурдной войны. Это же не война, это какое-то кошмарное сновидение. Фактически, те, кого считают противниками, в принципе друг друга и не трогают. Наоборот, постоянно снабжают оружием и деньгами, открыто и часто встречаются, пьют шампанское и водку, и при этом обе формально воюющие меж собой стороны с особой жестокостью убивают мирное население. В чем смысл?

В глазах Феи не было ни понимания, ни сочувствия. На дне этих глаз была холодная злоба.

– Да все понятно, – резко заговорила Фея. – Обе воюющие стороны находятся под контролем агентов Коалиции, и эта война просто спектакль. Они выявляют и уничтожают среди спящих землян самых сильных и достойных, для того, чтобы повлиять на войну в гиперпространстве. – И вновь Смит заметил в ее глазах высокомерие и злобу.

Серж нервно ходил по кабинету. Саймон ждал. Ситуация с каждым днем только ухудшалась. Нептун они уже потеряли, удары землян становились все ожесточеннее. Серж внезапно остановился и резко заговорил:

– Саймон, я буду говорить, а ты спорь со мной. Вот есть тепло – холод, приятное – неприятное. Все измеряется, изучается и оценивается. Но что заставляет Смита и ему подобных переносить все эти страдания? Они это называют духом, духовными ценностями, а мы – иллюзией, бредом, аномалией, – Серж снова посмотрел на Смита своим цепким, пронизывающим взглядом. Саймон понимал, что Серж сказал не все, что хотел, и поэтому с нетерпением ждал.

Конечно, все были напуганы и растеряны. Все их могущество оказалось таким иллюзорным, жизнь продолжалась, война продолжалась, и никто не представлял, какой сюрприз ожидать завтра. В Серже он ценил его пронзительный аналитический ум, но временами умные глаза Сержа становились страшными,

стальными, ничем не пробиваемыми. И в такие моменты ему бывало почти невыносимо работать с Сержем. И вот теперь Серж был на взводе.

– Ответь мне, почему вся наша мощь, вся наша наука не в силах справиться с этим ничтожным, жалким существом? Мы можем этого Смита раздробить на мелкие атомы, а потом снова собрать, но мы не в силах заставить его выдать нам элементарную информацию.

Серж замолчал и зло посмотрел на него, как будто он был причиной молчания Смита. Саймон понимал, что шеф нервничает, не знает, что делать, и вместо того, чтобы прямо попросить совета, разыгрывает эти сцены. Кругом ложь, лицемерие и взаимная ненависть, мораль и совесть считаются одной из форм болезни. Но факт остается фактом: злобы и ненависти к Сержу он не чувствует, он просто должен делать свою работу. Что те сумасшедшие, что этот маньяк – все надоели, и Саймон заговорил:

– Серж, ты знаешь, что я очень долго учился и изучал науку о душе, то есть изучал то, чего не существует в природе, то, что нельзя ни увидеть, ни взвесить, ни оценить, ни измерить. Так вот, Серж, это нечто несуществующее стало создавать нам серьезные проблемы. Мы-то с тобой знаем, что мы на самом деле ничего не знаем об истинной причине гибели Восточного сектора обороны. Мы-то с тобой знаем о многочисленных фактах и явлениях, которые ни понять, ни объяснить наука не в силах. Вот сколько мы бьемся со Смитом, но давай признаемся, что, несмотря на титанические усилия, результат равен нулю.

Серж никогда не доверял Саймону, но тот был талантливейшим психологом и его ближайшим помощником. И вот теперь Серж лихорадочно думал над тем, что ему придется жертвовать им. Саймон прочитал эту мысль, но решил идти до конца. Что-то вдруг взбунтовалось в нем и не желало далее подчиняться.

– Ты меня можешь уничтожить, – сказал он Сержу. – Следующим твоим приказом будет уничтожение Вей Стар, но ты же понимаешь, что это тупик.

Самое страшное заключалось в том, что Серж все это понимал. В правительстве от него требовали результатов, и вот в самый решительный момент он терял Саймона. И самой неприятной новостью, которую он даже вслух боялся произнести, было то, что его лучший агент Вей Стар могла выйти из-под контроля. Но откуда ему стало об этом известно?

– То, что ты говоришь, – бред, – Серж пытался быть как можно строже, но Саймон продолжил, не обращая никакого внимания на слова Сержа.

– Или мы меняем тактику, или мы проиграли, – Саймон выдержал паузу и продолжил: – Первое: мы должны перестать врать друг другу.

– Хорошо, – произнес Серж, – но мне нужна победа. Хозяин не простит поражения.

– Конечно, за все приходится платить. Мы ненавидим друг друга. Такие понятия, как честь, совесть, подлость, любовь – для нас отсутствуют. Это же глупости, мешающие прогрессу, фантазии, которые не дают достичь цели. Да, так говорим мы, но они с этим не согласны.

– И именно поэтому они проиграли, – выпалил Серж.

– Да, это так, – задумчиво произнес Саймон. – Но в то же время они проиграли не потому, что верили в эти иллюзии.

После этих слов Серж понял, что не зря его боялся, Саймон слишком умен, но в данной ситуации он нужен и его придется потерпеть. Сержу необходим положительный результат в проекте со Смитом. Потому Серж решил подыграть ему. Пусть работает, видимо, от долгого контакта со Смитом он тоже немного заразился.

– Саймон, – вкрадчиво произнес Серж, пытаясь улыбаться как можно дружелюбнее. – Я тебя ценю как своего помощника...

Но тот не дал ему договорить:

– Это лишнее, Серж, да и времени у нас нет. Все значительно серьезнее и хуже, чем предполагают в правительстве.

Это переходило все границы, но Серж решил держать себя в руках. Слишком много у него было завистников и врагов в правительстве.

– Хорошо, – твердо произнес Серж. – Бери инициативу в свои руки, предлагай и действуй. Я знаю, Саймон, ты талантливейший ученый, гениальный психолог. Именно по этой причине ты находился в черном списке, и я, забрав тебя в свой отдел, фактически спас от репрессий.

Но всегда спокойный и немного застенчивый, на этот раз Саймон вел себя как одержимый. Он ничего не хотел слушать.

– Я понял, я знаю, что надо делать, – упрямо твердил Саймон. – И именно твои слова подтолкнули меня к этому. Холод – тепло, хорошо – плохо – на этих аксиомах все строится у нас. И у них все так же, но в то же время не так. Что заставляет их вместо удобства выбирать неудобства, вместо тепла – холод, вместо жизни – смерть. И делают это они сознательно. – Серж попытался вставить реплику, сказать, что ученые Коалиции считают такое поведение аномалией, но Саймон грубо прервал его попытку и продолжил тем же, не терпящим возражения, тоном:

– Чушь, чушь все это, сказки для дураков и обывателей, считающих, что невидимое ими, в природе не существует совсем.

Серж внезапно замолчал, Сержу очень хотелось слушать его дальше, потому что мысли Саймона очень его заинтересовали. Сержу казалось, что тот скажет что-то такое ему очень нужное, полезное, но Саймон замолчал, отрешенно уставившись в одну точку.

– Продолжай, продолжай, – осторожно попросил Серж, но Саймон устало посмотрел на него и сказал:

– Я сам многого не понимаю, но вследствие фундаментального исследования Смита я понял признаки некоей непонятной субстанции, незримой, непостижимой, но в то же время обладающей энергией. Это то, что они называют Богом или вселенской душой.

– Но это же миф, – грустно произнес Серж, – ты мне лучше скажи, какое это все имеет отношение к нашей войне с землянами? Ты лучше скажи, что делать с этим чертовым Смитом и как его заставить выдать ту информацию, которая у него, вне всякого сомнения, есть? Саймон, мы разобрали Смита на молекулы и атомы, ни одной его клетки не оставили без проверки и ничего не нашли.

– Ты мне сейчас говоришь, что информация у него есть, тогда где он ее прячет? Может быть, в мифе, в том, чего не существует в природе? – Саймон замолчал и ликующе посмотрел на Сержа, у которого от всего этого начала болеть голова. Но ему не хотелось отказываться даже от этой иллюзорной надежды на прорыв.

В столе Сержа лежала совершенно секретная шифрограмма с Земли от Петра, в которой тот докладывал, что Вей Стар стала совершенно неуправляемой и требовал разрешения ее ликвидировать. Петр подозревал, что девушка может перейти на сторону Смита.

Вей Стар, лучшая ученица Сержа, его гордость, и Сержу захотелось поделиться с Саймоном этой новостью и ознакомить его с шифрограммой. Эта новость еще больше взвинтила Саймона, и он с лихорадочным блеском в глазах начал твердить:

– Я так и знал, так и знал. В ее генах, в ее матрице проснулась тоска, она живет в глубинах памяти, это тоска по тому, что нельзя ни измерить, ни купить, ни оценить, и это нечто дороже, ценнее всего материального. – Сержу показалось, что Саймон окончательно свихнулся, но все он же продолжал его слушать.

– Я знаю, в чем дело, я нашел суть в их мифах и понял первоисточник нашего предка. Нашего предка звали Каин, а предка землян – Авель. От этих двух братьев мы и произошли. Но наш предок Каин убил Авеля. А знаешь, почему он это сделал?

Серж не знал и даже не интересовался, ему было просто не до этого, он очень устал. Правда, его интересовало, отчего сошел с ума его заместитель, почему вышла из-под контроля агент Вей Стар и что он будет докладывать на заседании Штаба. Ведь желающих его заменить хоть отбавляй. И какую форму

несчастливого случая выбрать для Саймона. В свою очередь, Саймон понял все, да Серж и не скрывал от него своих мыслей.

– Смерти я не боюсь, Серж, – угрюмо заявил Саймон, – ибо смерть – это не конец, смерть есть только начало. Я рассказал тебе про Каина и Авеля, но я знаю истории и поинтересней.

– Нет, – сказал Серж. – Мне эти истории неинтересны. Ты мне лучше про Смита и Вей расскажи, потому что тебе так же, как и им, недолго осталось и слушать, и рассказывать.

Саймон с ненавистью смотрел на Сержа. Да, Серж такой же враг, как и все друг для друга враги. Каждый живет для себя, в этом закон их жизни, а остальное все – иллюзия. Но он не таков.

– Я пойду с тобой на сделку, Серж. Я прозрел там, где вы слепы. Я помогу тебе, а взамен ты сохранишь мне жизнь и позволишь работать в проекте со Смитом.

Сержу показалось, что Саймон диктует ему условия, но самое удивительное состояло в том, что он ему подчиняется. Ученый тем временем продолжал:

– Сделка не ради жизни, а ради науки. Итак, ликвидировать Вей Стар нельзя. Все идет как нельзя лучше для вас. То, что Вей влюбилась в Смита, вам только на руку. Невлюбленную Вей душа Смита не впустила бы в себя. Неужели ты не понимаешь, что это единственная возможность пробиться через защитную блокировку Смита?!

Сержа поразила эта мысль. Неужели все так просто, думал он, волнуясь все больше и больше.

– Ну, а дальше?

– А дальше заблокируйте в памяти Вей все, что не относится к Фее.

– Но что нам это даст? Тогда же она не сможет выудить у Смита нужную информацию?

– Конечно, нет, – подтвердил Саймон, – вы же знаете, что Смит – тщательно подготовленный разведчик.

– Говори, – грозно процедил Серж. – И знай, что от твоих слов зависит твоя жизнь. Какой нам смысл создавать счастливую семейную пару Феи и Смита?

– Не ехидничай, – невозмутимо продолжал Саймон. – Ты, оказывается, действительно, не знаешь, что такое семейное счастье. Так вот, эта война сломит дух Смита, его веру, для Смита это суть всего его существования, это то, за что Каин убил Авеля. Это то, что Бог дал Авелю и, несмотря на все труды и усилия, не дал Каину.

– Ладно, ладно, что делать дальше?

– Дальше все очень просто. Как только Вей проникнет в душу Смита, в ней проснется Каин, но она не будет этого осознавать, а значит, не почувствует и Смит. Мне жаль Смита, – закончил Саймон.

– А мне жаль себя, – буркнул Серж. Настроение его изменилось, он начинал понимать. Две изначально враждебные, несовместимые субстанции объединились и тем самым наносят удар в святая святых непримиримого врага. Но существует опасность, что Фея может стать двойным агентом. Вдруг она сознательно перейдет на сторону землян? Она несет в себе очень много секретной информации.

– Можете не бояться, – словно прочитав его мысли, ответил психолог. – Авель и Каин не могут между собой договориться. Каин поклоняется грубой материи и будет поклоняться тлену, неистово ненавидя и не понимая Авеля, которому Бог подарил радость и счастье.

– Ладно, – ответил Серж, – посмотрим. Ты будешь жить под полным арестом, а информация о твоей скоростижной смерти уже завтра появится в прессе.

Продолжение следует.

Тимбулатов Мовсар**Даймохк**

Даймохк, хьобга дагар дуьйцуш,
Къайлах безам белхабо,
Лекхчу лома буюххье вуйлуш,
Дог ца лебаш, хьобжу со!

Лекха лаьмнаш, шира хьаннаш,
Органа тIехь хьийза дохк.
Эшарш хеза, декош Iаннаш,
Мел ирсе бу сан Даймохк!

КIорге Iинах со мел вуйли,
ТIетта чIагIло эшараш.
Кийра Iабош ас хи муьйлу,
Мел чомехь ду шовданах.

КIад ца луш ас йоху гIулчаш,
Хьийзаш олхазарш а гуш.
ТIома вала, тIемаш хилча,
Мархийн болар хаалуш.

Яздина дац суна Дала,
Кхерсташ лела хIаваэхь.
Воккхаве со, гуш сайн Iалам –
Зарзар декаш дитта тIехь...

Вайн Даймехкан кхане хазьеш,
Кхуьуш бу вайн мехкарий.
МостагIчух вайн Даймохк ларбеш,
ГIаролехь бу къонахий.

ДIадийначохь кхуьу ялташ,
Иштта стоьмаш, хасстоьмаш.
ДIасахьабжча гуш ю ярташ –
Бертахь деха адамаш.

Сан Даймахкахь хIора Iуьйре
ЙогIу, дохьуш шеца ирсе.
Дехар ду вай, чIагIьеш уьйраш,
Iалашбеш вайн дешнийн гIирс!

Соблжа-гIалахь дахар кхехка.
Къинхетаме хьабжна малх.
Машенаш шайн хьохкуш чехка,
Карзахбевлла кегий нах.

Корта бахон молха молу,
ТIабхьенна яц оила еш...

Машенашца «тIома бовлу»,
Шайн болчаьрна бала беш...

Шу хIун лобьуш лела теша?
Iожалла ю лобьург аш?
Нахана беш боккха изшам,
«Хенал хьалха» доккхуш каш...

Я ца тоьа техьа вайна,
ТIамо хIаллакбина нах?
Я хууш дац техьа шуна –
ГIело лар а Сибрехахь???

Сонталла а юссий даг тIе,
Хохку... маьрша стаг а вуйш...
Декъазчарна Iарждо «кIайн» де,
Нанойн белхарш дац-кха туйш...

Минотана сецна доцуш,
Хаддаза «болх беш» ду шайтIа.
Куралла цо даг тIе йоссосш –
Цуьнга аш шайш къар ма дайта...

Собарде цкъа. Сих ма луо шу,
Ойлае, адамаш, хIай!
Деле доьхуш лардар вуочух,
Бертахь, ирсе дахий вай!

ТIабхьара горгали

ТIабхьара горгали
бекна вай къабсташ,
Эр ду ас, дог Iовжош,
тIабхьара дош.
ТIаккха тхо дIагIур ду,
дахаро хьобстуш,
Тхайн оила стигланан паналле хьош.

Цхъайтта шо дладаьлча
ишколах къаьста,
Мел къаста ца лууш хыйзарх а вай.
Ишколехь д'аьяьлла
тхан цхъайтта б'аьсте,
Ишколан корера тхан чиркх д'абай.

Дахар – и къиза ду. Хууш дац хьанна?
Мел ч'ог'ла дезарх а, дуьне ду – харц.
Ткъа тахна тхуний бен,
хууш дац цхъанна,
Муха ду, ловш латта
ойланийн дарц...

Ойланехь кхоллало дуккха а хеттарш:
«Муьлхачу аг'ор
д'ахъавзар те некъ?!»
Цундела дитина х'ораннан хеттарш,
Кобртаниг – халонех довлар ду чекх.

Ойланийн дохк а ду
кхетамах хьерчаш,
Ц'ехъана кхийти
цу дахкарлахь ткъес –
Дахарехь хиллаче чкъург юхакерча,
Меттаходохуш иэс:

Тхо кхийти... Кхин цкъа а
йиш ма яц дахка,
Дешархой хилла кху ишколе схъа.
Тхо хьалха дитина шианнаш дахкарх,
Г'ертар дац ц'ера дарс дийца а д'а...

Хъехархой! Х'оразза
шун ц'е а йоккхуш,
Т'етта а сов юьйлу дегнашкахь ц'е.
Цу дагалецамо дог карзахдоккху,
Ткъа тахна биснарг бац даглецам бен.

Аш тхуна хийлазза хъехарш ма дора,
Лууш тхох хилийта яхьйолу нах.
Ткъа тахна лаьтта тхо,
кхачийна г'ора,
Х'еттехь ца бовзарна
цу дешнийн мах.

Делахь а дайна дац и хъехарш доьза,
Дуьнен чохь мел деха, тхоеца ду уьш.
Ишколехь г'ийна вай
хилла цхъа доьзал,
Ирсечу б'аьргашца сатийсам гуш.

Мел дукха дешнаш ду х'ораннах ала,
Кху цхъайтта шарахь а
ца хилла дерш.
Маржа я1, йиш хилча дешица кхала,
Хъомечу хъехархойн
исбаьхъа ц'ерш...

Цундела тахана тхан а ду хъехар,
Ишколехь т'екхуььчу
т'аьхъенна дан:
«Бух боцчу ловзаршка ма дайта г'еха,
Ма яйа эрна аш бераллин хан.

Ишколан дахарна юьстах ма латта,
Ма хила, доттаг'ий, заманан лай.
Ишколан доладан ца хиларх атта,
Дош дац-кха шайн школехь
шу бацахь дай...»

Т'аьххъара ишколах
къаьстачу дийнахь,
Массеран ц'арах а ч'аг'ло йо ас:
Замано мел дахарх вовшашна гена,
Йициййр яц тхайн хилла
самукъне класс...

20.05.2015 г.

Нохчий

Атта дац-кха болат дахчон,
Цул а хала – къарван Нохчо.
Г'азап, бала шортта лайна,
Халонаш а дукха яйна.
Мел висарх а дайна г'ора,
Х'оьттина вац цкъа а гора.

Гора я1, самаьрша нохчий,
Ца лехна аш ахчий-бохчий:
Х'ора гурахь латта охуш,
Хастамаш а Далла бохуш,
Тоьаш баьхна, хиларх миска,
Яа хилчахъана сискал...

Нохчашна шашь хетта ирсе,
Б'аьрг тоха йиш хилча ирзе...
Галашбойла везчу Дала,
Нохчий, кхин ца гойтуш бала.
Майра к'ентий, мехкарий,
Ца дайинарш мехкан сий!

Давлетукаев Анзор**Арван**

Дийцар

«Филармония» социйле кхаьчча трамвайни аьккан некъ а хадош, сехъа тротуара тӀе елира иза. Цуьнца жима бер дара куьг лаьцна. Цо иза сих-сиха хьостура, хӀетахь цуьнан юьхь цхьа тамехь елалора, цӀен бос лепачу беснеш тӀехь горга юьхь кхулуш башха кӀаьгнаш хӀуьттура. Беран дог эцна ма-еллинехь, шуьйрачу хьаж тӀера хьаьрса месаш дӀасатоттура йоӀа. Латтар, йолаялар, дӀасахьажар, беран догъэцар – шадерриг дара цуьнгахь башха. Вахин дог къовзийра йоӀа. ХӀара ю-кх хӀинццалца эзарнашлахь аса сатийсинарг, лехнарг, дуьххьара ма-гиннехь даго къобалинарг, хьегнарг, стиглара чубоьжначу седанца хазалла къуьйсу нуьре амат дерг, кхехкара кийрахь ойла. Вахина и йоӀ бен гуш хӀумма а дацара. Иза хӀалаяьллачу №3 йолчу трамвай тӀе хӀала а ваьлла, микрорайон йолчухьа дӀавахара иза. Уггар садуург, йоӀа ша тергал ца вар дара, оцу минотехь и кийча вара муьлхха а хьуьнар гайта, доккхачу дуьненан йисте ваха и резаярхьама. Цунна цкъа а хилла дацара иштта йоӀа синтем бохор. Халонца иза доьшуш йолчу педучилишан юкьярӀойлин адрес даьккхира ас. ЙоьӀан цӀе Арван юйла хиира.

Цул тӀаьхьа Ваха кӀиранах шозза-кхузза воьдура тӀеххийза йоӀ Ӏачу студентийн юкьяраӀойле. Араяла хьеелча дагалелхачу бес-бесарчу ойланаша холчухӀиттош шеконаша огура кийра. Цхьаьнакхетча, коьртачу декъана, хьалде, дешарх къамел дара дийриг. Сих-сиха варо Арван шен доггах болчу безамах кхеташ хиларх тешна вара, воккха а вора оцу хьолах. Шега деллачу хаттарна жоп даларна бен кхин хабарна тӀера яцара Арван. И цкъа а юьхьадуьхьал ца хьожура, цундела Вахина атта хуьлура йоьӀан боьмаша бӀаьргаш тергал дан, хазалле дог Ӏаббалц хьежа, цуьнан юьхь тӀехь комаьршо, догцӀеналла, муьтӀаьхьалла а еша. Арван яра цуьнан дагна езаш еза паччахь, сатийсам, и хиларх дагна хьаам хилла, сатийса а, гуттар ган а лаар – и шадерриге ийна, цхьа тамашийна хӀора цхьаьнакхетар синхьаам, синтем бохуш догӀура.

Ваха цкъацкъа холчухӀуттура, лаамаза оцу цӀеххьана еанчу марзонах хьадда, дуьнен чохь дог Ӏабо йиш йоцуш, къобал хила амал доцуш висарна.

«Со селхана охьягӀаш», – олий, ламанхойн мотт буьйцура цо. И буьйцуш и ша санна тамашийна хетара, цуьнгахь тан а товра и таза мотт. Цо наггахь доккху доккха са а шатайпа дара кӀантана.

Арван хаза яра, ас-со бохучу кӀанте къайлах синош дохуьйтур долуш хаза. Цундела, дӀо деган кӀоргенехь иза боккӀал а вогура шех чекхсагарна, чамбаларна, иза кхечо Ӏехорна. Дукха кегийнах бара шайн машенашкахь «либарцӀак» бевлла лелаш. Хьоло Ӏеха ма во. Дика ваха, зовкх хьега хӀоранна а лаьа, нехан цӀен тӀе йоьдучу йоӀана муххале а. Адамашна, дукхахьолахь, хьалдолчаьрца деза гергарло. Ткъа иштта ду-кха дуьненан къиза гӀиллакхаш... Цкъачунна дешна валлалц йолчу юкьяна, цуьнга шега йола ала йиш цахиларо дагна ницкъ бора. Мел хьесап дарх, бахьанаш лехарх, синтем я гечо ца карадора. Цкъа Вахина ларамаза дагадеара: «ХӀун дийр ду, къонах вацахь а цӀубдина цӀазам санна къегинчу машенахь сьхьаӀоьттинчу кӀанта Арванан корта хьовзабахь? Ма къематде ду и, – йоьхна ойла хьийзара коьрте. – БоккӀал а, бакъ ду-те, зудчун хьекӀал пхьидан цӀоганал бен дац, бохург?» – ойла кхехкара коьртехь. Делахь а, «ГӀала йиллинчун яц, яккхичун ю», – олуш ду, ша-шен сатедора. Эзар

хаттар, эзар оила кхоллалора. Довхнарг, шадерриге Арванан карахь хилар дара, цо ларамаза бЮкЪажийчхъана тхъамаран гЛаланах хаърцар йолуш яра дЮ деган къайленехъ йобттина безаман гЛала. Иза муха тешор ю дуьнен чохъ шена санна иза езаш адам хила йиш цахиларх. Нохчийн ледара лоруш ма-ду, юьхьдуьхьал хЮьттина кхечу къаьмнийн санна безаман берриг синхаамаш бийцар. Мичхъа ду и цуьнан деган къайленан догЛа? – хаттар дора ша-шега, дуьхе цакхиаро бАрзвора. Тахана безамца къежахъ а, Ийр юй-те шина шарахъ дешна валлалц соьга хьобжуш? Ма дукха хан ю-кх иза, лула а хиьна вовшех хьобгуш ларъян. ЙоI юкъара ю, цуьнан дог догий-те сайниг санна, синтем байна, безаман цЛарах сийсаш, сийначу цЛарах? И хилар, цунах воккхавер доцург кхин керахъ хЮмма а дацара. И дара доьхнарг. Бакъду, кхуьнан ирс я дуьне дохар Арванан карахь дара. Цхъа а шеко яцара Вахина оцу муьрехъ безамал доккха хЮма дуьнен чохъ хеташ цахиларх, цо стигаллий, латгий латтош хиларх а, безамца доцург цхъа а дош доцуш хиларх а.

Цунна чЮгЛа лаьара Арване сурт деха, амма эхъ хетара. Делахъ а, изхьал лаам а тоьлла, цхъана суьйранна ницкъ кхечира сурт деха. Суьртах воккхавеш, инзаре доккха дика шена хилча санна Ваха студентийн юкъараЮйле кхечира. Чуьра ши накъост араваларе сатесна лаьттира дикка, уьш арабевлча кисана куьг даьхъира хьомечу амате юх-юха а ца кЮрдош хьежархъама. Чухларчу кисанахъ сурт дацара. Иза инзарвелира. Куртка тЛера схъа а яьккхина, массо а кисана хъаьжира, чета куьйгаш хьийкхира, сурт мел лехарх доцуш дара. Я раббана Везан Дела, цхъа гЮда ду-те хЛара?! Ма тамашийна хЮма ду хЛара! – элира цо ша-шега. Иза маса арахъаьдира ша гЛаш цЛавеана некъ таллархъама. Хъала-охъа некъаш деш, хЛора метр некъ зуьйш, хЛара лелаш арахъ бода къовлабелира. ШолгЛачу дийнахъ занятешка ца воьдуш, юха а лийхира сурт, амма цуьнан доь дайнера. Вехха Ийра догъэтЛаш, холчу а хЮьттина, наб ца кхеташ... «Арванан сурт хаза долун дела цхъамма схъаэчна дЛадаьхъна-те?» – дагадеара, амма оцу ойланго гЮли ца йора. Хиллачо бАрзвора, холчухИттавора. «Деллахъ, цхъана дийнахъ иштта хи чохъ бЛаьргаш биллича санна вуьсурий-те со? – дагадеара. – Цхъа цаторручун билгало ю-те хЛара, беш хаам бу-те?» – духе кхиа гЛертара кхарзлучу кийро хьийзош, амма дерриге хи чу кхоьссина тЮлг санна лораза дайна дара.

Сурт дайна ши бутт бара, амма Арване хъахадойла а дацара. Амма цхъана дийнахъ Арван йолче юкъараЮйле вахча, иза кхайкхича ара ца елира, дуьхъальеанчу йЮа кхин схъа ма гЛерта, шен кхин некъ бу лелош хьобга, дЛегЮ боху, аьлла, хабар даййтира. Кхо-диъ де далийттина юха а вахара – жоп изза дара. Вахин дегЛаш цЛе летира, иза даима кхийринарг тЛехЮьттинера. Сурт дар, цхъа дагахъ а доцуш, хиндолчуьнан горгали-хаам хиллий-те, дагадеара. Кийра бузош чу хЛавая ийзош иза ша-шен теван гЛертара, хЛавая гЮли ца йора бАрзбеллачу кхетамна. Дала хъала-охъа кхоьллина, дан хЮмма а дацара, иза гЛорасиз вара шена дагахъ а доцуш тЛебеанчу хьовзамна, тешнабехкана. Цунна зен-зулам атта хир дара лан, оцу тешнабехкал. Иза духе кхиа гЛертарх ца кхиара, и муха даделла хьомечу Арване, цуьнан мотт муха керчина, хЮн кЛилло ю и техийнарг? – ийгИнчу кхетамо, тЛе ца кхуьучу хиламо холчухИттавора. БАрзбелла корта ша зьпаршца санна къийлара йоьхначу ойланаша, болчунна тЛе а бала базбеш. Иза къера вара, юкъаметтиг ях мел ели а иза къовса езарх и шек вацара цкъа а. Амма, лан хала дара хИнцалц оила хьистина хьоме амат иэсера даиманна дЛадаккха деза бохург. Къизаллашна юкъахъ а къиза эшам бара. Цунна, Арван къевсина летта валар гЮли хетар дара, хИнца, оццул юьхьйоцуш яьккхинчу йистал. ХЮкху дийне кхаччалц лаамийн, сатийсамийн паччахъ хилла лаьттинарг стешха хиларх кхета хала дара.

Цхъана буса лаамера баьлладу хьагамо Ваха вигира Арванан кора кIел, вехха дитта тIехьа лечкьина Иийча, езаран хьоме гIаларт хIобттира коре, хIуьттаренна санна, шех юха-юха хьего санна иза кьайлаелира сихха, хIетал-метал хилла. Цунна девзира бойна тIехьа можачу серлоно хьобсту, шена дукхадезначу йобIан амат. Вахина шайна юккьехь хилларг, лелларг дицделлера. Цуьнан кегаелла ойланаш бен доцуш кхерстара даьссачу Соьлжа-ГIалин урамашкахула. Цеххъана саца а сецна, Арван ехачу юкьараIойле бIаьрг туьйхира, цуьнан кор кхерчан овкьарех тарделира. Арвана чиркх дIабайгинера, Вахин даг чуьра ша кхачо йоллуш дIаяйа санна. Амма и эрна дара, жимхан дог ца Iалора дагна хьомечу васте кхийдаш бен. Баьгначу безаман кхерчахь ян ца туьгуш жим-жимма леташ, йоккха хилла, марсаяьлла цIе лата санна сийсаш Iара даг чуьра алу. Эххар, гIорасиз хилладу ойланаша дIавуьгура Ваха хьалхахьа, шена дагахь цхьанненна ца оьшуче, неI тоха йиш йоцче, цхьа а хьобжуш воцче, бIаьрзечу синтеме. Некъ бина хIобттина сецира, бIогIамах а тевжина, сихдинна са а доьIуш. Оцу буса, лаамаза шена ницкъ а беш, Арван йицъян сацам бира, ша-шена чIагIо йира кхин шен дехаршца езар ца кхардо, мел шена хала делахь а. Йоккха яра дагна йина чов, цунна шен дуьнен чохь цкъа а ца хилла я хир а доцу ирс хетара дайнар, цкъа гуча а даьлла, хьега а вина, цIеххъана ткьесах доь доцуш дайна.

Хан-зама дIайобдура. Шо гергга ханьелира кхин и шиь ларамаза вовшийн ца гуш.

ШолгIачу шарахь ВахагIеран курс АрвангIеран юьрта фольклорни практике яхийтира кхунна дагахь а доцуш. ХIетахь ша гездина урамаш гича дерриге карладелира. Ченех ийначу овкьарех юха а безаман цIе летира даг чохь. Даго хьобхура, лаьара, доггах лаьара Арван цкъамукъана а ган. Цхъана дийнахь эвлаюккьера бепиг духкучу туьканна хьалха зударийн рагI гира кхунна. Де а дагахь доцуш, зударшна юккьехь лаьтташ Арван яйра. Ваха меллаша мисарболато санна тIевигира цунна: «Де дика дойла хьан, Арван! Муха ду гIуллакхаш?» – хьагира цо.ХIетахь карлабаьлладу безамо хьераьяьлла вота йобттуьтура кийрахь даге. И цунна хаалора, кийрахь хIобттинарг къаьхьа де хиларна.

– Дика ду, – тийна жоп делира йоIа. ХIетахь и больницан ехачу халатах хьаьрчина, эхьхеташ агIор бIаьрса доьгIна Iара. Цундела цунна агта дара кьорзачу халатах хьаьрчина лаьттачу Арванан ша дукха сатийсинчу юьхьсибатах Iаба.

– Хьо цIахь ю? – ша хIун олу ца хууш рогIера хаттар дира.

– ХIан-хIа, больницехь ю.

– Кхузаххьий?

– ХIаь.

– Муьлхачу отделенехь?

– Терапевтически.

Вахина-м дийно сарралц латта лаара, амма эхь-бехко къастаран дешнаш дагадахкийтира.

– Дала маршала дойла. Даламукъалахь гур ду вайша, хьо хьеярна бехк ма-билла.

И шиь дIасакъаьстира.

Оцу суьйранна накъосташа: «Хьо хIун язъеш ву сел лерина?» – Иттарш еш йиь агIо кехат яздира Арване. Вахас шена дага а доьIуш, оццул доггах кехат цкъа а ца яздинера. Кехат тIе моьIанаш шаьш дуьйшура, мацах-мацах карзах хьийзинчу ойланаша хьобхура яздан дезарш, ойланаш ян оьшуш а дацара, уьш иэсехь чIагIделла дара ингалсан буьртиг болу болат санна. Цу тIехь бара сатийсамо лайна бала, хьежар, догдахар, дегайовхо, сатийсам, дерриге

тЕхтиллачу хенахь Iеткъаш, даг чу дижнарг. Цъхана дашца аьлча – боллу безам.

ШолгIачу дийнахь медйишига Арване дIалахъара аьлла, кехат чу а дахыйтина, Ваха жопе ладобгIна сецира терапевтически декъан неIагIехь.

Дукха ца Iаш, кIайн халат йоьхна йоI еара карахь шалха тоьхна кехат а долуш. Иза Вахе схъа а делла, чухъара иза.

Кехат схъадиллича: «Со кхана I2 сахът долуш хьо лаьтгачехь хир ю», – дара хазчу хотIехь яздина.

Арван ша аьлладу хенахь еара йиллинчу метте. Шо хьалха санна хьалде, гIуллакхаш хьаттина дIасакъаьстира. Арван гаро Вахин кийра кIегаш тIе “хIуп” аьлча санна марсайолуш цIе латийра. Больницера шуьйра оллаелла къорза халат а цунна тIехь товш хетара, цунна юкъахъаьрчина йолу Арван а вуно куьцехь яра.

Нийсса шарахь тIехъийзира Ваха. Кхеран курс стройотрядехь йолуш хелхаршкахь дов делира Иркутскера баьхкинчу мехкаршна тIехула. Сихха генавала везара я гIуллакх дIадерзо шортта ахча, цIахь болчарна хьалха юьхъаьржа хIотта везара. Ларамаз а оцу аьхка Ваха Ленинграде дIавахара целевой направлени а яькхина.

ДIакхъачначу дийнахь юкъараIойлехь хелхарш дара дIадобълхуш, тIелетта джинсаш йоьхна башха мехкарий сеттара зала чохь. Локхучу музыка олург ца хозуьйтура. Дагахь доцуш цъхана хъаьрсачу йоIа Ваха хелхавала кхайкхира куьг а лаьцна. ШолгIачу дийнахь, занятешкара цIавеъча, неIарх ба-й пIелг туьйхира. НеI схъайиллича селханлера Таня яра неIарехь лаьтгаш.

– Хъаша тIе оьций ахь? – кIайн цергаш гуча а йохуш къежира йоI.

– Дера оьцу, тхуна хъеший дукхабеза... Чохъаяла.

Оцу буса кино дахара ший а.

Кор, неI я уьйтIе ларъян а ца езара, синкъерамехь, муха долу ца хууш Ленинградехь дIаделира кхо шо. Цъхана дийнахь юкъараIойлин коменданта тетя Валяс: «Вакуев, ахъ мотт схъабеллий? Хьо хIун деш лелаш ву юкъараIойлахь?» – шега аллалц Вахина дага ца деара дIаваха дезар. Аьхкенан юьххъехь сесси дIа а елла, студенташ дIа а бахана, яссаелира юкъараIойла. Исс гIат долчу юкъараIойлин гIишлонна хьалха охъа а хиъна Вахас ларамаз а ойла йира, тетя Валяс мел дехарх хIинцалц шен цIа санна хилладу юкъараIойли чу ша вуьтур вац-кх, аьлла. Цуьнан кисанахь диплом дара, студентийн хазачу дахаран чаккхе лан Iаламат хала дара, амма цIа ваха дезара, кхин Питерехь хIара тIелоцур волуш хIусам яцара. И дага мел деа а холчухIуьттуш цIа ван новкъавелира.

Церпоштан чкъургаша хаддаза цъханаэшшара вота етгаш Ваха Нохчийчу валийра аьхкенан хазачу дийнахь.

Иза оцу аьхка балха хIоьттира, амма цунна цъха хIума ца тоьара. Иза Арван яра, цъхана хенахь дог къовзийна, кхунна сил дукха эзна, амма Питеран самукънечу дахарх Iехавелладу хIокхо йицйина башха Арван. Цо и лехира. Цуьнан юьртахоочо вокзале боьдучу некъахь туькнахь ю элира и болх беш. Ваха гIаш мосуьйттаза хIора туькан чухула чекхвелира, амма Арван яцара цъхана туькан чохь. Юха Ленинан проспектерчу хIора туькан чохь лийхира шена цкъа а дицлун доцу амат, амма Арван яцара. Юха «баьццарчу» базарахь мел йолчу туьканашкахула хъийжира, амма эрна хилира. Дийнан сарралц гIаш некъ а беш, Соьлжа-ГIалахь мел йолчу туьканашкахула чекхвелира Арван лоьхуш, хоьттуш, хIора йохкархоочо ца хаьа я юьйцуш ца хезна, олий жоп лора. Арван, тоххара маре а яхана, майрчуьнца Иваново-гIалахь ехаш ю, шен доьзал а болуш, иштта жоп деара эххар.

Де дийно хуьйцуш, Іаьно аькхе хуьйцуш дІаихира денош, беттанаш, шераш. Вахин гиччош къекделира, юах месаш нилхайовла а юьйлира. Иза цхьана вара. Бакьду, цуьнан хІусам, тоьлларг машен, гІалахь квартира, дика болх бара. Амма Іуьйранна, суьйранна догъэца, самалха дала тохара корехь сатийсина гІаларт дацара, кхийолчу йоІа кхин цуьнан дог а ца кьовзийра.

Ваха цІавирзина нийсса ткъа шо дара. Кхуьнга Арванан юьртахоцо цхьана дийнахь: «Ахь дукха йийцина Арван цІаеана, аэропорте боьдучу урамехь №128 цІа чохь Іаш ю хьуна», – элира.

ШолгІачу дийнахь дуьйна, балхара ма-веллинехь, хІора дийнахь Арван ларьян воьдура Ваха. Цуьнан дагахь цхьа а вониг дацара, деккъа и ган лаар доцург, хиллачарна меттиг яцара ойланехь, хьесап дарехь. Цунна шена ца хаьара ша и хІунда леладо, цхьа чохьарчу ша гІаьхьа ца кхуьчу ницкъо вуьгура иза Арван ехачу ураме, цуьнан кетІа. Дуьнен чохь уггар шен хазачу хенахь дог хьаьстина, дог тешийна, сатийсина, сатедина амат, васт Арван хиларна лераман дуьхьа воьдуш лорура цо ша. ХІунда аьлча, цунна муьтІахьаллина уллохь хьакхаелла шеко хиларна хьегІаш. Ца йиьна, ца мелла, еттинчу кибарчигийн цІенонна улло дІахІоттайора цо машен. ХІуьттаренна санна, Арван ца гора оццул сатийсарх. Цо дуьхьалхІиттадора цуьнан амат. Муха ю-те Арван йоккха хилча? Иза тешна вара и цкъа а эрча ериг цахиларх, ишттаниг, безаман шерашка ма ца эшало.

Бутт хан яра Ваха цхьанаметта дІахІуттий Арванан кетІе ларьеш волу. Цхьана сарахь цхьа зуда араьялла, кетІахь лаьттара. Ваха сихха машен чуьра охьавоьссина, гІашнекъа зуда йолчухьа хьаьдира. ХІетахь цунна шена хаалора арадала санна деттало дог. Ваха герга кхаьчча, кхунна уллохь лаьттара 17–18 шо хир долуш йоІ. Цуьнан хьаьрса месаш яра, жимма ирхкхетта мара, къекначу юьхьа гІехь горга ши кІаг, боьмаша басахь бІаьргаш... Ваха, Іадийна, цкъа сецира йоІана уллохь, юах ша лелочух кхетта, кхеравелча санна, дІахьаьдира хьалхахьа. Генна дІавахана хьуьхьвоьлла сецира. Иза кхийтира: цунна гинарг ткъа шо хьалхалера Арван яра, башха, исбаьхьа, цхьаннах тера йоцу, Іуьйранна гІаьттинчу дашочу малхаца, буьзначу даточу баттаца хазалла кьийсина хьоме Арван. Ваха кхийтира, шен бІаьрахьалха хІоьттинарг Арвана сих даьлла са дуй, ткъа иза шен нана санна Маьлха-Аьзних тера ца хилча ца йолий. Иза дехьа новкъа а ваьлла шен машен гІе вахана, цу чу а хиьна, газ гІеелла, гена велира Арван ехачу цІенонна, урамна. Ца кхоош гІеелира машенан масаллин газ, кхин кетІа, ураме цавархьама, цунна генавала, цуьнан башха амат шен даг чоь хуьл а дина, жимчохьлера Арванан хаза амат кхаба ша дуьнен чохь мел веа. 20 шо хьалха санна даима а и къона, шен дог кьовзочу хенахь ма-хиллара йолу Арван даг чоь латто.

Магомед Абдуллаев**Тростник моих
чувств...**

Душа моя, надеюсь я,
что новорожденная горечь,
боль и обида не осият
извечные тепло и нежность.
И горьких слез застывшее
торжественно немое море
не смоеет паруса сердец, так
преданно хранивших верность.

Звезда моя, с тоскою скорбной
горем горьким обрученный,
среди миллионов звезд тебя,
как звездочку свою, ищу я,
и в синем небосводе, мрачно
тучами заволоченном,
конца ненастья каждой ночью жду я.
(Когда-нибудь утихнет эта буря?!.)

Тоска моя, прислушиваясь
скорбно к мертвой тишине,
среди пустыни черной маясь
сумрачных слепых теней,
наедине оставшись вдруг
так неожиданно с собою,
я стал самим собой, но мне
пустыню эту не хотелось бы
считать своей судьбою.

Дитя мое, я посреди
неистовейшей суеты
в толпе людской безликой
и безбрежной одиноко
брожу озябшим и слепым,
беспомощным ребенком.
И мысль, что, может быть,
страдаешь так же, как и я, и ты,
пронзает сердце жесточайшим током.

О боль моя, я так устал
в сердитом черном океане
во рваных парусах своих,
в разбитой бурей шхуне
плыть в этой черной жиже,
в этой жутко зыбкой мгле,
барахтаясь упрямо,
вопреки всему в мечтаниях,
что к берегу в конце концов

прибьет меня к тебе,
промокшего от слез, воды и ран.

Тоска моя, душою мы
с тобой в союзе крепком –
глаза и руки помнят
каждым нервом,
каждой клеткой
прикосновений трепет,
тепло твое и нежность
и душу твою, преданно
хранившую мне верность...

И пусть сегодня все и вся
смешалось, ну и что же.
И невозможно отличить
теперь от правды ложь.

Быль с небылью в смеси,
Добро – с коварным злом.
Теперь истерло грани, их
Покрыло бурым мхом.

Что интересно было так
Теперь, то стало скучным.
Любовь и ненависть сочли
Союз вполне сподручным.

Уж овцы стали щеголять,
Надевши шкуры волчьи.
В овечьей шкуре прячется
Уж нынче серый ловчий.

И переполнив космо-ночь
Едчайше-многоцветно,
Хаос со тьмой сливается,
Разбавлен красным светом.

Миры, с осей срываясь вдруг,
Летят в кручении в пропасть,
Зиянья дыр озоновых
Уже нам не заштопать.

Укрылось солнце тучами
В ужасном перепуге,
Проведав обо всех земных
И неземных недугах.

Но жизнь одна и вопреки
Всеми ее мы любим.
Другой она не будет –
Ветку под собой не рубят.

И хоть она безумием
И страхом одержима,
Любовь людская к ней
Всегда крепка неодолимо.

И пусть судьба нам кажется
Порой такой коварной –
Сквозь бурю бед проходим мы
Уверенно тараном!

И драться будем мы, как львы,
За все, что того стоит,
Дерзать и верить будем мы,
Причины в жизни строить.

Лишь то, что благо для Отчизны,
Для мужчин уделом
Достойным будет – с нею, что
Аллах пошлет разделим.

Жизнь так кратка, на мелочи
Ты никогда не траться,
Чтобы в конце ни с чем,
Да и ничем чтоб не остаться.

В гряде домов застыл
наш дом скалой.
Застыл глухонемой,
ослепший, нищий...
Его душа ушла с твоей душой,
А жизни новой мертвые не ищут.

Мне сердце заковали ледники
Жестокими оковами разлуки.
И вряд ли кто-то сможет воскресить
В нем чувства,
что угасли
в муках...

Отрезанный от всех земных дорог,
Я прозябаю в брэнном, зыбком мире.
И навевает через мой порог
Визгливый ветер пепел замогильный.

И одинокий ветер ворошит
Мостов сожженных пепел,
в небе кружит.
И застывает скорбная душа,
Тоску привычную пытаюсь сдюжить...

Иссиня-черной бездны посреди
Земля который раз очертит круг.
Песчинкой на песчиночье груди,
Как вспомнив что-то, вдруг
в ночи замру.

Замру один я в необъятной мгле,
Зрочками рыжих звезд
устваясь, вдруг
В глаза заглянет, призрачная, мне
Вселенная, перешибая дух.

А завтра, понарошку все забыв,
В метанье, суете обычных дней,
Быть может, жиром радостей заплыв,
Я буду делать вид, что страха нет.

Но непрестанно будет этот взгляд
За мной следить
сквозь череду событий.
И вечность, что ни мыслями объять,
Ни сердцем чутким
невозможно вникнуть,

Мне будет в спину до конца дышать,
Внушая мне, как бытие ничтожно.
Напоминая – суета сует
Всегда была величиною ложной...

Поджарый, одинокий, волк могучий,
К сияющему месяцу взывая,
В горах, заледенелых и дремучих,
Тоскливым воем душу изливает.

Два глаза – две светящиеся щели.
Угрозы полон мрачный силуэт,
Что четкой линией во тьме очерчен
В ночи, сполна впитавшей
лунный свет.

В неволе он тоскует и сдыхает,
А если попадается в капкан,
Без колебаний лапу отгрызает –
Без полумер: иль пан или пропал.

Свирепый хищник. Жалости и страха
Не ведаешь ты и не заскулишь –
Скорей пойдет весь мир
ничтожный прахом,
Чем ты, прося пощады, заюлишь.

Я помню,
дед рассказывал мне в детстве,
Что в Судный день
взметнется ураган,
Сметая в прах твердыню
всех препятствий,
Дробя и горы в пыль, и города.

Перед стихией, ужас наводящей,
Не дрогнет волк лишь –
глаз не отвернет,
И шкуру смерч, все на пути сносящий,
С живого непокорного сдерет.

Жесток ты, серый, не для злой потехи.
Ты предсказуем, смел, отважен, горд.
С чего ж, когда луна
тебе лишь светит,
Ты воем кроешь пики диких гор?

Твой вой струится по ущельям,
к тучам,
Срываясь с пик отчаянно в обрыв.
В сырых пещер
приют мышей летучих,
Вползая в чрево глухо и навзрыд.

Вся жизнь твоя –
сплошная мгла ночная.
Ты рыщешь неприкаянно в той мгле.
И смел, и горд, и дерзок, и отчаян,
Сдающийся одной сырой земле.

Ты так суров, как эти горы, брат мой,
Ты сам как продолжение скалы,
Но на привалах на дороге ратной
В тоскливом вое изнываешь ты.

Не может быть,
что плачешь о свободе.
Ведь у тебя она в избытке есть.
Быть может, сердце ноет от обиды,
Раскрытую которую
не позволяет честь?..

Твои свободолюбие и гордость
Тебя приговорили до конца
Быть одному –
и так встречать невзгоды,
Пока смерть не пришлет гонца.

И, как и всем, тебе, конечно, тоже
Тепла и ласки хочется – порой,
Когда, весь мир обмакивая в сажу,
Ночь оставляет говорить с луной.

Ночью, когда все и вся засыпает,
Тот, кого все называют поэтом,
Медленно копоть из губ выдыхает,
Внутри забираясь волшебной кареты.

Скинув с души своей
панцирь защитный
И распахнув ее миру и небу,
Кожу как будто снимает несчастный,
Чтоб ощутить эту жизнь
каждым нервом.

Или вину всех убийц и тиранов,
Корчась от боли, в себя пропускает.
Или ж, красоты все в душу вбирая,
Веки устало поэт опускает.

Ну а к утру, когда мир безучастный
Вдруг оживится, от сна пробуждаясь,
Он, захлебнувшись
несчастьем и счастьем,
Рухнет в постель и смеясь, и рыдая!..

Да, давно осталось детство в прошлом,
Без забот, не всласть отщебетав.
Сединой, как снегом припорошив –
Юность укатила навсегда.

Время, что отпущено нам свыше,
Словно сжатый в кулаке песок,
Но в лицо нам ветер смерти дышит,
И слабеет жалкий кулачок.

Мы сквозь пальцы распыляем годы,
Не пытаясь что-то изменить.
Время, усыпляя нас свободой,
С прошлым укорачивает нить.

Мир, привычный,
где я был так счастлив,
Изменился, видимо, навек.

Так беспечен снова буду вряд ли –
С горки вниз идущий человек.

Сколько уж надежд не оправдалось,
Сколько дорогих ушло людей.
Время, точно буря, расшвыряло
Монолит живой моих друзей.

Когда меж вас я
в одиночестве погрязну,
и эхом страшным
оглушит оно мне душу,
когда начну метаться
в закоулках грязных,
ища ту искру,
что его порушит,

в тот миг всяк ближний
станет, точно бездна,
в которой даже крик души
теряет смысл и силу.
Сорвусь я в пропасть
мерзких дат и чисел,
где в ужасе холодном
слезы стыннут.

И самых близких
душ броню глухую
вдруг ощутив,
и их слепые лица –
засовы вместо сердца
– скован стон –
грозящие навек
с их плотью слиться,

я понимаю,
что в который раз
я оказался
за чертою света,
и ниточка
опять оборвалась
и, кажется,
конец мечтам поэта.

И, осознав, что
я очнулся вновь
от грез, что так
недолго сердце тешат,
и, вновь открыв
никчемность громких слов,
я тут (чего греха таить...)
опешил,

но лишь на время,
ведь не в первый раз
я к прозе жизни
жалкой возвращаюсь,
чтоб снова, чуть
согревшись подле вас,
забыться новой сказкой –
грешен, каюсь...

Я путник, устало присевший
На корточке у костра.
Тростник моих чувств отсыревший,
Желаний сгоревших дотла

Угольки еле-еле горящие
Накрывает, шипя и дымя.
Едкий дым овивает навязчиво,
Точно путами,
Меня...

А недавно нам раны казались
Пустяком, если кость цела,
Будто вылиты были из стали,
А в душе вечно роза цвела.

И к финалу мы шли беспечно,
Он казался таким далеким...
Нам казалось, что жить будем вечно,
Продолжать путь обманчиво легкий.

Но с годами становится ближе
Даже призрачный горизонт.
Небосвод нависает все ниже,
Словно серый тяжелый зонт.

И привалы мои участились,
Не так резво встаю в поход.
Может, просто подошвы сбились,
Замедляя дальнейший ход.

В частых этих своих привалах,
Разжигая костры каждый раз,
Как в начале пути прививали,
Поддуваю огонь, духарясь.

Голова, что с жару кружилась,
С жару бешеного огня,
Начинает от усилий кружиться,
Когда дую в остатки костра...

Бексултанов Муса**Дийцарш****Цхъана генарчу геналлера**

Цхъана генарчу геналлера, сайн шерийн деношкара, генакхоблахь гича санна хеташ я мукъам хезча санна сайна, цхъа сурт ду-кх суна дувъхал, цкъа а дувъхълара дӀа а ца долуш.

Сан хӀетахь кхойтта шо ду, БӀовла, ламчохь, со жаца волуш. Заза даьккхина, хан а ю иза, хъайба бацах дуза хан, ломан лакхарчу даьккъашкара сенделла гуш дитта а долуш.

Жа Хилдехъа дувъгущ ду, БӀовлахь Ӏа а даьккхина, Хилдехъахь ахка* даьккха. Дас дувъйцу суна (иза говрашца ву, тӀехь маьххий долчу говрашца), жа Индихула, Чхъаьх* а хадош, тӀаккха Гурах*, юа Сиза-Дукъ*, цигахула дӀа Тонга* а юьгущ, Цийллана дувъхларчу дукъах охъадахкаделахь, ша Цийллахойн-Юоххе буьйса яккха меттиг а тоеш, сокур ву хъуна говрашца, олий. Со малх дикка лахбелча, диь-пхи сахьт доллуш, Тонгарчу дукъа йисте кхочу, жа дерриг а хъуьнчохь а долуш.

Жа хъуьнчуьра хъала а даьхъна (кхин цхъа сахьт а долу дӀа), хъацаро, хи санна, дегӀ а, корта а тӀадийна, дукъа тӀе со хъалаваьлча (жа суна нийсса бухахь ду, Цийллекъа охъа чу дежаш) суна дерриш а лаьмнаш го, тӀехула – сийна стигал; дато, алла, лила басахь, гӀаргӀулийн жут санна, стигалхула шерша мархаш а.

Дукъ бухьера ира ду, гӀаш вогӀу некъахо бен, говр яхалур а йоцуш. Цхъа даькх а лаьтта цу дукъа тӀехь, шура-чопа санна, кӀайн гӀад а долуш, сийна даьржинчу тӀемашца. Цу даькх кӀелахь ага хаало, цхъа метар хиллал шуьйра, тӀеххъа хъалатоьхна буц а ю, бецан орамашца къаж а гуш. ЧӀожара хъала мох а хъоькху.

Со жӀарах, – ког-куьг генна дӀа а кхуссуш, – охъавуьжу цу дитта кӀелахь, нийсса ирах, стигал а хъоьжуш.

Диттан сийначу патаршна юккъехула сийна стигал го суна; сийна, алла, лила басахь (чукӀело датон а хеташ), цхъанаэшшара, могӀа бина, нахаран оханна санна, къилбехъа шерша яйн мархаш а.

Механ тӀулгӀешца, «шарр-р» деш, патарша ден шога шабарш а. ЮьхьтӀехула шийла хӀаваь, бацо дикка шелбина букъ, даькӀалуш лаьтта довха хъацар а.

ДӀаоьхурш мархаш а йоцуш – хӀан-хӀа, – лам болуш санна хета-кх суна, со аркъал тӀехь Ӏуьллу лам, хӀордан тулгӀе ма-яххара, сан са а эцна, ойла а, мархаш генна дувъхал а уьдуш, генна цхъанхъа дегӀ а дитина, сайн са хъаьдда доьдуш санна, цхъана панахула, паналле, аб-абаде, Ӏаьршашка...

Сих-сиха го-кх суна и сурт, ялсамани хилча санна иза, цкъа маццах сайна гина йолу, кӀайчу мархашца, диттан гӀашца, хӀаваах логах а хьерчаш, бӀаьргашна гуш стигал бен, цхъа а дуьне а доцуш кхин.

Суна хаьа, цкъа хиллийла иза, ялсамани гинийла сайна; лила Ӏанийна стигал, сийна мархийн кӀайн гезгамаша, гӀа-патарийн хин шабарш, механ Ӏаьнран мукъамаша а, са Ӏаьршашка, абаде...

Со дас сайн самаваьккхича, цу гӀенашца – гӀенашкара ялсамани махьарца отуш, – цхъа бер санна, жима бер санна, бобер санна тилвелла Ӏуьллуш, я вицвелла, вицвалаза, са дӀадахна, ойла а... цхъа са бен дацар-кх со, цхъа ойла бен, мӀаьрго.

Аьхкенан догӀа

ДогӀан кӀуьрлахь тӀадмаш детташ – байчу, кӀайчу догӀан кӀуьрлахь, – дитташ изтӀаш, патарш лелхаш, коран бӀаьргах тӀадам хъаьдча, тӀадамна тӀе тӀадам кхеташ, тӀадам бужуш, кхин тӀехьодош, догӀан кӀуьрлахь кӀайн Ӏаь яьлча, малх а кхетча, голтӀе баьлча, шен тӀам бакъо цаьпцалг санна, бесни къагош, куьзга хъаьжча, – аьнгалин бӀаьрг – коран куьзга, – беран бесних

тера хета-кх, цкъа дилхинчу – нанас хьостуш, – ши томмаг1а т1аьхьа дубьсуш, деладелла нене хьобжуш: малх а хьобжу, куызга доьлу, цаьпцалг т1ома яьлла йоьду.

Цхьалха некъахой

Дийнахь сел ул-уллохь лаьттина хилла ц1енош, буййсана мел гена дубьлу-кх, г1енашца юха цхьаьна хила санна...

Буса, батто мархашца цхьаллехь нека къевсича: «Х1инц-х1инца чубужу-кх иза!» - са орцанна х1унда хьоду-кх, г1енах самообккхуш санна...

Олхазарна дитт гой-те, я диттана – олхазар; мича басахь хир дар-кх царна гуш долу г1енаш...

Некъаш ма цхьалха дубьсу-кх, ха харца а йиш йоцуш, церан к1амлучу баккъашна гушдерш вай-м дац те, шашь санна иштта девлла лела геннара цхьалха некъахой, г1ан-самой вовшаш а ийна, уьш вовшех къастталц бохуш...

Маца гур ду-кх я мичахь, ган йиш йолуш х1умма а дуй-кх...

...Цхьаьнакхета д1асакъастар бен

Цхьа ц1еххьана цхьаьнга мохь баьлча, машенан ч1ургаш а ц1евзаш, я цхьанна цхьаь хуьлуш гича: куогах к1охцал г1ойла цунна, ангали т1е ког болийла – бен а доцуш, хьуна гушдерг – и бохам хуьлу меже цхьана кхечун лазош гича, изза меже тохало-кх хьан, ког беллахь – ког а тецаш¹, гуола хьаьшна гича – пхьаьрс а кхоссалуш..... цкъа лам чохь, со бер долуш, лахенцара ламанца хьала аька даккха буюгу пачхьалкхан бажа к1отархула чекхболуш, жима ши эса дитира тхобгахь, цхьа масех де хьалха, новкъахь дина хилла долу, бутт буззалц леладахьара, некъ балур бац кхьарга, аьлла.

Ши эса ч1ог1а хаза дара, тхан даьхнех тера а доцуш, кхера к1ега санна, ц1ен, яккхийчу меженашца.

Х1атис, сан денанас, ч1ог1а 1алаш а дуора и шиь, маьрза шура а мийлош, юха, жимма кхиадоладелча, кхехкийначу жоржах бина мело муж а латтош.

И ши эса д1а ца оьра тхан даьхнашца, кхечаьрца а, – гуттар а цхьаьна хуьлура, вовшашна ул-уллохь, цкъа а 1ахар а, кхайкхар а доцуш, вуьш эсий ма-хьийззара, ц1енна гонах а ца хьийзаш. Сарахь чу а ца дог1ура, т1аьхьа стаг а вахна, ца далийча; ков чохь а иштта юьстахьхиэбара, вукху даьхнашка, геннара, цхьа к1ирделла д1а а хьобжуш.

Балха т1ехь шен мукъа хан яьлча – г1алара цхьа стаг вар-кх иза, тхан ден гергара а хуьлуш, – цхьа накъост кхечир-кх тхобга, белшах тесна цхьалго топ а йолуш:

«Х1ара лаьмнаш, шовданаш я1-кх, ма хаза бу-кх Даймохк!» – бохуш, луйчуьра баг ваьшта ца юьллуш, охьахаар а я тер а доцуш.

Де даллалц аьлла, наб а йина, т1аьхьуо ша хьалаг1аьттича, шен топ а эцна, волавелира, диттана я т1улгана сих-сиха 1алажо² а лоцуш. Дикка лакхахь топ иккхича, тата тулг1ешца д1асадахара, хи т1ехула, шера т1улг санна, ген-генахь кхийса а луш.

Стаг, мох санна, охьакхечира: «Урс схьада, урс... хьакха ю моьттуш... йорхалахь ган а ца гуш... эсана топ кхетта сан...»

Тхойша хьалакхачьча, эса деллера.

Важа а дара уллохь лаьтташ.

Стаг 1уьйранна ц1а вахара, жимма воьхна хила а г1ерташ, цигара вада сих а велла.

К1ира далаза дара моьтту суна – пхи де олуш хезир-кх суна – важа эса делла карийча.

Эса 1уьйранна д1а а доьдура, сарахь цхьамма чу а даладора, «хьо ду-кх» аьлла, кхин хаалуш, цхьа х1ума а дацара, наггахь 1аьхаш хазар бен, дукха ч1ог1а а ца 1аьхаш, ша-шега санна, меллаша.

Иза циггахь карийра схьа, важа дийнначохь, цу йорхала, охьадижина Гуйллуш санна, корта дегIа тIе а товжийна.

Чекхделира... ца делира, дерриг а акха кегаделира, сан – хIетахь – беран кхетамехь, юха хIинца а, шераш девлча...

Масане хезна-кх суна, цхьанхьа цIера шен воша велча (шала винчу вешех цхьаь) кхечахьара воша кхелхина бохуш, хезна-хиьна хIумма а доцуш.

«Стаг-м – стаг вара, – оила йо-кх ас, – цхьа са а, дог а, кхетам а болуш, хьайбанца дерг хIун ду техьа-кх, я хIун са, хIун кьайле?»

Южалла яц-кх – хета-кх суна, нахана моятту Южалла, – цхьаьнакхета дIасакъастар бен, цкъа мацца а цхьаьна хилла вай, юха а иштта цхьаьна деттадала...

Самавалале самавалар...

Суьйренашца я буйьсана, дийнан гIар кьарьелла, хьайн ойланашца цхьаь вуйьсуш, хьо хьуо хьайца хьежаваьлча, айхьа лелорг а, хIара дуьне а, хIара адамаш а, зама а ма эрна гIовгIа хета-кх хьуна, ма хIумма а доцу хIума, цкъа маццах, беран хенахь, дицделлачу гIенах терра, меттахьхьоь цхьа сарташ, цхьа моттарш, ГиндагIаш, дагалеца дагалецам а боцуш, пана кирчинчу есаллехь...

... цкъа Iаьршашка, азалле, аб-абаде хьаьдда оила-ненах тилла кIорни санна, орцанца орца доьххушехь шен орцанца ма-диссара, – оила хьаьвззий юхакхочий-ц, хьуна улле охьалахлуш, хьоьцанна хьан гIайгIа хьеша...

... оила товжо гIовла яц-кх, оила йижо, Iехо, гушдерг бен гуш хIума доцчу сел готтачу дуьненахь...

... заманаш ма дIаихна-кх, ма Iенна-кх хиш, хIордаш а, умматаш а делла-кх иштта, иэс а, хилар а я лар а йоцуш, буйннал йоцчу лаьттан цинцо цхьанаметтахь гуо а хьийзош...

... хьан юрт а иштта лаьттар-кх цкъа, лакхара арц а, сийна бай а, хьан когаша гIиттийна чан азаллехь ца а юьжуш...

... хIара дерриг а цкъа чекх а даьлла, хьан гIенан тай хьаьдча, самавалар муха хир техь-кх, мича махкахь, хьаьнца лулахь... хаттарна жоп хир дуй-те, хIун хобттур-кх, ахь хIун аьр-кх...

... кхана а иштта хIара гIовгIа юха, туйтмIаьжгаш, хIилланаш, моттаргIийна куц-кепаш, шалхаллаш цIер-хазамна: хьал-де, болх, могошалла а, да-нана а деца ирахь...

... юха а хьо хьуо хьайца иштта, хьайн цхьаллийца цхьаь висча (суьйренашца я буйьсанна, дийнан гIар лахлуш), айхьа лелорг а, хIара дуьне а, хIара адамаш а, зама а цхьа моттаргIа гур юй-ц хьуна, цхьа хIумма а йоцу хIума, айхьа-хьайна дала цхьа жоп а доцуш, цхьа хьесап а я хаттар а...

... хьайн ойланца вуйьсур-кх хьо, хьайн цхьаллийца, хьуо-хьайца, оила товжо гIовла лольхуш, оила ялхо, Iехо, мацца а гIан чекхдаьр-кх, хьоьжуш, чекхдаларна кхоьрушшехь, юха а цу хIиллана ваца, цу шалхонна, моттаргIийна, гушдерг бен гуш хIума доцчу кху десачу дуьненахь...

... самавалар лолда-кх хьуна, – самавалале самавалар, – гIан а, дуьне а цхьаь дуй а хиьна, хьуо а гIенан сибат дуй а, самахчу хьуна цкъацкъа гуш хета хьан гIенан дайна сибат...

¹Тецаш – дилх хьашар.

²Iалажо – герз тухуш, бIаьргаца лоцу меттиг.

Шамсуддин Макалов**Улыбается миру ребенок...**

Удивленно, легко, спросонок
В первый раз улыбнулся ребенок...

И слетели вдруг голуби с крыш,
И луна окуналась в бочонок.
В первый раз улыбнулся малыш,
В первый раз улыбнулся ребенок.

В первый раз улыбается он,
В первый раз улыбается миру.
И веселый малиновый звон
Наполняет весь мир, как квартиру.

В первый раз улыбнется малыш,
И к тебе словно детство вернется.
Звезды скатятся с неба и крыш,
И зажжется в полночи Солнце.

Будет все – и ветра, и гроза.
Будет все – и беда, и ошибки.
Все пройдет, сохранили б глаза
На всю жизнь отсвет первой улыбки.

В первый раз улыбнулся малыш...

В горах

Отважная птица кружит над тропой,
Опасность таится на каждом шагу,
И злится, и мчится внизу подо мной
Разъяренной львицей
рычащий Аргун.

Иду по обрыву – утесы вокруг.
Нога соскользнет –
и провал, и пропал.
И смертною гривой
мне кажется вдруг
Летающий на взлет
волн стремительный вал.

И яростный ветер свистит,
как шальной,
Сосне, что без виз,
проросла на скале,

Но весел и светел поток озорной,
Что падает вниз, пропадая во мгле.

Он мчит водопадом в ущелье,
к волнам.

Аргун принимает его, словно дар.
Вдали ж, как награда усталым глазам,
На склонах гуляют десятки отар.

Я знаю, тропа приведет к роднику –
Воды там напиток из горсти смогу.
А дальше...

мне снова кружиться тропой,
А сердце, как птица,
стремится в Шатой.

Отважная птица кружит надо мной,
Опасность таится на каждом шагу.
И злится, и мчится внизу подо мной
Разъяренную львицей
рычащий Аргун.

Родная речь

Люблю тебя, родная речь,
Люблю тебя, любимая,
Души моей ты грелка, печь,
Любовь неугасимая.

Люблю тебя, родная речь,
Как мать свою любимую,
Решил в стихи свои облечь
Любовь неугасимую.

Струны

Мне струны гармони играют,
От них на душе мне светло.
И стонут, танцуют, рыдают,
Буравят они, как сверло.

Мне нравятся их переливы –
Над сердцем моим, господа.
Ведь стойкий – и тот содрогнется,
Их звуки услышит когда.

Тополя

У той дороги возле пашни
 Весь день работала пила,
 Издав последний вздох протяжный,
 Валились наземь тополя.

Когда-нибудь, иными днями,
 О, мы поплатимся за ту
 Над засыхающими пнями
 Зияющую пустоту!

Давайте выйдем, выйдем дружно
 Мы без пилы и топора
 У той дороги возле пашни
 Посадим снова тополя.

Настрой пондар

Имрану Усманову

Настрой пондар, певец,
 На самый верхний лад.
 И множество сердец
 С тобой забьется в лад.

Настрой пондар, певец,
 Увидишь, сколько глаз
 Зажжет мечтой Творец
 В высокий этот час.

Ударь по струнам – ждем,
 Рождают песню руки.
 И вот святым огнем
 Взлетают в небо звуки.

В них и любовь, и даль,
 И славные дела.
 В них радость и печаль,
 Нет подлости и зла.

С младенческой поры
 До горьких смертных дней,
 Как утром свет зари,
 Ты радуешь людей.

Отрада для сердец,
 Ты на минуту стих.
 И снова, о певец,
 Мы песен ждем твоих.

Пой, илланча – певец!
 Все можешь сделать ты.
 Зажечь огонь сердец
 Для счастья и борьбы.

Ударь по струнам! Ждем.
 Рождают песню руки,
 И пусть святым огнем
 Вновь обожгут нас звуки.

Пой, илланча – певец!
 В высокий этот час
 И песня, и Творец
 Да не покинут нас!

Ночь

О ночь незрячая,
 зачем стучишь в окно,
 Неся обиды и тоску глухую,
 Пора бы знать тебе давным-давно,
 Что молод я и ночью не тоскую.

Ты утешенья в горестях не жди,
 Но, если хочешь, то зайди погреться.
 Пока стучат за окнами дожди,
 В тепле согрей свое ночное сердце.

Но если ты, фея, излучая свет,
 Меня глазами звездными поманишь
 И скажешь мне:

«Встречай меня, поэт!» –
 Тогда моей желанной
 гостьей станешь.

Со мною вместе улетишь в мечтах
 В миры иные и в судьбу иную.
 Не приходи лишь в горе и слезах,
 Не приходи такой, я протестую.

О ночь-волшебница,
 мани меня красотой,
 Осыпь звездами иль укрой туманом.
 Я – твой поэт – и нежный голос мой
 Не прозвучит в твоей тиши обманом.

**Зайнди Дурдиев,
Ислам Дурдиев**

Жизнь как подвиг

Повесть

*Посвящается всегда сильным, смелым,
стойким духом, самоотверженным
и благородным женщинам Чеченской
Республики*

*Зло и несправедливость имеют одно
замечательное свойство – они не вечны*

Домашние и подруги Дарью Анисимову звали Дашей, в детстве – Дашкой, в юности – Дашенькой. А дал это имя и велел величать внучку Дарьей ее дедушка Федор Ермолаевич в память о своей покойной матери.

Предки Федора Ермолаевича происходили от старателей. Так называли вольных крестьян, занимавшихся разным промыслом. Бабушка Даши Анисия Матвеевна рассказывала, что дедушка Федора и его братья приехали на Терек из российской глубинки. Они были мастерами на все руки: строили, плотничали, ковали. Много лет они трудились на нефтеперегонных котлах братьев Дубининых в станице Моздокской, куда нефть доставляли из станицы Вознесенской, где такие же старатели черпали ее из колодцев. А когда в Грозном открыли месторождение нефти, все рабочие с промыслов Дубининых переехали в Грозный, где бурили нефтяные скважины и строили небольшие заводы для переработки нефти. Поселились все переехавшие рабочие, в том числе и родители Федора, недалеко от Грозного, в казачьей станице Ермоловской, что на левом берегу горной речки Сунжи.

Напротив Ермоловской через Сунжу жили чеченцы. Село их было основано очень давно. Даже старожилы не помнили, когда именно здесь поселились чеченцы. Называлось село Алхан-Юрт. Казаки и чеченцы жили мирно. Долгое время проживавшие среди недоступных гор, в глубоких ущельях, горцы многому учились у старателей. Старатели – искусные мастера – изготавливали добротный сельхозинвентарь, выездные тачанки, трехлинейки, охотничьи ружья, станки для выделки кожи и многое другое. Чеченцы поставляли соседям лошадей, зерно, шерстяные ковры, сырую кожу. И эти взаимоотношения выстраивались из поколения в поколение. Здесь создавались новые семьи, царил чистая человеческая дружба, кавказское куначество.

С мальчишеских лет Федор дружил с пацаном из соседнего села. Мальчика звали Идрис. Бесстрашный Идрис в любое время суток переплывал быструю холодную горную реку Сунжа. Федор был большой любитель-рыболов, мастерил разные рыболовные снасти. Рыбалка увлекла азартных мальчишек, и они стали неразлучными друзьями. Почти все лето проводили они на берегу рыбной Сунжи или ходили за ягодами в лес.

Друзья незаметно выросли. Окончили школу. Пришло время определиться с выбором профессии. Федор и Идрис пошли работать на нефтеперерабатывающий завод и решили продолжить учебу на вечернем отделении техникума.

На заводе друзья трудились недолго. Над страной нависла фашистская угроза. В начале 1942 года, в самое тяжелое время Великой Отечественной войны, комсомольцы Федор и Идрис добровольно ушли на фронт.

Красная Армия, в рядах которой героически сражались бесстрашные воины со всего Северного Кавказа – чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы и многие другие, победоносно завершала невиданную по своей кровавой и разрушительной жестокости Вторую мировую войну.

Враг был изгнан почти со всей территории Советского Союза. Но в стране произошли необъяснимые события. Политическое руководство начало геноцид, «чистку народов». Вчерашние труженики села, представители духовенства и многие другие вдруг стали врагами народа.

Провозглашенная нерушимая дружба народов, свобода, идейное единство лопнули как мыльный пузырь. Многих горцев Северного Кавказа по этническому признаку и вероисповеданию как неблагонадежных депортировали на вечное поселение в Среднюю Азию и Казахстан.

Пройдя немыслимые боевые схватки и испытания через всю Европу, Федор и Идрис, участвуя в сражении за Берлин, с честью завершили войну.

То ли друзья родились в рубашке, то ли Всевышний их миловал, а может удача, а может все вместе, они вернулись на разгромленную Родину с множеством следов кровавой войны.

Тяжело расставались вчерашние воины на берегу матушки-Волги в городе Астрахань. Их глаза были полны слез, которых они не проливали даже в смертельных боях, над смертью погибших боевых товарищей. Идрис в полном неведении причины изгнания своего народа с родной земли последовал на восток, в Казахстан, где ему предстояло найти своих родных и близких среди разбросанных в Казахстане и Средней Азии депортированных чеченцев.

Боевые раны Идриса давали о себе знать, но сухой, пустынный климат благотворно действовал на его здоровье. За это время у Идриса сложилась многолетняя семья. Идрис работал на конном заводе, где разводили элитных лошадей для Красной Армии, спортивных соревнований.

Юношеская дружба, испытанная в боевых сражениях, не прервалась. Идрис нашел своего друга в Грозном, и до самого возвращения на Кавказ друзья вели регулярную переписку.

В шестидесятых годах депортированные чеченцы начали возвращаться в Чечню. Федор Ермолаевич знал о приезде Идриса. Товарный вагон с его большой семьей прибыл на станцию Ермоловская-Алхан-Кала. Привыкший к разным выдумкам и необыкновенным странностям друга в юношеские годы и на войне, Федор Ермолаевич не удивился, когда из вагона вывели серебристого, в яблоках, длинноногого, стройного, с тонкой талией ахалтекинской породы коня. Односельчане, да и встречные, с любовью приветствовали пожилого, но еще крепкого Идриса на коне, украшенном дорогой инкрустированной сбруей.

Идрис любил совершать прогулки по берегу памятной с юношеских лет Сунжи, часто бывал у своего друга в поселке нефтепереработчиков – Кирове.

Федор Ермолаевич работал на заводе слесарем по наладке контрольно-измерительных приборов. Сын Федора Степан пошел по стопам отца. Закончив технологический факультет нефтяного института, он начал свой трудовой путь на заводе и вскоре вырос до начальника газовой установки.

Идрис не был обременен домашними заботами. Все его потомство проживало в одном большом дворе. Идрис был как стабилизатор. Он успокаивал

непослушных шалунов-внуков. Все чувствовали его всевидящее око, чуткое внимание. Каждый здесь был занят своим делом: кто за уроками, кто на секции, а кто наводит порядок во дворе.

Любимым занятием Идриса были также и прогулки на двухколесной тачанке с мягкими рессорами в сопровождении своего внука, который уверенно и смело управлял резвым конем.

Федор Ермолаевич, его супруга Анисия Матвеевна и семья сына проживали в уютном одноэтажном коттедже, утопающем в цветах и окруженном фруктовым садом с большим виноградником. В субботние и воскресные дни дом старого воина посещали его кунаки, знакомые – кто поведать, кто пообщаться, а кто-то и за помощью. Мастер на все руки, Федор часто посещал село Идриса, заодно кому-то что-то починит – примусы, утюги, молочные сепараторы, повстречается со старыми друзьями.

Приезд Идриса на разукрашенной тачанке в сопровождении внука Адама Даше доставлял большую радость. Даша и Адам постепенно подружились, любили спорить, а иногда до обиды каждый доказывал свое. Доверительное, искреннее чувство рождалось в отношениях молодых сердец. Из скромного, но упрямого Адама трудно было выдать слово. На настоятельное желание-просьбу Даши – научить ее ездить и управлять конем – Адам не возражал, но твердил, что девочкам не положено ездить верхом на лошадях. Но настойчивая Даша все-таки добила своего. Дедушка Адама одобрил и даже приветствовал желание Даши, твердо заявив, что человек должен уметь делать все, по крайней мере, стараться. В душе Адам очень желал использовать любой момент, чтобы доказать Даше свою надежность и смелость.

Она с помощью Адама быстро освоила не очень простую езду на довольно резвом коне. Когда гости приезжали на конной упряжке, Даша была безмерно счастлива. Ее любимым занятием стало ездить по узким тенистым улицам, проулкам своего поселка, радуясь тому, как ей завидуют ее сверстники.

Гости никогда не приходили с пустыми руками. Дедушке Даши доставляло огромное удовольствие, когда в доме готовили чеченские «жигиг-галниш» с вяленой бараниной, чесночным соусом или блюдо из свежей черемши со свежеспеченным кукурузным чуреком.

Друзья часто вспоминали события военных лет. Федор хорошо играл на баяне и очень весело исполнял чеченские и казачьи мелодии.

Напившись красного домашнего вина, кунаки весело отплясывали лезгинку, благодарили Тошу – мать Даши, которая грациозно, с удовольствием исполняла чеченские и казачьи танцы.

Даше было двенадцать лет, когда их семью постигло страшное горе. Ее отец, опытный начальник газовой установки, погиб, спасая молодого специалиста во время аварии – выброса ядовитых газов. После гибели сына Федор совсем сдал. Дядя Идрис и его близкие тяжело перенесли общее горе, глубоко сочувствовали Ермолаевичу и старались всячески поддержать.

После окончания средней школы Адам был уже крепким, статным молодым человеком и сам пожелал пойти служить в армию. Даша заметно изменилась. Она стала молчаливой, замкнутой, пропал громкий веселый смех. Она уже была в том возрасте, когда девушки мечтают найти своего принца. Именно в этом возрасте появляется жгучая страсть, романтика и не знаешь порой, чего ты хочешь, но ждешь красивую, чистую любовь.

Даша часто вспоминала стройного, красивого, умного, удивительно стеснительного Адама. В ее классе, в школе было много достойных ребят. Но не лежала ее душа ни к кому, никто из них не тревожил ее девичье сердце. Чем больше она вспоминала Адама, тем больше он занимал ее мысли. Часто вспоминала, как он при встрече быстро отводил свой взгляд, как она любила специально устраивать ему какие-нибудь сцены. Даша очень ждала от Адама

писем. Мысленно представляла, что бы он ей мог написать и как она сама ответила бы ему.

Адам был очень привязан к дому, дорожил своими родными и близкими. Все его детство, юность прошли под влиянием дедушки Идриса. В большой многодетной семье дедушки каждый знал свое место, все любили трудиться, были взаимно вежливы, учтивы. Была полная свобода, и семейно-бытовые, строгие национальные, подчас аскетические порядки и нормы хорошо уживались с современностью: кино, театр, концерты, ношение современной одежды, причесок, уход за детьми и многое другое.

До конца своей жизни дедушка Идрис выглядел здоровым, любил общаться, рассказывал занимательные истории куначества и дружбы между чеченцами и казаками. Повидавший много чего на своем веку дедушка больше всего ценил веру друг в друга, испытанную дружбу. Он завещал беречь честь семьи, хранить и ценить дружбу с семьей Федора Анисимова.

Среди всех внуков Адам пользовался особым вниманием, расположением, любовью дедушки. Может, это было связано с некоторой внешней схожестью или самостоятельностью характера, рассудительностью и обязательностью обоих. Никто к их отношениям не ревновал. Мнение и требования дедушки были непреклонны.

Адама часто вспоминали и очень ждали дома. Служба в армии, армейские порядки Адаму нравились. Ему все было интересно. Из войсковой части за воспитание отличника боевой подготовки Адама семья получала благодарственные письма. О службе и делах он часто писал домой.

С детских лет приученный к дисциплине и порядку, он легко переносил солдатскую службу. Адам часто думал об одной своей знакомой девушке, Даше, вспоминая ее доверительное отношение к себе, иногда доходившее до обиды, будто он не справедлив к ней. Адаму очень нравились эти черты характера Даши. Он вскоре убедился, что она ему не безразлична. Созрело желание написать ей письмо, поделиться своими мыслями, чувствами. Адам много читал. За время службы он заметно преуспел в знании русского языка, значительно вырос круг его интересов.

Бывало, Идрис увидит или встретит чем-то занятую Дашу, пригласит ее к себе, погладит ее светлые, пышные волосы, слегка проведет рукой по ее порозовевшим щечкам и с веселой доброй улыбкой скажет: «Вот она, моя будущая невестка». Даше все это казалось шуткой, взрослеющая девушка уже привыкла к подобным комплиментам.

Конечно, Адаму не чуждо было ничто человеческое. Его сослуживцы, молодые солдаты, получая от своих любимых девушек письма, были на седьмом небе от счастья.

Но Адам не осмелился в первый год службы написать Даше ни одного письма. Обычно традиционно воспитанные чеченские парни не разбрасываются своими чувствами. Если парень выразил девушке свои сокровенные чувства, доверяя тепло сердца и первый раз сказал «люблю», он этому слову не изменит: пылко, глубоко, преданно будет верить во взаимность своей избранной. Адам хорошо понимал, что многие девушки после долгой разлуки могут встретить и полюбить другого. И потому не решался написать, желая сохранить возрастающие теплые, тайные чувства к мечтательной, веселой, жизнерадостной и своенравной Даше.

Уход в армию Адама стал неожиданным для всех родственников. Особенно переживала бабушка Альбика. Дедушка не меньше скучал по внуку. Но свои мысли и душевное состояние никому не выдавал.

На второй год службы отличнику боевой службы Адаму Идрисову дали 10-дневную увольнительную. Весть о коротком отпуске Адама всех обрадовала. Идрис уже поделился своей радостью с Федором, который также был рад. Дедушки готовили сюрприз молодым.

В один из майских субботних дней к дому Федора Анисимова подкатила новенькая, цвета морской волны, роскошная «Волга». На шум тормозов подъехавшей машины выскочила Даша. На ней было воздушное, с короткими рукавами платье. Даша смотрелась как сказочное явление: румяный загар на лице и руках, копна пышных золотистых волос, ярко светящиеся большие голубые глаза. Ее взгляд выражал удивление и радость. Повзрослевший Адам был в военной форме, которая ему очень шла. Взгляды молодых встретились. Адаму, по чеченским обычаям, в присутствии дедушки нельзя было вступать в разговор с Дашей. Но его пристальный, пронизывающий душу взгляд, наверное, навсегда запечатлела Даша. Поиграв, будто крыльями ласточки, длинными ресницами, обдав Адама блеском глаз, Даша легко подбежала к калитке и пригласила гостей в дом.

Дядя Идрис окинул Дашу орлиным взглядом, подошел, нежно погладил ее по головке и вошел во двор, давно знакомый и родной.

Дедушка Даши, постоянно возившийся у себя в маленькой мастерской, вышел им навстречу и крепко обнял друга, будто они давным-давно не виделись. Адам, обнявшись, поздоровался с Ермолаевичем, расспросил о здоровье его и супруги, а затем стал в стороне от стариков.

Дружелюбный Идрис любил общаться, рассказывать занимательные истории об абреках на Кавказе и всегда с радостью подчеркивал, как ныне изменились отношения между горцами и казаками. Особенно Идриса занимали разговоры о продолжении братских, семейных отношений, верной дружбе между их семьями – Анисимовыми и Идрисовыми.

Даша увлекла Адама своими воспоминаниями о прогулках на послушном ахалтекинце, показывая фотографии, запечатлевшие их встречи. Даша расспрашивала о солдатской жизни, интересовалась, чем он думает заняться после службы, иногда стараясь угадать ход его мыслей и реакцию на ее расспросы. Адам был спокоен, больше молчал, внимательно слушал, часто ловя на себе пристальный взгляд Даши. Он выпросил у нее несколько фотографий, на которых она была в цветочном скверике, среди школьных подруг, на конной прогулке.

В виноградной беседке, в хорошем настроении, чем-то очень довольные, разговаривали друзья. Лидером в дружбе всегда был Идрис, но никогда ни один из них не чувствовал себя ни на первом, ни на втором плане. Они удивительно дополняли друг друга, и каждая встреча проходила так, как будто они давно не виделись.

Федор Ермолаевич позвал бабушку Анисию и Тошу. Первым, как и ожидалось, заговорил Идрис.

– Я и Федор дружим всю нашу жизнь. Вместе через многое прошли. И много лет, хвала Аллаху, после войны пребывали в полном здравии, но, к сожалению, были разлучены известными трагическими событиями. Вся человеческая жизнь нас учит, что людям Всевышним не даровано ничего лучше, чем дружба и вера друг в друга. Мы завещали нашим потомкам беречь, хранить и продолжать нашу многолетнюю дружбу. И ничего лучше, чем скрепить эту дружбу родственными связями, наверное, быть не может. Потому у нас давний уговор с Федором, как

только Даша и Адам подрастут, сосватать их и скрепить наше родство. Думаю, время пришло, объявите молодым о нашем решении и спросите их согласия.

Бабушка Анисия прервала разговор Адама и Даши и передала волю стариков. К лицу Адама хлынула кровь. Он, весь покрасневший, стоял, опустив голову. Бабушка обратилась к внучке:

– Дорогая Дашенька, ушли старые порядки, когда чеченки и казачки занимались только домом, дальше порога жизнь не видели, одна забота – дети, гости, поле. Глубоко убеждена, что ваша жизнь будет другой, интересной и счастливой. До войны мы жили в другом мире. Заборы казачьих и чеченских домов были такие высокие – не заглянешь, не перелезешь. А теперь, слава Богу, настали другие времена. Жизнь стала лучше. Самое главное – укрепились вера друг в друга, нет той злобы между людьми... Ну что скажете? Вы согласны?

Виновники, не поднимая голов, тихо, но дружно ответили «да».

Бабушка вернулась в беседку к старикам. Идрис по старым обычаям горцев произнес слова благословения и объявил, что Адам и Даша сосватаны. И уверенно произнес, что свадьба и брачные торжества состоятся через год после окончания службы Адама.

Дед Идрис продолжил:

– У нас, у чеченцев, в таких случаях раньше у молодых ничего не спрашивали. Если родители договорились – значит, быть сему. Я хочу, чтобы они встречались, дружили. Адам никогда не нарушит чеченские адаты. У нас немного другие порядки и требования при уходе между молодыми. Это позволяет сохранить чистоту, уважение друг к другу, хранить честь и достоинство, а в будущем создать дружную, основанную на взаимной любви и морали, достойную семью.

Всю свою жизнь Даша будет вспоминать радостное, благородное лицо Адама, которое светилось от счастья в тот день, доброжелательную улыбку и горящие как угли глаза.

Последний год службы Адама прошел как в сказке. Даша по каждому случаю, не ожидая ответа, писала ему. Адам знал обо всех ее делах, был в курсе всего, что у нее происходило в школе и дома. Две сестрички Адама, Зулай и Мадина, и она все свободное время проводили вместе. Адам писал немного о службе и о своих спортивных достижениях. Он был неоднократным победителем армейских соревнований по боксу, но не любил хвастаться и мало писал об этом. Стал мастером спорта, готовился поступать на вечернее отделение института.

Адама на два месяца раньше демобилизовали из армии. Даша готовилась к выпускным экзаменам. Недолго думая, Адам пошел работать на завод, где начинали свой трудовой путь его дедушка и Ермолаевич.

Осенью он успешно поступил на вечернее отделение технологического факультета нефтяного института.

Дашу отличала романтическая увлеченность, любовь к детям. По старой привычке, бывая в детском саду, где долгое время ее мать работала воспитателем, она с большой теплотой ласкала, заботливо возилась с детьми, иногда приносила им гостинцы, дарила игрушки. Возьмет в руки ребенка, расцелует, растормошит, а потом долго вдыхает детский запах. Бывало, поедет в гости к Зулайке и Мадинке (так она звала своих будущих золовок), и там вела себя не как гостя. Это радовало всех домочадцев. А дедушку Идриса особенно, ибо это был его выбор, хотя не во всех семьях чеченцев одобряют смешанные браки.

Даша тоже поступила на заочное отделение техникума, и пошла вслед за Адамом на завод. До свадьбы еще было время. Тогдашние законы были очень суровы. Ей еще не было восемнадцати, поэтому до свадьбы время было.

В свободное время Адам, Даша, Зулай и Мадина вместе выезжали в горы,

бывали в гостях у его родственников, на Каспии, где находилась оздоровительная база завода.

Адам был всегда сосредоточен, во всем чувствовалась его аккуратность. Машина его всегда была вымыта, исправна, готова к дальним поездкам и «экипирована».

Тоша не могла нарадоваться своим будущим зятем. Придет Адам, обязательно найдет, чем заняться, сделает замечание Даше за небрежный стол, комнату или неухоженную цветочную клумбу. Тоша, хорошо знающая кавказские обычаи, не вмешивалась в дела молодых, не приставала с расспросами.

Даша, веселая, разговорчивая, старалась немного растормошить серьезного Адама. На лужайке или в красочном осеннем лесу, на берегу моря Даша всегда старалась увлечь Адама, убегая или кружась юлой вокруг него, прячась, чтобы он звал, искал ее. Адам, конечно, был не бесчувственный, но традиции были превыше всего.

В армии он научился играть на музыкальных инструментах. Обладая приятным голосом и слухом, увлеченно напевал любимые чеченские песни, русские, итальянские романсы. Своим ярким, добродушным взглядом, широкой улыбкой, словами романса говорил Даше, насколько сильна его любовь, предана его душа.

Даша, счастливая, без ума влюбленная в будущего мужа, сидя иногда справа от Адама, внимательно наблюдала за каждым его движением, мимикой лица; ей нравилось, как иногда напрягаются его сильные руки, на лице играют желваки; его могучий, с широкой грудью торс, крепкая шея, прямо сидящая голова с заметно широким подбородком, подчеркивающим в нем силу и твердость крепкого, волевого мужчины. Как в народе говорят, горцы-чеченцы всегда отличаются только им присущим мужским началом и духом, силой и страстью, не переходящими недозволенные границы морали и чести.

Адам, уже зрелый, пылающий любовью, давно горел страстью быть с Дашей. Он не искал других встреч, всегда проводил свободное время вместе с нареченной. А она жила только им, для него, всегда знала о его делах, проявляла о нем нежную заботу.

Наконец-то свершилось то, чего с нетерпением ждали не только молодые, но и близкие, знакомые и даже односельчане. Таковую предысторию свадьбы не помнил и не слышал никто в селе Алхан-Кала. В селе хорошо знали самого почитаемого старейшину, бывалого воина Идриса. Каждый знал, что свадьба будет богатой, многолюдной. Уже несколько месяцев недомогающий Идрис в день свадьбы был в своей традиционной кавказской форме: в темно-зеленой черкеске, подпоясанной серебристым поясом с инкрустированным длинным кинжалом, в высокой папахе, в мягких сапогах. Выглядел торжественно и был в хорошем настроении.

Свадьба удалась на славу. Сельчане давно не видели такого количества людей, кортежа легковых машин. Длинная свадебная колонна следовала от поселка Кирова до Алхан-Калы. Впереди ехала разукрашенная лентами, цветами, застеленная роскошными коврами, мягкая, старинная, обитая коричневой кожей тачанка, несомая двумя, отливающимися блеском серебристыми гривами, в серых яблоках рысаками. Полусогнув свои могучие шеи, будто демонстрируя силу и удаль, кони неслись нога в ногу. Под звонкую, мелодичную трель колокольчиков, под стук копыт, веселую игру гармонии и барабанную дробь свадебный кортеж прошел по оживленной улице села, оповещая о торжестве. По обе стороны тачанки ехали по пять всадников, одетые в разноцветные укороченные черкески, в плотно надвинутых папахах.

В традиционном национальном габали Дашу поддерживали младший брат Адама Булат и стройная, яркая брюнетка – сестра Зулай. Красиво собранные в узел пышные волосы Даши, покрытые прозрачной светло-голубой накидкой, золотом отливали под яркими теплыми лучами июльского солнца.

Кучер умело управлял резвыми скакунами, несущимися под звон колокольчиков. Радостные друзья Адама дружно палили из ружей, по традиции чеченской свадьбы.

На второй день свадьбы гостей и участников порадовала не менее приятная, волнующая новость: Даша через сестер и мать Адама передала свое желание и намерение принять исламскую веру, стать мусульманкой. Дедушка Идрис прилюдно, с гордостью и восторженно сообщил о решении своей невестки принять ислам.

Высокопочитаемый сельский мулла в присутствии требуемых при таком ритуале свидетелей объявил о добровольном принятии Дашей ислама и наречении ее именем Деши, что в переводе с чеченского языка означает «золото», «золотая».

Принятие мусульманской веры иноверцем у чеченцев считается глубоко духовным подвигом; подвигшему к этому шагу иноверца прощаются все земные грехи, двери рая будут ему открыты. К душевному успокоению Идриса прибавилась гордость за неожиданный поступок Даши.

Чеченцы прилюдно свои чувства к жене или мужу не проявляют. Даша это понимала. Чем скромнее вел себя Адам, тем сильнее возгорала ее любовь к нему. Она хотела, чтобы это видел он, его друзья, родные – все-все. Несколько поправившаяся после замужества, Даша выглядела еще более женственно.

Одного за другим она родила, как по заказу, мальчика, вылитого отца, и белокурую кудрявую девочку. В честь дедушки мальчику дали имя Идрис, а голубоглазой блондиночке – Седа, сравнив цвет ее глаз с небесной лазурью.

Молодая семья, окруженная заботой и вниманием руководства завода, успешно вписалась в рабочий коллектив цеха контроля качества нефти. С первого дня Адам проявил себя как добросовестный, дисциплинированный рабочий, аккуратно выполняя свои обязанности. Рос его интерес к учебе. Как спортсмен, активно участвовал в спортивных соревнованиях завода, города. Вел общественную работу. К рождению первого ребенка Адаму и Даше выделили квартиру.

Грозненским нефтяникам не приходилось особо восхищаться своей обеспеченной, беззаботной жизнью. На памяти стариков огромные очереди в 60-х годах за хлебом, лживые, циничные заявления партийных и разного рода деятелей о временных трудностях по обеспечению продовольствием в связи с повышением цен. И как гром среди белого дня заявление руководителя КПСС Горбачева М.М. о новом политическом и государственном курсе – «перестроить жизнь». Но в стране опять очереди за мылом, порошком, борьба с алкоголизмом, воровство, убийства, массовые отравления населения, недовольство рабочего контингента, растление молодежи наркотиками, массовая потеря веры людей к власти страны.

Привыкшие всегда к стабильному ритму работы рабочие завода с тревогой реагировали на складывающуюся в республике обстановку: не хватало нужного оборудования, сырья для переработки, происходили частые простои технологических установок, отсутствовали необходимые компоненты. Руководители завода, как в былые времена, не встречались с трудовым коллективом. Общественные организации будто ушли в подполье. Большими, малыми группами рабочие озабоченно обсуждают обстановку на заводе. По слухам, такое же положение и на других заводах города.

Самые опытные специалисты, рабочие массово увольнялись и уезжали из республики. Всегда мобильная, активная, работающая молодежь металась. Не было того внимания, заботы, контакта с руководителями заводского и республиканского масштаба. Никто не старался разобраться в причинах происходящего. Начались стихийные митинги.

Развернулась борьба за власть. Почувяв бессилие местных руководителей и правоохранительных органов, вчерашние карьеристы и национальные провокаторы начали организовывать антигосударственные митинги, расплодилось партии политического и разного толка. Но ни у одной «партии» не было разумного понимания, объяснения причин происходящего. Под всем происходящим явно просматривалась цель – придти к власти или захватить ее.

Государственные органы трусливо уступили «реформаторам». Налицо было явное расслоение общества, исчезновение традиционной, испытанной временем, межнациональной дружбы. Грозный наводняли эмиссары из других республик, зарубежных стран.

Вся эта вакханалия в республике не проходила мимо ни одного двора, дома, семьи. В тревоге был каждый – и стар и млад.

Адаму нередко приходилось работать в две смены. Всегда спокойный, внимательный, веселый, Адам теперь часто бывал не в настроении. Даша чувствовала его состояние. Стараясь отвлечь мужа, отправляла его с детишками на прогулку, снабжая их книжками и игрушками. В выходные дни вся семья уезжала в Алхан-Калу. В родном селе было несколько спокойней.

Даша давно в совершенстве владела чеченским языком. Она очень любила музыку. Обладая хорошими музыкальными способностями, бывало, выкроит время, сядет за пианино и наполнит дом, двор музыкой, пением, мелодиями чеченских песен и русских романсов.

После успешного окончания института Адама повысили в должности. Но от этого в семье радости, спокойствия и веселья не прибавилось. Даша продолжала работать. Бабушка Тоша оставила работу в своем садике и целиком была занята внуками.

В непонятной тревоге, людской суматохе проходило время. Адама часто приглашали на какие-то встречи, сборы. Даша твердо решила не надоедать мужу, не пытаться его расспросами: где он бывает, что творится в республике, городе. Радости, видимо, от этих «тусовок» было мало. Иногда мимоходом Адам делился с женой, но разговор заканчивался спокойным и решительным мнением самого Адама: все это обещает плохой конец.

В республике власть захватили люди нового толка. Созидательной, спокойной, мирной жизни уже не было. Сбои на производстве и заводах ощутимо усилились. Старое руководство отраслю в тяжелейших условиях отсутствия власти, порядка, сырья, рабочей силы, специалистов делало попытки стабилизировать обстановку. Но все это было безуспешно.

В конце 1994 года в Грозный вошли федеральные войска. Начались невиданные разрушительные и смертоносные бои. За короткое время многоэтажный Грозный превратился в руины. В такой обстановке Адам вместе со своими товарищами, друзьями из своего села пошел в ополчение. Он убедил Дашу, что не может оставаться в стороне, не быть солидарным с чеченским ополчением, добровольцами, которые решили воевать против российской армии, солдат, офицеров, убивающих безвинных людей, разрушающих и сжигающих города и села.

Даша вместе с двумя детишками и матерью осталась в своей квартире в

микрорайоне Грозного. Дедушка Ермолаевич долго хворал. Эти события и болезнь подкосили его. Скоро его не стало.

Из города массами уходили люди, бросая ценою многолетнего изнурительного труда нажитое имущество, жилье. Будто соревнуясь между собой, федеральные войска и местные отморозки развернули массовое мародерство, каждый раз после хищения подрывая или сжигая остатки вместе с домом, квартирами.

Постоянные уличные торговцы разбежались. Магазины, лавки были разрушены, сожжены. Хлеб купить было негде. Голодные дети устало смотрели на свою бабушку и маму, не понимая, почему их не кормят, каждый раз издавая испуганный крик от шума и грохота стрельбы и разрушаемых домов, дрожа бросались в объятия бабушки. В начале думали, что все это ненадолго, что противоборствующие стороны проявят мудрость и благоразумие, ведь война эта никому не была нужна. Так думали Даша и ее мать. Человек всегда надеется на лучшее, желает и ждет хорошего конца, спокойствия. Но этому не суждено было скоро свершиться.

В городе вдруг неожиданно наступило затишье. Даша решила перебраться в село со всей семьей. Но мест для всех на автомобиле выезжающих соседей не хватило. Дашу взяли одну, обещав, что доставят ее по пути на завод. Она согласилась. Надеясь, что здесь, возможно, ей помогут с продуктами, транспортом и отсюда потом она сможет добраться с семьей до Алхан-Калы. Во второй половине дня боевые действия усилились. Стоял невообразимый грохот беспрерывно стреляющих орудий, шум барражирующих вертолетов, душераздирающий гул самолетов. На заводе Даше дали несколько банок консервов, пачку сухого молока, буханку хлеба, но выбраться в город с завода было невозможно. Целый день стреляли, бомбили, а ночью город покрыла смрадная, пороховая, удушающая черная пелена. Грозный канул в темную ночь, не было света, кроме горящих домов, нефтяных резервуаров и фар боевых машин, забивших улицы, площади города.

На второй день во двор завода в боевом порядке заехали два БТРа. Коротко распросив присутствующих, есть ли на территории чеченские боевики, старший, без опознавательных знаков, обратил внимание на Дашу, скорее из-за привлекательной внешности. Это заставило ее обратиться к нему с просьбой помочь ей добраться до ее голодных детей, оставленных с бабушкой.

БТР доставил Дашу с продуктами до ее дома. Старший из военных оказался майором с Поволжья. Он передал Даше весь свой продуктовый паек. Обещал вернуться и помочь. Но больше она его не видела. Она с трудом выбралась из БТРа, набитого ящиками с боевыми снарядами и молодыми, почти юнцами, солдатами.

Перед Дашей предстала страшная картина: ее пятиэтажный дом из железобетонных панелей зиял сквозными пробоинами. Почти все подъезды дома были завалены разрушенными лестничными пролетами, разбитыми блоками.

Даша стала кричать во весь голос, перешедший в громкий плач: она увидела пробитые стены, разрушенный балкон ее квартиры на третьем этаже. Никто не отвечал на ее зов. Ее затошнило. Глаза резала темная, серая, удушающая пелена. Тело охватила дрожь. Не владея собой, она упала и потеряла сознание. Она лежала на асфальте, затаянном ледяным панцирем. Сколько она пролежала – не помнила. Кто-то по-чеченски и по-русски обращался к ней, дергая за руки, стараясь привести ее в чувство, похлопывая и массируя ей щеки и виски. Она иступленно посмотрела на мужчину и произнесла: «Ва Везан Дела, орцах валахь!»¹. Стараясь подняться, она упала. Правый бок, рука и нога онемели.

Мужчина, обхватив руками Дашу за подмышки, поддерживая, старался привести ее в чувство.

Она беспомощно озиралась кругом, не в состоянии что-либо понять и сделать. В судорогах еле подавила охватившее ее рыдание. Немного придя в себя, она увидела только страшный мрак. Разрушенный дом, разбитые зияющие балконы, окна, подъезды. Дашу было не узнать, она была обессилена, подавлена. Нестерпимая боль, удушье опять охватили все ее существо. Страх, тревога за своих детей и мать ввергли ее в паническое состояние. Неизвестный спаситель, одной рукой поддерживая ослабевшее тело Даши, старался успокоить ее. В другой руке он держал ее сумку с продуктами.

Помогающий несколько раз громко кого-то окликнул. Из-за угла дома выкатила грузовая машина. На борту ее стояли двое мужчин, в кабине с водителем сидел третий мужчина преклонного возраста. Один из них обратился к ней на чеченском языке:

– Ты из этого дома, есть ли еще жители в доме?

– Я только подъехала. Была в ночную смену на заводе, не знаю ничего, – Даша рукою показала на разрушенный балкон своей квартиры. Слезы ее не успели высохнуть, она зарыдала. – Вчера я оставила в этой квартире двух детей и свою мать, подъезд завален, я не могу войти в дом и не знаю, что с ними случилось.

Спаситель Даши, сухощавый молодой человек, быстро прошел в подъезд и, как кошка, цепляясь за разрушенные перила, лестничные марши, пролез на третий этаж и вскоре очутился на разбитом балконе. С балкона донесся неутешительный голос. Молодой человек сообщил, что в квартире труп женщины, но детей нет. Дашу еще больше охватил страх, она закричала, безудержно зарыдала.

Мужчина спустился. Захватив с собой веревку, брезентовый тент, он вернулся опять в Дашину квартиру. С трудом опустив обернутое тело, он вернулся к ожидавшим его. Когда развернули брезент, увидели искалеченное осколками, в кровоподтеках, тело женщины. Громко плачущую Дашу требовательно окликнул пожилой мужчина:

– Горе не только у тебя. Мы сегодня вывезли из этого двора семнадцать трупов и сейчас заберем еще пять.

Он посадил Дашу возле себя в кабину. Грузовик с трупами и добровольцами-спасателями последовал в село Старая Сунжа.

Машина остановилась у небольшого кирпичного дома. Оставив Дашу в этом доме, мужчины поехали на кладбище, где хоронили очередных жертв этой непонятной войны. Даша вошла во двор. Под пристроенным навесом трое пожилых женщин что-то выясняли. Увидев вошедшую незнакомку, они замолчали. Даша традиционно пожелала хорошего дня, женщины сразу заметили ее состояние и пригласили в дом.

В теплой, натопленной комнате Даша немного пришла в себя. Рассказала, почему ее доставили к ним. Женщины успокаивали как могли, выражая соболезнования Даше. Хорошо знающая мусульманские законы, требования, обряды, Даша сообщила, что ее мать православной веры и ее нельзя хоронить на чеченском кладбище. О себе сказала, что замужем за чеченцем и исповедует ислам.

Приятно удивленная и, вероятно, более влиятельная и авторитетная среди присутствующих женщина уверенно заговорила:

– Сейчас не время разбираться, кто русский, кто чеченец. Твоя мать достойна быть похороненной и на мусульманском кладбище. Да ниспошлет Великий Аллах твоей матери свое благословение и прощение. Из-за твоего поступка, принятия ислама и признания пророка Муххамада (да благословит его Аллах и приветствует), Аллах отпустил грехи всем твоим близким, – сказала женщина.

Шовда, так звали эту женщину, бывшую учительницу, срочно послала своего внука 10-летнего Имрана на кладбище, чтобы он сообщил дедушке Асхабу все,

что она узнала от Даши. Дедушка внимательно выслушал Имана. Мудрый глава Совета старейшин села Асхаб хорошо знал обычаи не только своих предков вайнахов. Он знал, что человек, исповедовавший православную веру, должен быть похоронен на православном кладбище.

Непозволительно мусульманину-вайнаху, в каком бы духовном сане он ни был, какое бы высокое положение в обществе ни занимал, переступать границу, священную акваторию вековых традиций и обычаев вайнахского народа, где четко обозначены межрелигиозные, межнациональные, межэтнические отношения. На этой акватории священны духовность, человечность. Кто пренебрегает вековой народной мудростью, обычаями и традициями предков, тот выпадает из этого «поля» в бездуховность, безнравственность, распушенность, что сродни преступности, человеческой деградации.

Когда впопыхах, уставший от быстрого бега, Иман старался объяснить дедушке по-своему чрезвычайную новость, Асхаба занимали вот такие мысли, почему-то сейчас, в это тревожное, небезопасное время пришедшие ему в голову. Вероятно, мудрый старик искал ответ на вопросы: почему руководители страны затеяли эту бойню, о чем они не могут договориться? Ведь они же несут ответственность за смерть людей, сожженные дома, разрушенный город. Они виновники этой бойни! Когда они остановят войну? Когда погибнут все?! Эту войну развязали люди без духовности, те, кто выпал из поля человечности...

Асхаб, нежно погладив вспотевшую голову Имана, успокоил его. Поблагодарил внука и сказал, чтобы его бабушка Шовда не беспокоилась. После услышанного он вспомнил своего давнего приятеля, односельчанина Ивана Кривоносова. Иван был известным потомственным виноделом и мастером по изготовлению дубовых бочек под вино.

Иман сразу получил задание от дедушки предупредить старого казака Ивана, чтобы тот не уезжал и завтра утром был у себя дома. Асхаб и Иван все заботы похорон Тоши взяли на себя. Ритуал проходил в доме Ивана.

Тошу похоронили на действующем русском кладбище в соседней станице Ильиновской. Дашу на некоторое время Асхаб оставил у себя. Растроганная заботой Асхаба и Шовды, Даша не знала, как выразить им свою благодарность. Ее было не узнать. Страх не покидал ее. Старики решили не отпускать Дашу, пока она не придет в себя.

После похорон Асхаб рассказал, что он знаком с алханкалинским старейшиной Идрисом и что был наслышан о принятии его снохой ислама.

В дом Асхаба часто навевывались российские военные. Он находил с ними общий язык, благодаря чему разрушений и адресных проверок в селе было меньше.

С помощью Асхаба военные помогли доставить Дашу в ее родное село. Асхаб сразу принял через знакомых и добровольцев-спасателей разыскивать Дашиных детей. Его успокаивало то, что детей в квартире не обнаружили. Значит, кто-то их спас и куда-то увез.

Через неделю Даша со своим деверем – братом Адама – вернулась в Старую Сунжу. Но ее ждали неутешительные новости. Детей не нашли. Была единственная зацепка. Недалеко от дома Даши были частные дома. Один из жильцов сообщил довольно интересные сведения. Известная в округе женщина Лиза, устраивавшая подпольные притоны, часто появлялась в обществе российских военных. Видели, как она вместе с солдатами увозила домашние вещи из чужих квартир, собирала у себя неизвестно откуда найденных детей и куда-то вывозила их на транспорте военных. Предположительно, в лагеря беженцев в Ингушетии.

В этой неразберихе в смертельно раненный город приезжали из других городов, регионов женщины, представлялись сотрудниками благотворительных организаций, солдатскими матерями. Это были охотники за детьми, но не с благотворительной целью. Они искали и находили клиенток в лице местных

продавцов детей. В отдаленных селах продавцы будто в благотворительных целях удерживали ворованных детей, чтобы потом переправить их по «заявкам».

Российским военным властям они представлялись как спасатели, представители благотворительных обществ. Военному командованию не было дела до разнузданного правового беспредела в городе, мародерства контрактников, солдат и местных отмороzków, до брошенных стариков и осиротевших детей. Некоторые офицеры по собственной инициативе проявляли гуманность, заботу. Но тяжелая миссия по спасению детей оставалась в основном на плечах чеченских женщин...

В условиях ожесточенных боевых действий в городе запретили всякое передвижение населения, гражданского транспорта. Даша и ее деверь Усман через неделю безрезультатно вернулись в Алхан-Калу.

Дома Дашу ждало радостное известие. Неизвестными путями в Алхан-Калу доставили маленькую записку на клочке бумаги. Адам сообщал, что их отряд по Аргуну ушел в горы.

Домашние успокоились, узнав, что Адам жив, хотя все переживали за его дальнейшую судьбу.

По городам, селам, поселкам под предлогом адресной проверки началась охота на молодых людей. В целях безопасности решили, что в Ингушетию в поисках детей Даша поедет сама.

У пропускного поста за станицей Ассиновской в несколько километров протянулась колонна машин, толпы женщин, стариков, детей. Промокшие люди, нигде укрыться, присесть, везде непролазная грязь. Старики стараются убедить постовых быстрее пропускать людей. Те требуют документы, долго и нудно проводят досмотр. Над головами, почти приглаживая землю, барражируют военные самолеты.

Одна за другой через пост проезжают в сторону Ингушетии большие военные машины, груженные домашними вещами, строительными материалами: федеральные и местные мародеры делают свое грязное дело.

Даша, проталкиваясь, оказалась по соседству с обесиленным стариком, который за ручку держал девочку пяти лет. Ребенок весь продрог, посинел. Даша скинула с себя большой пуховый платок и плотно закутала девочку. Объяснившись со стариком, она узнала, что это бабушка с внучкой, чудом оставшиеся в живых. Осетинские контрактники, узнав, что в пригородном поселке Ташкала проживает ингушская семья, одиннадцать человек – женщин и детей – расстреляли, а он с внучкой в это время был в другом районе города, потому они остались живы.

Даша поняла, что постовых не убедить, взяв под руку старика, на руки девочку, пошла напролом. Постовой махнул рукой и пропустил их.

Старика-ингуша звали Бауддин, а внучку Моша. Несмотря на тяжелое, гнетущее его горе, Бауддин оказался мужественным, очень участливым человеком. Узнав о несчастье Даши, он старался разделить ее горе. Убедил ее, что дети у всех народов всегда были предметом особой заботы, святыми созданиями и что Всемогущий Аллах проявит свое покровительство над беззащитными детьми.

Глубокой ночью Бауддин, Даша и Моша добрались до Яндырки, родного села Бауддина. С утра Бауддин поднял всех своих близких, знакомых молодых ребят на поиски детей. Сам с Дашей за три дня объехал все лагеря беженцев, развесил обращение на людных местах, у мечетей, оставил свой адрес в администрациях сел. Но поиски не дали желаемого результата.

Обещав Даше, что розыск детей будет продолжаться, Бауддин с большим трудом, за деньги, провел Дашу через военный пост в сторону Чечни.

До перекрестка дорог станиц Ассиновская и Серноводская Даша половину пути прошла пешком по лесным тропам, оврагам, прячась от российских стрелков. На перекрестке образовалась огромная людская толпа. Одни потоком шли в Грозный спасать заблокированных детей, стариков, женщин; другие, полураздетые женщины, дети, старики со скудным скарбом глазели на повозки, машины, протискивающиеся, отнюдь не бесплатно, через военный кордон на запад, в сторону Ингушетии. Стояла скверная, холодная погода. При огромном скоплении растерянных, обездоленных людей, среди которых было много стариков, детей, здесь не было ни одного представителя органов местной власти.

Дул холодный, морозящий ветер. Уставшая, продрогшая, обессиленная Даша искала в толпе женщин и детей своих, расспрашивала встречных, что происходит в Грозном, но люди не могли ее ни утешить, ни помочь.

У лесополосы, увидев дым костра, Дашу потянуло к огню. Замерзшую и уставшую, ее к тому же раздирали простудный кашель. Мокрая одежда прилипла к телу, обувь протерла носки и давила ноги.

Вдруг продолжительный, раздирающий душу шум. В небе над толпой людей закружили вертолеты, с зияющими стволами пушек под крыльями, откуда торчали ракеты с красными головками. Вертолеты несколько раз пролетели над толпой. Через несколько секунд раздались оглушительные взрывы.

На месте, где стояла большая толпа людей, возник огромный черный гриб. Куски развороченной земли долетели до лесополосы. Толпы не видно – пусто, словно все смело ураганом.

Даша замерла, не веря тому, что происходит. Вертолеты скрылись, сделав свое дело – нанесли ракетно-бомбовый удар по мирным людям.

Придя в себя, Даша побежала к месту трагедии. Перед нею зияла огромная земляная развороченная воронка, кругом разбросанные вещи, изуродованные человеческие тела, бурое кровавое месиво, умирающие бились в смертельной агонии, удушающий запах крови, человеческого мяса.

Дашу сильно тошнило, ноги ее подкосились, она потеряла сознание. Когда пришла в себя, ее безудержно трясло, она не могла понять, что происходит. С трудом поднявшись, посмотрев вокруг себя, она увидела в двух метрах труп без головы. Судя по одежде, это была женщина. Из-под трупа виднелась маленькая головка ребенка. С трудом совладав с собой, она подошла и заметила, что ребенок смотрит на нее. Она вытащила беспомощное тльце, истекающее кровью, расстегнула свой плащ и приложила ребенка к своей груди, ремнем плаща привязала малыша к себе. Сразу почувствовала тепло, значит, ребенок жив. Повернув головку, она посмотрела ему в лицо. Оно было бездыханно. Оказалось, что у ребенка оторвана нижняя часть тела.

Дашу охватила ярость и ненависть. Она схватила обрубок ребенка, истекающий кровью, подняла над головой и стала кричать, посылая проклятия вертолетам, небесам, которые она когда-то романтично любила, ведь это они поселили в ее девичьем сердце красивую мечту, любовь к небу, земле. Взывала к Аллаху, вопрошая, почему Он допускает это изуверство, убийство безвинных детей. Плакать не было сил. Во рту пересохло. Сердце ее стало камнем, слезы иссыкли.

Слышны одни стоны. Способные говорить просили о помощи, но ее некому было оказать. На трассе появилось несколько автомашин. Люди вышли из машин и что-то обсуждали между собой. Несколько легковых машин быстро разъехались в сторону станиц Серноводская и Ассиновская.

В полусотне метрах от воронки за высокими тополями Даша увидела двух полураздетых, забрызганных кровью детей. Они плакали и смотрели на нее. Она быстро подошла к ним, схватила их в охапку и побежала в сторону лесополосы, чтобы скорее уйти из зоны обстрела. Дети молчали, никто из них не издавал ни звука. Обессиленная, она волокла их за собой, подбадривая, успокаивая,

что вот-вот они выберутся из этого ада. Шли по лесу вдоль дороги долго, спасенные дети были в шоке. Сама Даша еле держалась, ее онемевшие ноги не чувствовали землю, холода. Ни о чем не думая, обезумевшая, она тащила детей, не представляя, куда их ведет.

Поздней ночью они оказались на окраине станицы Ассиновской. Подошли к первому попавшемуся дому. Они стояли у старых дощатых ворот маленького глинобитного дома. Через щели разваливающихся ворот в окне светилось что-то похожее на горящую свечку или загорающую керосиновую лампу.

Даша торопливо постучала. Со двора донесся женский голос. Даша продолжала стучать еще крепче. Старушечий голос решительно ответил:

– Что вам угодно? Идет война. Я никого не пущаю!

– Откройте. Я вас умоляю. Со мною двое маленьких детей. Мы еле ушли из-под бомбежки. Мне надо помочь детям. Родители их, наверно, погибли...

– Боже, что же творится на свете? К чему все это?..

Открылась скрипучая калитка, волоча грязь, давно опавшие, слипшиеся листья. Женщина в темноте оглядела пришельцев и без слов повела всех в маленькую, низенькую хату.

Умеющая располагать к себе, Даша быстро нашла общий язык с хозяйкой, которая оказалась казачкой, давно живущей в одиночестве. Муж умер десять лет назад, а единственный сын после окончания нефтяного института живет и работает на Крайнем Севере.

Хозяйка из своего скудного запаса сварила картошку, в чашечку положила квашеную капусту, нарезала несколько ломтиков домашнего каравая, заварила чай с травяным настоем от простуды. Накормив гостей, до утра присматривала за детьми, которые часто просыпались и испуганно плакали. Даша крепко заснула.

Рано утром всех разбудил шум техники, двигающейся по узким улочкам станицы. Когда все стихло, благодарная Даша, прощаясь, поведала о своем горе и сказала, что с детьми будет добираться в свое село. За ночь хозяйка, тетя Дуся, высушила детям одежду. На желание Даши отблагодарить ее обиделась, за кого, мол, вы принимаете старую казачку, наотрез отказалась взять деньги.

Передав Даше маленький сверток с пищей, она, прощаясь, сказала, чтобы в случае чего они возвращались. Даша, взяв за ручки детей, пошла к месту, на которое указала хозяйка, там раньше останавливался маршрутный автобус. Об автобусе, конечно же, не могло быть и речи.

В станице было тихо и пусто. Лишь через дорогу перебежали тощие собаки и кошки, оставшиеся без хозяев.

Шум... Из-за поворота выскочил темно-зеленый бронетранспортер и резко затормозил. Даша в испуге прижала к себе детей. Тревожно посмотрела на огромную машину. Резко открылся верхний люк и из него пружинящим прыжком, вытянувшись на руках, выскочил белобрысый высокий военный в шлеме. Даша заметила на погонах звезду, означавшую, что перед ней майор.

Легко спрыгнув с машины, он спросил без вступления:

– Куда вас везти?

Даша ответила, что сама не знает, куда ехать, куда деваться.

– Везде стреляют, убивают. Отвезите нас в любое чеченское село, где не стреляют.

Почувствовав в поведении майора внимание и желание помочь, Даша сказала, что детей она подобрала с перекрестка большой трассы.

– Там все погибли. Ваши вертолеты стреляют по беженцам, детям, старикам,

женщинам. Вот эти мальчики остались без родителей, и я решила забрать их в свое село.

Он не сказал ей ни слова. Взял в обе руки мальчиков, передал их через боковой люк в салон и помог Даше подняться в машину. До самого Грозного ни она, ни майор не обмолвились ни словом. Солдаты старались заговорить с ребятами, но они испуганно отвернулись и крепко держались за свою спасительницу. Повернувшись, майор заявил:

– Уважаемая, стреляют здесь везде. Но тебя и детей мы спасем. Вы как раз нужны нам. В городе остались дети, за ними нужен временный уход и женское внимание. В настоящее время нам очень нужна ваша помощь. Потом мы обязательно вас вывезем и постараемся помочь. Скоро мы доставим вас к месту.

Когда бронетранспортер свернул с трассы Ростов-Баку налево, Даша поняла, что машина следует в Грозный. В салоне боевой машины, задымленном удушающим запахом бензина и всякой воню, полностью забитом ящиками боевых снарядов и солдатами, выглядевшими юношами, было не повернуться. Даша прижала мальчиков к себе, успокаивая их, просила потерпеть еще немного, хотя сама не знала, как долго еще ехать, не представляла, что их ждет. Майор сидел впереди и о чем-то вел переговоры по рации. Добраться до него, спросить о чем-либо было невозможно. Мгновенно оглядев экипаж салона и утрамбованных солдат, она еле протиснулась с детьми к иллюминатору. Согнувшись почти в кольцо, она еле получила возможность увидеть, что делается в городе. Их машина шла на большой скорости. Уши гудели от шума обгоняющих и встречных военных машин.

Перед Дашей мелькала страшная картина. Дома в поселке Черноречье и далее до самого центра города были разрушены, зияли сквозными пробоинами стены зданий. Улицы были безлюдны.

«Если такая обстановка во всем городе, что же я смогу сделать с этими детьми», – погруженная в свои мысли, Даша думала, уставившись в иллюминатор, уже не замечая и не разглядывая, что там творится на улицах города. Мальчики заснули, их маленькие головки, поддерживаемые ее руками, тихо сопели, уткнувшись в ее бедра.

Вдруг машина остановилась. Последовала команда разгружаться. Солдаты через боковой люк машины выскочили один за другим. И пока Даша с мальчиками пробиралась к люку, солдаты уже стояли на улице в строю.

Майор попросил Дашу выйти. Сначала он сам взял на руки мальчиков, потом протянул руку ей. Она, не обращая внимания на протянутую руку, легко выпрыгнула из салона. Поправила свой очищенный от грязи и крови плащ, взяла за ручки мальчиков, тряпочную сумку со скудным пайком, что дала им в дорогу ассиновская казачка, и прошла в сторону подъезда, куда ее пригласил майор.

– Вот в этом доме, в подвале, находятся дети, за ними пока смотрят солдаты. Мы планируем их скоро вывезти в Моздок и оттуда в какой-нибудь российский город. У нас к вам просьба, помогите нам пока присмотреть за ними, а через три-четыре дня постараемся вас всех вывезти, – сказал майор.

У подъезда разрушенного дома стояли два молодых солдата с автоматами. Вокруг никого не было, кроме солдат и ее попутчиков.

– Куда вы нас привезли, где дети? – спросила Даша майора.

Стоящий у подъезда солдат показал, что дети находятся в подвале. Подъезд был разрушен, проход почти весь завален. Она требовательно попросила майора очистить проход к подъезду и в подвал. Сама прошла с солдатами и про себя подумала: «Надо взять себя в руки, помощи вряд ли дождешься в такой обстановке».

Продолжение следует.

¹Ва Везан Дела, орцах валахь! – О Всевышний, приди на помощь!

Ахмет Асхабов**Говорят...**

Говорят: «Своя рубашка ближе...»
Или скажем: «Моя хата с краю...»
Вам ведь тоже приходилось слышать
Часто эти изречения, знаю.

Знаю, что не вдруг они возникли –
«Дыма не бывает без огня».
Все же не хочу, чтоб мы привыкли
Прятаться за жалкие слова.

Прячут за расхожими словами
Трусость или черствость слабаки.
Но нельзя же всем быть слабаками –
Кто-то должен солью быть Земли!

Кто-то должен добиваться правды,
Быть опорой близким в тяжком горе.
Кто-то должен быть примером
слабым
Или с кем-то помириться в ссоре.

Быть кому-то суждено мишенью,
Вызывая на себя огонь.
Те, кто в «крайней хате»,
к сожаленью,
Лишь в «своей рубашке»
видят бронь!

Степь мне была...

Степь как страницы тетради была,
Да посох чабанский – вместо пера.
В пыли, на проселках,
писал я в стихах
О боли сердечной –
Кавказских горах.

То к жаркому полдню,
спустившись к реке
Овец напоить, я от них в стороне
Вновь острым сухим
концом тростника
Буквы чертил на той глади песка.

А утром, вернувшись
к твореньям своим,
Я не находил уж от них и следа –
Ветром сметало те знаки в пыли,
С песка их смывала речная вода.

То вьюжной зимою на белых
Снегах-сугробах стихи я писал,
Сжимая посох в озябших руках,
Как будто заботы иной и не знал.

Спустившись к речке,
где лед голубой,
Чабанским ножом, присев на берегу,
Усердно царапал строку за строкой,
Что в воспаленном рождались мозгу.

А вскоре метель там уже завывала,
И не было видно порою ни зги;
Стихи же на льду,
словно бы покрывалом,
Течением быстрым крыло реки...

Ах, сколько ж, Отчизна,
тебе посвящал
То в зной, то в заснеженной
вольной степи,
Я строк стихотворных –
кто б в них узнал
Излитые в буквах слезы тоски?!

У Кобды*

Красив весенний теплый вечер!
Как сон волшебный, он красив:
Зажглись в небесной люстре свечи,
Вода полощет косы ив.

Сиж у кромки тихой речки
И лепет слушаю струи,

В песок, нагретый будто в печке,
Зарывши босые ступни.

Напротив темной полосой
Рогоз, в Кобду зайдя по пояс,
Упруго шелестит листвою,
О чем-то сонно беспокоясь.

А дальше, выше полосы
Рогоза, в сумерках сереют
Мазар заброшенных горбы –
Их вид печаль на сердце сеет.

Побокую, с южной стороны,
Поселок маленький вдали
С названием звучным – Ново-донцы
– зажег призывные огни,

Раздался вольно у Кобды
Холма высокого в подножье –
Коль не было б иной мечты,
Так края не было б дорожке!

А рядом, за моей спиной,
Овечки сытые лежат,
И два лохматых пса, покою
Служа отары, чутко бдят.

Сгустились сумерки, и ночь
Укрыла землю под крылом.
Весь мир уснул, а мне невмочь:
Струя лепечет о былом!

Этот вечер...

Мальсагову Г.

Этот вечер ненастный, дождливый
Нас под крышей твоею собрал –
Чтоб развеять настрой
наш тоскливый,
Суету, от которой устал.

Дождь по крыше стучит торопливо,
Ты радушно зовешь нас к столу,
Мокрой тенью, сгущаясь, пугливо
Ночь застыла, прильнувши к окну.

И теперь за столом мы, вкушая,
Продолжаем беседу свою.
Знаю, каждый душой отдыхает
В этом дружески теплом кругу.

Я с любовью гляжу в эти лица
Детством спаянных вместе друзей:
Плохо верится, что уж не снится
То, что снилось мне много ночей!

Неужели ж взаправду я к другу
Заглянул наяву – не во сне?
Ох, как я ненавижу разлуку,
Что на годы разводит друзей!

Раскидала судьба молодыми –
Чтоб свести, убелив сединой...
Ах, как рад я, что все мы живыми
Возвратились с чужбины домой!

Точит мысль лишь одна многократно
И палит крылья нашей мечты –
Путь земной завершив, невозвратно
Человек каждый должен уйти!

Потому дорожу я часами
(признаю в том великую честь),
Когда я со своими друзьями –
Это благо великое есть!

*Кобда – речка в Казахстане.

Муса Ахмадов**Острова**

День клонится к закату. Зной уплотнился, затрудняя дыхание. Хотя небо и затянуто облаками, белыми и темными, не чувствуется, что в ближайшее время будет дождь.

С десятого этажа дома просматривается большая часть города: разноцветные крыши – красные, розовые, темно-зеленые, синие; дороги и снующие по ним люди и машины.

Стоящему на пороге пятидесятилетия Маде белые облака навевают воспоминания о своем детстве и юности, о современном ауле, окруженном лесами, густеющими, покрываясь молодой листвой. Горные хребты. Покрытые этими лесами горные кряжи, рассекаемые глубокими ущельями. Бегущие по ним родники, которые в дожди вспениваются косматыми драконьими гривами потоков...

У Замы, работающей с Мадой в одном кабинете, не было такого аула детства. Она родилась в городе и выросла в нем. Она видела свой город гибнущим и воскресающим. Нет, не воскресающим видела. Нет, невозможно воскресить убитый город и убитые воспоминания... Она видела, как строили новый, не похожий на прежний, новый город. Многого повидала она, несмотря на свою молодость. И все же она вольней заводит новые связи, чем он. А он, Мада, опутан связями, как паутиной. Местами висят обрывки старых связей, как обрывки паутины, ноющие.

Ему хочется отвлечься от них разговорами с Замой. Зама и он слишком разные: у девушки – мечты, а у него – воспоминания. Он боится, что волна его воспоминаний разрушит когда-нибудь башни ее мечтаний.

Он много рассказывает Заме о своем ауле детства, о своей семье, о яствах, которые готовила им мать в детстве, как они ели это летом под навесом, за круглым столиком, а зимой – в доме, рассаживаясь на паднаре¹, о том, как он ходил с матерью на водяную мельницу молотить кукурузу и там мельник угостил его приготовленной им лепешкой из только что смолотого кукурузного толокна, замешанного на воде; и о том, как, повзрослев, он ходил на белхи² по развешиванию табака на просушку, о девичьих песнях там до рассвета короткими летними ночами.

О чем бы он ни рассказывал – о стариках своего аула, об их отношениях друг с другом, с детьми, с молодежью, их шутках, нравах, поучениях, о различных историях, рассказываемых односельчанами – обо всем участливо слушает Зама, она искренне завидует той жизни... Лет двадцать-двадцать пять назад, когда он окончил институт в городе, у него у самого тоже были такие мысли: жить в чудесном деревянном доме, построенном дедом по отцу, ложась спать с сумерками и вставая вместе с птицами, начинающими петь на заре. Но у мечты бывает свой путь, а у реальной жизни – свой, и они никогда не сходятся. Она-то не понимает этого. Мечты тоже нужны тебе, как виднеющийся в море далекий остров. Твои мысли, постоянно манящие тебя, ставшие вечно манящим тебя сиянием...

Он часто говорит девушке:

– Главное в жизни – это жизнь, а не работа, не разговоры, не мысли.

Девушка не отвечает ему, она стоит молча и улыбается.

Пока их встречи устраивали обоих: они давали силу душе Мады, измотанной невзгодами и предательствами, надежда Замы, полная мечты, ее вера в жизнь приносили облегчение его сердцу, а его знание жизни, выдержка держали молодые мысли девушки в одном русле.

В последнее время у них установился такой порядок: почти до конца рабочего дня они вели беседы, где слов было мало, а смысла много, с чаепитием черного чая, потом зеленого, затем – на сухофруктах... иногда – кофе... Потом воцарялась тишина, нарушаемая лишь черканием их пишущих ручек. Но эта тишина не была безмолвной, она была наполнена их мыслями, потому эта тишина не могла кануть в холодное безмолвие никогда.

Потом они вдвоем шли в центр города. У них был один путь – проходящий через рынок к фонтану перед Чеченским театром... Потом они стояли у этого фонтана, как стояли когда-то юноши и девушки из чеченских аулов у родников.

Однажды Мада и сказал Заме, что в Городе нет родников, чтобы возле них могла собираться молодежь, поэтому им бы стоило собираться у фонтана... «Мы с тобой заложили эту традицию», – сказала Зама, подставив руку под струю фонтана.

«Пусть будет так, если наше начинание поддержит молодежь», – сказал Мада, проведя охлажденной водой рукой по лицу.

...Стоя у окна десятиэтажного дома, Зама говорит:

– Сегодня мы не идем пешком...

– Почему?

– Сегодня солнце слишком жаркое. Я загорю.

– Ты не можешь загореть сильнее, – шутит Мада, улыбаясь.

Он говорит это, потому что Зама смуглая. Потом сожалеет, что сказал: девушка принимает близко к сердцу даже малое, особенно если это касается ее внешности, к тому же и его улыбка своеобразная, и без слов задевающая некоторых людей. Заме, напротив, нравится его улыбка, она говорит, что это улыбка, показывающая своеобразный характер – шутливый и добродушный. Добродушно-ироничная усмешка. Также, как и Заме, его добродушно-ироничная улыбка понравилась и одной женщине, когда он был на семинаре психологов в Кисловодске (в те времена ему, лишенному войной родного гнезда, пришлось скитаться и осваивать новые профессии – от этнопсихолога до ландшафтного дизайнера). Она была по национальности кореянка, кандидат психологических наук, звали ее Нелля, по фамилии Ким. Она удивилась, узнав, что у него трое детей:

– Как же ты собираешься их поднимать?

– Аллах повелел слишком не печалиться о будущем детей, Он сам дает им пропитание.

– Неужели так и написано в Коране? – удивлялась эта тонкая женщина.

– Не смогу привести цитату, как есть, но сказано приблизительно в таком смысле.

– Знала бы об этом, не стала бы нянчиться с одним сыном, – сказала женщина.

«Шутит она или всерьез говорит?» – подумал Мада, взглянув на нее, и не увидел в ее глазах ни искорки смеха, напротив, они были задумчивы, с видимым сожалением о прошедших годах.

Быстро прошли дни семинара, с состязаниями в красноречии каждого, с понравившимся Нелли юмором Мады. Когда настал день расставания, Нелля взяла его блокнот и, записав свой московский адрес и номер телефона, сказала: «Будешь в Москве – позвони»...

После этого не раз бывал в Москве. Но звонить не стал – он не считал, что у него столько времени осталось, чтобы тратить его на безрезультатные связи.

Обрывая свои мысли, он вновь обращается к Заме.

Зама улыбается в ответ.

– Выпьем чаю? – предлагает она.

– Конечно.

– Черного? Зеленого? Китайского?

– Зеленого...

Зама разливает чай – сначала ему, потом себе.

Потом они сидят молча, отпивая чаю.

– От зеленого чая ничего не бывает, – Мада наконец нарушает тишину.

– Что ты имеешь в виду?..

– Солнечный загар не притягивает... – улыбается Мада.

Зама заливается смехом.

– В этих словах весь твой характер, – говорит она сквозь смех.

– Какой?

– Умение добиться своего с юмором, не обижая человека.

– Ну, так тому и быть.

– Как же не быть, если ты так метко сказал.

- Раз так, как только допьём этот стакан чаю...
- Если хочешь, и не допивая пойдём...
- Нет-нет, чай обидится, если его оставить недопитым...
- Как же может чай обидеться? Это же кипяченая вода...
- Вода... А ты знаешь, какое сильное сознание у воды? Она сейчас впитывает наш разговор... Мы с тобой говорим о хорошем, поэтому и чай, который мы пьем в этой комнате, вкусный... говорили бы о дурном – был бы другим...
- Поэтому ставят воду в круг на мовладе³?
- В моем детстве ставили воду подслащенной, в большой чаше; теперь – соки в бутылках, коробках... Открытая вода лучше примет оказываемое на нее влияние.
- Теперь я тоже всегда буду ставить воду в чаше. Я об этом и не задумывалась прежде.
- Что там вода, даже лепешка плакала, умоляя не готовить ее с галушками.
- От чего?
- Потому что, когда ее делают вместе с галушками, о ней забывают и она подгорает в очаге.
- Как это забавно, я и не слышала об этом, – Зама берет кружки и идет их мыть.

Мада снова идет к окну, наблюдает сверху из окна за городом. Если они с Замой не зря трудятся, если руководство поддержит, пустыри города и его окраины украсятся красочными цветами... И тогда не будет нигде заброшенных, заросших бурьяном мест, и воздух будет насыщен душистым ароматом цветов.

Выйдя из этого дома, они идут мимо рынка, сквозь взор стоящих и движущихся там людей, которые наблюдают за ними. Особенно начинают сиять глаза таксистов, весь день озабоченных ожиданием клиентов, иные и сигналият. А им и дела не было до них, они говорили о своей работе или молчали.

Они шли сквозь сияние предзакатного солнца сквозь уплотнившийся зной.

Зама раскрывает над собой голубой зонт.

– У тебя и зонт, оказывается.

– Можно весь день ходить пешком и не бояться загореть, – улыбается Зама.

– «Зама, зама⁴, что ты такое, где, когда начался твой путь, где, когда он оборвется? Куда мчишься ты, зама?» – довольно громко декламирует Мада.

– Что? Как ты сказал? – останавливается Зама.

– Это цитата. Из произведения одного писателя.

– А-а, вон оно что!

– Да. Кто надумал назвать тебя этим именем – Зама?

– Отец. Разве тебе не нравится?

– Нравится... Но каждый раз это имя напоминает беспрерывно уходящее в небытие время, крадущее твои годы... Твое имя не позволит обольститься...

Обольститься жизнью...

– Выходит, тебе не нравится мое имя?

– Не то это... Слышала ты предание о том, что в старые времена у чеченских молодцев была одна забава – пускать своего коня во весь опор к пропасти и ставить его на дыбы у края... Чем ближе к краю – тем лучше... кто осадит ближе – тот считается победителем...

Иной наездник, не сумев вовремя осадить коня, срывался в пропасть...

Только заглянув в пропасть, познаешь цену равнины, долины...

Также твоё имя напоминает о сложности жизни, её конечности, поэтому становится острее вкус непрерывно уходящих дней... Еще сильнее любишь жизнь, еще дороже становится сердцу радость встреч с дорогими тебе людьми, – вдохновенно откровенничает Мада.

– А как же кони, которых пускают к обрыву?
– Они-то? А какое настроение будет у победителя, который остановит коня у края пропасти?.. У того, кто увидел опасность и победил? Такие радости приносят некоторые встречи...

– Ну, если так – то хорошо, – улыбается Зама.

– Эх, чуть не забыл... – Мада шарит в кармане, достает деньги, дает из них бумажную десятку женщине-попрошайке, сидящей в тени дерева на обочине тротуара.

Женщина-попрошайка бесцветна – и одеждой, и обликом. Она ничего не говорит (видимо, она и просить не умеет по-чеченски). У нее на руках картонка с такой надписью: «Помогите собрать деньги для лечения тяжелобольного сына».

Когда прошло полгода с тех пор, как эта женщина сидела с этой картонкой, Зама сказала:

– Пока она здесь сидит, с ее тяжелобольным сыном могло все что угодно случиться...

– Это она, возможно, написала, чтобы ей подавали, – сказал Мада. – И все же не наше дело копаться в этом. Нам только подать ей, сколько ни жалко.

С тех пор непрерывно Мада давал ей десятку, проходя каждый раз мимо нее. И сегодня он не нарушает этот обычай.

– Ты по ком подаешь эту милостыню? – спрашивает Зама.

– По многим... И по тебе тоже...

– Правда? – смеется Зама. Проезжающие рядом машины снова сигналият.

Затем они довольно долго идут молча. Перейдя дорогу, они доходят до городского сквера, усаженного разными деревьями и цветами. Городской сквер – это, считает Мада, по-чеченски будет «ирзо». В центре этого сквера есть фонтан, с бьющими вверх струями воды.

Они всегда останавливались у фонтана на несколько минут. Мада подставлял под струи фонтана сначала правую руку, потом левую. А Зама подставляла только одну правую руку.

И сегодня они также стоят у фонтана. Мада мочит обе руки, Зама – одну.

– Почему ты мочишь обе руки? Что это означает? – спрашивает Зама.

– Думаю, что и в отношении рук нужно соблюдать справедливость. Боюсь, что сухая рука может обидеться, – Мада говорит серьезно.

Зама тихо смеется, но шум фонтана заглушает ее смех.

– Какой же ты все-таки странный человек, – качает она головой.

В это время к ним подбегает какой-то седой человек. Несмотря на свой возраст, он бодр в движениях и разговоре.

– Давайте сфотографируемся... Я очень хорошо снимаю... День без фотографии – потерянный день, – не умолкает он, увиваясь вокруг них и наводя объектив.

– А с фотографией не пропадает разве день? – спрашивает Мада.

– Пропадает, но часть его остается на фотографии. И тогда, пройдет какое-то время, и вы, глядя на фотографию, вспомните сегодняшний день, – продолжает седой, не переставая искать подходящий ракурс для съемки.

– Ну, так снимай.

Они становятся спиной к фонтану.

– Улыбку! Снимаю! – в минуту заканчивает свое дело фотограф.

Смотрит на монитор своего фотоаппарата и добавляет:

– Очень хорошо вышло... Плохие снимки я и не делаю... Я через десять минут вернусь со снимками, пока вы тут беседуете, – убегает фотограф.

Присевшему на скамейку подождать его Маде вспоминается один маленький остров, зеленый остров среди черных волн.

На нем он посадил разные цветы. Были на нем не только цветы, произраставшие в Чечне, но и самые прекрасные из всех цветов, растущих на Земле. Он и сажал их на острове. И это было легко, потому что этот остров был в его воображении, в его сердце.

Он создал его в своих мыслях, чтобы никто не обнаружил его, чтобы защитить от всего плохого. Но, оказалось, в сердце проникали душевные волны других

людей. Однажды холодным зимним днем его остров поглотили волны этих черных мыслей.

Ему было очень тяжело перенести потерю.

Он не мучился в поисках причины этой утраты. Причина была налицо: судьба этого острова зависела не только от него одного. Зависела и от тех, кому он верил, как самому себе. А в их поступках он винил себя, так как за столько лет он не смог привить им любовь к тропе, проходящей по горным лугам, по лесам, привить любовь к тропе, через росные травы ведущую к родникам, низвергающимся со скал и разбивающимся о камни, чтобы они позабыли другие пути. Но волны черных вод сильны, а человеческие сердца – мягки... Виноват он сам, он сам, если столь близкие люди – такие.

Поэтому, не распространяясь, он сам переживает гибель своего острова цветов, света, беззвучно плача, когда затихают люди, омывая рану, которая образовалась на месте, где был остров. Это помогает заживить рану. И девушка по имени Зама помогает...

– Ты почему молчишь? – слышит Мада голос, прерывающий его размышления.

– А – а, задумался я... Зама, спасибо тебе, – говорит он.

– За что?

– За участие в моем проекте... Везде принимали мои соображения за сказки, не принимали всерьез. Какие же это сказки? Неужели такое непосильное дело – очищать от бурьяна городские пустыри и сажать на них цветы? Разные цветы?

– Нет, конечно, посильное дело... Мы посадим по краям площадей кусты: кизил, терновник, мушмулу, боярышник... – говорит Зама.

– Обязательно посадим, это обозначено на нашем проекте. Хорошо, что мы закончили его сегодня, в понедельник утром я пойду с ним к руководителю фирмы «Лебедь», узнать, что он скажет... Поэтому я чуть позже приду на работу...

– Хорошо...

– Фотографии очень хорошо вышли, очень красиво, – возвращается фотограф.

Мада с Замой некоторое время стоят, рассматривая снимки.

– Ты хорошо вышла, – говорит Мада.

– Нет, напротив, ты вышел хорошо... Не застывший... какой-то наполненный жизнью, – рассуждает Зама. – Белый цвет тебе к лицу.

– Ну, теперь я буду всегда носить белые рубашки.

Они расстаются на перекрестке. Зама идет к своему автобусу, Мада стоит, глядя ей вслед, снова ощущая боль потери своего острова, затопленного черными волнами. Тогда, когда это случилось, у него возникла мысль: строить в сердце острова, а потом видеть их потерю, оказалось болезненным делом, поэтому он будет их создавать не в сердце, а на земле. Сажая на земле настоящие цветы и кусты ягод (сажать кусты предложила Зама). Как хорошо, что он познакомился с ней. Слава Аллаху! Она, Зама, нашла первоначальный капитал и наняла офис в лучшем здании. И тогда люди стали считаться с его делом.

Мада смотрит вслед Заме, пока она не потерялось в людском рое.

Однажды, когда он смотрел в окно, Зама вдруг спросила:

– А красивый город Париж?

Мада не отвечал, и на какое-то время наступила тишина.

– А ты откуда знаешь, что я там был?

– А разве это секрет?

– Нет, но я тебе не говорил об этом...

– Я читала твое резюме.

– Да-а... Красивый, спрашиваешь, он?

– Да, Париж.

– Красивый? Красивый, но не такой, как ты думаешь. Когда приезжаешь, наконец, находишь хуже, чем в картинах своего воображения, своеобразие этого города не проявляется сразу, оно раскрывается по мере того, как ты понемногу знакомишься с ним...

– Скучаешь по этому городу?..

– Иногда... Скучаю. Там есть такие улицы. С маленькими кафе вдоль тротуаров. Я любил сидеть в одном таком маленьком кафе и пить кофе.

Действительно, из трех лет, проведенных во Франции, эти кафе остались у него в памяти... Что еще запомнилось... Площадь, где художники писали портреты... и собор, возвышавшийся в конце ее.

Яхты, стоявшие на Сене, и особенно путь, проделанный из Парижа в Ниццу, дорога, петляющая среди Альпийских гор. Тогда ему те места показались очень похожими на наши. Но одна особенность была у них: там не было ни одного уголка, не тронутого заботой человека, не прибранного, не ухоженного им, а наши места были дики, к тому же разрушенные, разоренные войной в последнее время. «Как же все-таки нужно было заботиться о своем крае, надо было украшать его», – возникла у него тогда мысль.

Не надо скитаться, как отбившаяся скотина, по чужой стране, отстроеной для себя людьми.

Надо обновлять свою землю, землю, на которой жили твои предки...» Тогда возникла идея освоить новую профессию – ландшафтного дизайнера, возникла мысль, и нашел курсы по обучению этому в Париже.

– В нашем городе тоже есть несколько кафе, похожих на парижские, – прервал свои мысли Мада.

– Где они?..

– Один на проспекте, «Бонжур» называется. Иногда хожу туда выпить кофе. Давай сходим туда в эту субботу, почувствуешь дальнее дуновение парижского духа. И выпьем французской «горечи»...

– Горечи я не хочу пить, а вот сладости бы выпила... – улыбается Зама.

– Кофе я так называю... А в остальном – время, проводимое нами вместе, не должно быть горьким. Так, значит, будем пить сладость...

– В субботу...

– В эту субботу? А-а... В эту субботу не могу, обещала приехать в село... – отвечает Зама.

В это время кто-то вошел, и разговор оборвался.

С этого дня их дневной распорядок несколько изменился.

Прогулки по городу стали редкостью. И его тоска по Парижу обострилась.

Однажды, это было в субботу, он шел по проспекту, собираясь посидеть в своем тихом кафе за чашкой кофе. Горечь-то всегда ощущалась в горле, не нужно было ее еще и пить. И все же... Подходя к кафе, он услышал какой-то знакомый смех. Неужели это Зама? Да. Он видит ее в профиль. Напротив нее сидит какой-то белокурый молодой человек в белой футболке с надписью «Голливуд». Он, смеясь, что-то показывал девушке на мониторе своего айпада (или айфона). Видимо, это была очень смешная картинка: Зама звонко смеялась. «Что бы ты делала, если бы я не показал тебе это кафе...» – пробормотал он. Затем, неизвестно почему, он вспомнил экскурсию по парижскому Лувру, как внимательно слушал идущего впереди гида. Он улыбается: «Да, я знакомил ее, Заму, с былой жизнью чеченцев, гид, видимо, был неплохой, она внимательно слушала».

Мада медленно отступил и ушел. Слонялся по улицам. Сходил в сквер, где они всегда останавливались. Просидел там на скамейке около часа. Потом ему захотелось сходить к берегу моря, который унес его остров. Как знать?..

В понедельник, около одиннадцати, запыхавшись, Мада залетает в кабинет.

– Зама, я поздравляю тебя, наш проект понравился руководителю фирмы «Лебедь»!

– Ты что это, совсем задыхаешься! – восклицает Зама, готовя чай. Она обычно не пьет чай, пока он не придет.

– Не дожидаясь лифта, поднялся, чтобы не задержаться с поздравлением... Ты понимаешь, наш проект приняли!.. И денег дают, сколько надо, меня посылают в Голландию за семенами разных цветов...

Зама молчит, взгляд у нее вопрошающий.

– Ты до моего приезда позаботься о саженцах кустарников. Я надолго не задержусь.

– Хорошо. Я поеду в аул моих предков, они там будут.
– Когда я вернусь, работы у нас будет много. Постарайся найти товарищей...
– Идет. В этой Голландии, кроме цветов, есть еще травы. Остерегайся, – говорит Зама с улыбкой, убирая локон с глаза.

– Если ты будешь помнить наши цветочные острова и другие, ничего не случится.

– Это нетрудно, – виновато, слабо улыбается Зама.

– И еще – не старайся быть островом в людском море. Станешь островом – легко поглотят черные волны. Правда, Джон Донн говорит, что человек не остров в море, человек – одна часть большой земли. Но человек может быть и островом, если он хочет. Но ты не будь. Судьбы островов жестоки. Из них несколько лежат в моем сердце мельничными жерновами...

Мада отпивает несколько глотков чая.

– Я не совсем понимаю, о чем ты говоришь. Но я подумаю об этом... хорошо, что ты рассказал об этом, будет, о чем поразмышлять мне до твоего возвращения.

– Какой вкусный чай, с добрыми словами готовила ты его, – Мада часто отпивает чаю.

– Ничего я не говорила, думала о хорошем. И мысли, наверное, впитывает вода, – какая-то странно молчаливая сегодня Зама.

Напившись чаю, Мада поднимается:

– Больше не могу задерживаться, мне нужно ехать в аэропорт... Возьми деньги... – он протягивает пачку денег.

Зама отшатывается от денег:

– Не нужно мне...

– Не тебе даю, для нашей работы... Потом надо будет составить отчет для руководителя фирмы «Лебедь» о том, на что потрачены средства.

– А-а, вот оно что.

– Да... Ну, я поехал. Счастливо оставаться... До свидания!

– Свободного пути! Счастливо доехать!

Когда он добрался до аэропорта, там заканчивался таможенный контроль пассажиров и багажа. Все прошло без значительных задержек. В самолете он разместился подальше от хвоста, в восьмом ряду. В задней части гул двигателей самолета бывает очень сильным. Правду говоря, при аварии самолета случается, что в хвостовой части выживает кто-нибудь. Ну, да ничего... Он согласен с Божьим промыслом, что бы ни случилось. Не таким привлекательным оказался этот мир, как казалось. Достаточно прошагал по земле. Но все-таки хотелось бы завершить начатое. Да и сердцу нейдет. Вопреки сознанию, оно начало закладывать новый остров. Он прикрывает глаза, возникает этот остров. Довольно большой он, уже зеленеет на нем трава, пестреют желтые, синие, белые цветы... Сидит какая-то девушка, зачерпывая ладонями и переливая воду из родников, бьющих на этом острове.

Впервые он почувствовал опасность для этого острова, когда она стала беспрерывно причитать ему у уха: «У нас все ради детей, а в этом краю, где все разворощено войной, могут существовать только крысы, мы должны уехать, как многие люди». Хотя он и крепился мыслью: «Я никогда не покину этот край, как бы трудно ни было, это земля, где жили мои предки, нигде такой больше нет», – его убеждение легко разрушили слова: «Ради детей»...

Когда тронулись в дорогу и худо-бедно доехали и разместились там, первое время прошло в эйфории желаний познать эту страну и людей, особенно понравилась ему архитектура, ласкали взор здания, не похожие друг на друга, городские скверы, парки, но по прошествии года в таком безделье его ошарашила обнаружившаяся тайна: если жить и дальше так, подрастающие дети оторвутся от своих корней, не будут знать, что такое дорогое, стыдное, станут потерянными поколением, поэтому надо ехать домой, как бы трудно ни было... Когда он обмолвился об этом с матерью детей, она и близко не допустила: «Где, где этот дом, не город, а мышиные гнезда. Меня устраивает, что эти дети не будут есть вареную фасоль и кукурузные лепешки, французский круассан не хуже их...» – «На эти городские улицы нельзя выпускать ребенка, разве ты не видела обнаженный стыд на картинках и таких же людей?..»

«Можно, если ходить по своей дороге и не паялить глаза, куда не нужно...» Он скажет одно слово, а она – десять в ответ, и такие перепалки бывали часто... И когда у них вышла очередная ссора, сосед вызвал полицию и суд постановил не подпускать его к своей семье, как семейного тирана ближе ста километров, ему ничего не осталось сделать, как вернуться домой. Вернулся не оттого, что согласился с этой несправедливостью, а пришлось временно отступить. Через месяц после возвращения, потом через три и снова через полгода он звонил ей, но ее телефон всегда был занят или «недоступен». По чеченским законам, дети должны были быть с ним, но в этой стране это считалось дикостью, были случаи отъема детей у родителей и помещения их в интернат. Ему кто-то и посоветовал радоваться, что хоть у матери оставили детей, потом он посоветовал ему, хотя они были знакомы всего два дня: «Если ты исполнишь, я подсказал бы тебе, что делать... Оставь эту женщину вместе со своими детьми... Очевидно, что она не отступится от своего... Дети, когда повзрослеют, приедут, если им нужен будет отец... Ты поезжай домой и свей себе новое гнездо...»

Посчитав его совет умным, он вернулся домой. Но напоследок он еще раз попытался поговорить с женой, но та не слушала его. Но он все же шептал: «Селима, Селима... если ты сделаешь это, если ты уйдешь с тремя детьми, остров моего спокойствия начнет уходить, сползет в жестокое море жизни... Если бы от этого тебе самой и детям стало лучше, я бы перенес потерю этого острова, отрезав частицу сердца, но не будет вам добра от этого. Тебя ждет разочарование и досада, оставь свои заблуждения, послушайся меня, ведь пока мы не приехали в этот чужой край, твоей жизненной колеей была моя воля, что же случилось теперь? Да, я виноват... Я не смог защитить твоё сознание от воров, они оказались очень умелыми и жестокими ворами... Они украли из твоего сознания наши рассветы, наши вечера, они украли даже воспоминания, оставшиеся о них...»

Но никто не слышал его шепот, остров исчез в морской дали, в тумане.

Сегодня, пролетая на высоте десяти тысяч метров, он прикрыл глаза, и ему явились и это море, и туман, и очень взгрустнулось по детям: как там они, занимается ли дочь живописью, сын какой язык выучил, «нашел ли ноги» младший?..

Достав из кармана телефон, он начинает торопливо нажимать на кнопки.

– Алло, алло... ты слышишь? – раздаётся голос жены. От неожиданности он теряет дар речи.

– Слышу, – наконец смог он ответить.

– Как хорошо, что ты позвонил...

– К чему ты это?

– Дети очень скучают, особенно старшая... Ты где?

– Я в самолете, лечу в Голландию.

– Когда прилетишь, позвони... Мы приедем...

– Хорошо, – связь обрывается.

Он прикрывает глаза. Но не успевает насладиться своими засиявшими мыслями – самолет сильно трянуло. Раздается сильный треск, словно возле уха ударила молния. Крики пассажиров... «Наш самолет попал в зону турбулентности, просим застегнуть ремни...»

Но не успело закончиться это радиосообщение, как посыпались с полок вещи, чемоданы. Шум, крики, плач... Свет гаснет.

Мада закрывает глаза и шепчет: «Великий Бог... Великий Бог...»

Внезапно светло-синее небо падает на землю, вместе с ним и большие белые облака, или это море с бело-зелеными островами?..

На одном из них заметны играющие дети. Потом все затихает, устанавливается какая-то странная тишина, ничего не слышно, кроме его шепота:

– Великий Бог, Великий Бог, Великий Бог...

Перевод с чеченского Исы ОКАРОВА.

¹Паднар – деревянный топчан.

²Белхи – коллективная взаимопомощь.

³Мовлад – религиозное песнопение, обряд.

⁴Зама – время.

Голоса друзей**Георгий Яропольский**

Родился в 1958 году в Новосибирске. Российский поэт и переводчик. Состоит в Союзе писателей России, Союзе «Мастера литературного перевода» и Клубе писателей Кавказа. Член редколлегии международного поэтического интернет-альманаха «45-я параллель». В 1981 году окончил английское отделение Кабардино-Балкарского государственного университета. Первые стихотворные публикации появились в 1976 году. В 1980 начал переводить основоположника балкарской поэзии Кязима Мечиева, а также современных кабардинских и балкарских авторов. Стихи, переводы и статьи печатались в журналах «Дружба народов», «Эльбрус», «Литературная Кабардино-Балкария», «Ковчег», «Дети Ра», «Фуцурум Арт», «Южная Звезда», «Зинзивер», «Эдита» (Германия), «День и Ночь», «Сибирские огни», «Крецатик», а также в «Литературной газете» и «Литературной России». Автор сборников стихов «Пролог», «Акт третий, сцена первая», «Реквием по столетию», «Сфера дымчатого стекла», «Я не тот человек», «Нечто большее», «Холмы Хлама», «Оборотень», а также стихотворного переложения Апокалипсиса (Откровения Иоанна Богослова). Перевел на русский язык более двадцати романов современных англоязычных писателей, в том числе такие произведения, как «Белый отель» и «Арарат» Д.М. Томаса, «Облачный атлас» Д. Митчелла, «Лондонские поля» М. Эмиса, «Влюбленный призрак» Дж. Кэрролла, «Носорог для Папы Римского» Л. Норфолка, «Прелестные создания» Т. Шевалье, «Дневники голодной акулы» С. Холла, «Рукопись, найденная в чемодане» М. Хелприна, «Кракен» Ч. Мьевеля и др.

Громоотвод

Накоплена душевная усталость
на кратком, но и тягостном пути.
ЗЧМТ*, зачем ты мне досталась?
Неужто чтоб коррекцию внести?

Спасибо, но вот этого – не надо!
Судьба моя, резвиться прекрати:
я и без травм круги земного ада
успел уже исправно обойти.

Тонул, горел, стоял под наглым дулом –
ну разве мало этого? Зачем
ЗЧМТ? Бутылкой били, стулом:
по-моему, достаточно проблем.

На пустыре, со всех сторон открытом,
в затылок угодить сумели мне
незнамо чем – видать, метеоритом...
Оплачены долги мои вполне!

Но вновь – в который раз –
тянусь за йодом,
и мысль ярится, муча и свербя:
я для других служу громоотводом –
а первым делом, ясно, для тебя.

Другой язык

Проклонулось окно
белесой синевой...
Что сказано давно,
то сделалось молвой.

Создав другой язык,
чей строй ни с чем не схож,
страницы древних книг
ты лишь переведешь.

Мечись, листай тома –
отыщется к утру:
Я не сойду с ума
и даже не умру.

Жизни мышья беготня

Дождь впотьмах буравит крышу,
шебуршит в шкафу скелет.
(Затаив дыханье, слышу
голоса, которых нет.)

Скрипнул стул, и стало стыдно:
нет здесь стульев, господа!
(Есть на свете город Тында,
я в нем не был никогда.)

Что зудишь, чего изволишь,
искрометный, аки тать?
(То ли светоч, то ли сволочь,
то ли слова не сыскать.)

Морлок

В будущем – свет или муть?
Страх или совесть?
Вздумалось мне заглянуть
в старую повесть.

Нет бы улечься в кровать –
в кресле угрелся...
Ох, не к добру задремать
в дебрях от Уэллса!

Остерегаясь берлог,
злблюсь в ознобе...
Лезет из шахты морлок –
засланный зомби!

Невозмогу требуху
жрать и помои?
Лезь, только знай: наверху
ждут не злои.

Нет здесь пушистых котят
под опахалом.
Лезь, и тебя угостят
свежим напалмом.

Ша, работяга тупой!
Под караоке
песенку, что ли, напой
нам о морлоке.

В зеркало прямо взгляни –
что, упоролся?

Ни просветленности, ни
трохи прононса.

Стоит ли вякать, морлок,
без аусвайса?
Есть у тебя уголок –
в нем и сховайся!

Воля, она не для всех,
holiness in it!
...Что, коль морлок, как на грех,
в штольне не сгинет?

Что, коль за козни воздаст,
терний не стерпит?
Сдуйся, британский фантаст,
гибельный Герберт!

Я пробуждаюсь в поту,
но поволока
тянет меня в темноту
взглядом морлока.

Фонарики

Сколь поверхность ни правь,
все влечет сердцевина.
Трудно верить в ту явь,
что насквозь очевидна.

Завтра – свойство семян,
а реальности трюки –
иллюзорный экран,
наведенные глюки.

Обращаясь к тебе,
я не чаял ответа,
но просветом в судьбе
отменяется вето.

Разве Тертуллиан
завещал нам такое?
Многомерный обман –
жить в любви и покое.

Словно Новый завет,
начертать на плакате –
симпатический свет
фонарей на закате.

Пасмурный запев

Средь золотой кутерьмы
кожного края
елку поставили мы,
в детство впадая.

Заполночь вышли во двор
для проверки –
темен был вышний простор,
лишь фейерверки.

Новое небо и днем
неблагоклонно.
Пятые сутки все ждем
антициклона.

Пасмурных дней череда –
словно ущелье.
Я просыпаюсь, когда
ночь на ущербе.

И невозбранно черна
лапой любою
ель в проеме окна –
наша с тобою.

Танатос

Лунный серп возбуждающе выгнут.
Это родичи: «хвоя» и «хвост».
Что-то видит задумчивый Зигмунд
в поездах и в мерцании звезд?

Проникая в запретное, Зигмунд
раздвигает, как занавес, ночь,
но сомнения скоро настигнут,
а сигары не смогут помочь.

Даже самые звонкие сгинут:
есть антракт у любых антраша.
«По ту сторону», – шлепает Зигмунд
на машинке, в бородке чеша.

Точка

Из тумана веревки свивая,
ветер кружит, отавой шурша.
Вторит ветру частица живая,
космос сжавшая в точку, – душа.

Точка ширится, точка безбрежна,
сразу всем плоскостям прилежа,
в то же время внимая прилежно
антуражу пути-миража.

Канет в нетях – назад не тяните:
своеволия не покорить.
Возвращается змеем на нити,
лишь поймет, что пора покурить.

Мысль изреченная

Ткань вещей до того любезна,
что их чуждость не вдруг видна.
Укрошенная светом бездна
не достигнет глазного дна.

Смыслы смутные ловит слово,
но оно и привносит свет:
лишь расплещется луч – и снова
мрака подлинной тайны нет.

Веселый лингвист

Лингвист веселый
вдруг во мне проснулся
и заявил: – Во сне мне объяснили:
«весна» и «осень» потому созвучны,
что в них один и тот же корень –
«сон».

«О» – значит, «возле»,
«около», «у края»,
а «ве» на самом деле лишь приставка
с добавленной для благозвучья
гласной
и значит то же, что и в слове «взлет».

– По-моему, ты бредишь, – я заметил. –
Скажи еще, что корень «сон»
и в «снеге»!

– Но так и есть!
под снег прекрасно спится! –
сказал лингвист веселый и уснул.

Попытка отречения

Ахи, вздохи, чернильная сырость, –
ты избыт, сочинительский вирус!
Не потянешь меня за язык.
Хоть я с прежним собою и вижусь,

но из собственных чайний вырос,
а живу – потому что привык.

Полно пялиться в небо пустое:
не отыщется в этом отстое
человеческих искренних чувств;
остаётся глумленье простое –
что ни яблочко, то налитое,
надо дорваться до уст.

Эй, гибискус, фиалка и кактус,
приобщаю вас к этому факту-с,
дым пуская в вас ночь напролет:
божеством остаётся лишь Бахус,
осознание этого – лакмус
(посинеет любой, кто поймет).

Жизнь сгорает быстрее, чем клубы.
Кто трубит в проржавевшие трубы?
Не берусь описать этот звук.
Я бы мог заговаривать зубы,
да к чему? Эти фокусы грубы,
кто бахвалится ловкостью рук?

До свиданья, счастливые дети,
тети, дяди, – тепло вам на свете:
вы и в shit различаете sheet,
ну а я разорвал ваши сети...
Но откуда же строки вот эти?!
Да и в горле немного першит.

Набор слов

Среди лубочных облаков,
чей облик ласковый так лаком,
крест самолетика готов
прикинуться небесным знаком.

Но там, я знаю, звон турбин,
раздолье праздным опасеньям.
...Лет в десять ездить я любил
в аэропорт по воскресеньям.

Тоска по странствиям прошла,
менять края неинтересно:
другие заняли дела
ребяческих стремлений место.

Не ведаю, как их назвать –
недосягаемые дали,
когда мои отец и мать
друг друга рядом не видали.

Дотянешься ли в ту же тишь,
а может, в ангельское пенье,
набором слов? ведь это лишь
еще одно стихотворенье.

Заморозок

К вишенному цветку
утром снег приник.
Зря картинку эту,
прикуси язык.

Плод возможный умер
до начала дней –
этот белый юмор
черного черней.

Так рассредоточен,
так рассеян страх:
не без червоточин
в наших небесах.

Прямая речь

Мне не по нраву сладкий морок
медоточивых многоточий,
глубокомыслие в которых
и выпренность, и пафос прочий.

Есть фальшь в отчаянье рыданий
и мление в громах молебна.
Уж лучше речь без придыханий,
но с хиной – горькое целебно.

Медное сердце

Медное солнце,
ветер, песок и жара.
Смерч пронесется
росчерком злого пера.

Знаю отныне:
слеп, кто не ведал беды.
Только в пустыне
кус познается воды.

Был я там, не был –
это не важно ничуть.
Выжженным небом
кажется мне моя грудь.

Медного сердца
свет беспощаден и зол.
Единоверца
я на земле не нашел.

Скудостью линий,
маревом душу свело.
Стало пустыней
то, что здесь прежде цвело.

Сам же и выжег –
так что, чего теперь ждешь?
Туч, кроме рыжих,
нет, и не сбудется дождь.

Медленно, мерно
копится тяжесть шагов.
Лягу, наверно,
я среди этих холмов.

Раненый лось

На башке нет волос,
а во рту нет зубов,
но, как раненый лось,
я бросаюсь в ljubov.

Мой последний рывок,
напряжение жил, –
чтобы знал Господь Бог,
для чего я здесь жил.

Чтобы даже скелет
помнил весь этот зной –
через полчища лет,
во Вселенной иной.

Перемена

Со смерти все и начинается.
Л. Н. Мартынов

«Меняются портреты тех, кто умер», –
раскормленные знахарки твердят.
Трагедией вернулся черный юмор?
Нет, это проясняется наш взгляд.

Иные смыслы видеть надоумил,
когда ушел – за грань, за строки, за...
Закрыв глаза – давая знать, что умер, –
поэт всем остальным открыл глаза.

Дурная привычка

Дурная привычка: при свете
над ворохом книг засыпать.
Пусть яркие полости эти
заполнятся дегтем опять.

Коль примесь меда (you promise!)
пахнет из клубящихся лет –
смолчу, с головою укроюсь:
все сходит – и с рук, и на нет.

Что будет – прибавка ли, вычет, –
когда перережется нить?
Дурнее всех прочих привычек –
привычка настырная жить.

* ЗЧМТ – закрытая черепно-мозговая травма.

Адам Ахматукаев

«Каспий – море дружбы»

Предтеча

В сентябре 2014 года, в дни подготовки и проведения четвертого саммита прикаспийских государств с участием глав России, Казахстана, Азербайджана, Ирана и Туркменистана, я находился по личным делам в городе Астрахань, и вместе с горожанами и гостями областного центра испытывал некоторые неудобства, объяснимые необходимостью обеспечения безопасности мероприятия такого высокого уровня. Тогда я и предположить не мог, что достигаемые политиками экономические договоренности по Каспию создадут благоприятную основу для начала нового витка культурных взаимоотношений между названными странами. И уж тем более не допускал мысли, что в этом будет и мое личное участие.

Но случилось так, что спустя неполных восемь месяцев в культурном пространстве явился миру Форум литератур стран и территорий Прикаспия «Каспий – море дружбы», участником которого довелось стать и мне.

День первый

Форум, организованный Астраханским региональным отделением Союза писателей России при поддержке Министерства культуры и туризма Астраханской области, начал работу 19 мая текущего года и собрал в здании Астраханского государственного театра оперы и балета более 30 писателей из упомянутых прикаспийских государств и регионов России: Дагестана, Калмыкии, Чечни и Астраханской области. Гости мероприятия были такие известные московские литераторы, как главный редактор «Литературной газеты», член Совета по культуре при Президенте России Юрий Михайлович Поляков, главный редактор журнала «Дружба народов» Александр Луарсабович Эбаноидзе, а также представитель соучредителя форума – наряду с Администрацией Астраханской области – заместитель председателя Ассамблеи народов России Круговых Игорь Эрикович.

Перед началом форума и во время перерывов его участники имели возможность ознакомиться с книжной выставкой «Дай морю петь, волнам его не вторя» из фондов Областной научной библиотеки имени Н.К.Крупской, сотрудники которой дополнительно исполняли и организаторские функции на форуме, начиная от встречи и размещения и заканчивая проводами. По наблюдениям участников, они установили с нами телефонную связь еще до нашего прибытия в Астрахань и были первыми, кто встречал и располагал к себе своим добродушием. Это директор библиотеки Ганина Светлана Геннадиевна, заместитель директора Усихина Нелля Растямовна, начальник ОК Шаинова Наталья Алишановна, главный эксперт ИМЦ Голованова Елена Владимировна, заведующая сектором контрольно-организационной работы Абольянина Юлия Васильевна и специалист по кадрам Монастырская Светлана Александровна.

С приветственными речами к участникам форума обратились Глава Думы Астраханской области Александр Борисович Клыкканов, заместитель председателя Правительства Астраханской области по социальной политике, министр культуры и туризма Галина Александровна Зотеева, заместитель

министра культуры и туризма Астраханской области Татьяна Ивановна Бондарева и заместитель председателя Ассамблеи народов России Круговых Игорь Эрикович.

Председатель Астраханского регионального отделения Союза писателей России Юрий Николаевич Щербаков вкратце обрисовал задачи, которые привели к созыву форума, вспомнил, как, где и когда появилась задумка провести его в Астрахани. Этим он поделился и с читателями сборника «Дружба литератур – дружба народов», составленного из статей, стихов и переводов участников форума, выпущенного Издательским домом «Литературная газета» и презентованного здесь же: «Идея об организации мероприятия, проводимого Астраханским региональным отделением Союза писателей России при поддержке Министерства культуры и туризма Астраханской области, родилась в

Ахматукаев Адам с коллегами-писателями из Ирана.

феврале 2014 года, когда впервые в постсоветское время в Астрахани проходили Дни дагестанской литературы. Мы с председателем Союза писателей Дагестана Магомедом Ахмедовым обратились тогда с таким предложением к губернатору Астраханской области А.А.Жилкину. Он поддержал инициативу, и теперь Форум литератур стран и территорий Прикаспия с добрым именем «Каспий – море дружбы», надеюсь, станет одним из главных событий Года литературы в регионе. Как, впрочем, и для писателей Казахстана, Азербайджана, Туркмении, Ирана, Дагестана, Калмыкии, Чечни».

Несомненно, станет, потому что вынесенные на форум проблемы диалога, «симфонии культур», как выразился главный редактор «Литературной газеты» Юрий Поляков, имеют в сегодняшних условиях краеугольное значение. Обеспокоенностью состоянием литературы, как составной части культуры, было пронизано выступление Александра Эбаноидзе. «Нам надо через талантливую литературу знать друг друга, через замечательно переведенные тексты писателей той или иной национальности», – сказал главный редактор журнала «Дружба народов».

О накопленном опыте литературной работы (в том числе – переводческой), о своем видении путей объединения во благо общего литературного будущего

представляемых стран и территорий делились: казахстанцы Бекет Карашин (поэт, прозаик, публицист), Светлана Ананьева (сотрудник института литературы и искусства им. Мухтара Ауэзова) и Улдуз Аждар (прозаик, публицист), иранцы Мехди Гезели (генеральный директор Фонда иранской поэзии и прозы), Джавад Мохакек (поэт, прозаик, публицист), Реза Амирхани (писатель) и Махаммадреза Байрами (писатель), дагестанцы Анварбек Култаев (поэт, прозаик, публицист, секретарь правления Союза писателей Республики Дагестан) и Сувайнат Исрафилова (поэтесса, секретарь Союза писателей Республики Дагестан), туркменские поэты Акмурат Реджепов и Оразгулы Аннаев, калмыки Николай Санджиев (председатель Союза писателей Республики Калмыкия, поэт, министр культуры Республики Калмыкия) и Василий Чонгонов (поэт, переводчик), а также единолично представлявшие на форуме свои республики Алина Талыбова (поэтесса, заместитель редактора журнала «Литературный Азербайджан») и автор этих строк от Чеченской Республики.

В рамках форума прошло вручение областной литературной премии за 2014 год – премии имени В.К.Третьяковского, уроженца астраханской земли, поэта и теоретика литературы, одного из основателей русского классицизма. Обладателем премии стал главный редактор «Литературной газеты», писатель Юрий Поляков за роман «Гипсовый трубач».

Были также подведены итоги областного конкурса литературных переводов произведений с языков отдельных прикаспийских народов: казахского, азербайджанского, татарского, аварского, калмыцкого. Конкурс проводился в области впервые и с участием в нем более сотни авторов. Для художественных переводов были использованы стихотворные тексты как классиков, так и современников.

Стержневым пунктом повестки форума, как и ожидалось, явилась научно-творческая конференция по актуальной теме, особенно значимой для национальных литератур: «Художественный перевод как средство укрепления и развития межнациональных отношений, взаимообогащения культур народов России, государств и территорий Прикаспия. Различные аспекты культурного сотрудничества и взаимодействия общественности стран и территорий Прикаспия».

По обозначенной проблеме выступили все участники форума, предложения и пожелания которых легли в основу принятой Резолюции форума, согласно которой ожидается создание в Астрахани Центра литературного перевода, призванного координировать работу по переводам художественных произведений с языков народов Прикаспия на русский язык и с русского – на языки других народов. А также есть надежда, что областной конкурс литературных переводов «Каспий – море дружбы» приобретет статус международного.

В заключении первого дня форума писатели приняли участие в организованном для них литературно-музыкальном вечере «Дружба литератур – дружба народов». Со сцены театра поочередно звучали музыкальные номера в исполнении астраханских артистов, а также поэтические произведения гостей, декламируемые самими авторами.

День второй

Свободная – в смысле нестрогости – форма одежды, в которой писатели вышли к автобусу утром следующего дня, наводила на приятную мысль о том, что официальная часть скорее свершилась, чем завершилась. Далее предстояло «паломничество» по туристическому маршруту «Наследие Курмангазы» – в

мавзолее и музей имени казахского народного музыканта, композитора, автора пьес для домбры Курмангазы Сагырбаева. В Региональном культурном центре, носящем его имя, нас встретили традиционным хлебом-солью и казахскими баурсаками. Рассказали о жизненном пути легендарного Курмангазы. Угощали традиционными казахскими блюдами, а творческие коллективы Центра показали свои лучшие концертные номера.

Между тем

В рамках форума состоялась также презентация книги «Пусть дерево стоит», значимость которой угадывается по тексту аннотации: «В новой книге известного российского поэта и переводчика Юрия Щербакова собраны лучшие его переложения со многих языков народов России и стран СНГ. Творчество многих национальных поэтов стало достоянием широкого круга русскоязычных читателей благодаря высокому мастерству астраханского литератора, лауреата многих международных и общероссийских премий и конкурсов. Автор убежден, что долг современного русского писателя в следовании завету Ф.М.Достоевского: «Наше назначение – быть другом народов». Поэтому название книги – «Пусть дерево стоит» – глубоко символично. Пусть стоит и крепнет дерево дружбы народов и литератур, корни которого в нашем общем прошлом и общем будущем!» Книга «Пусть дерево стоит» – это своего рода антология, составленная из стихотворений 55 авторов, переведенных Щербаковым на русский язык с 20 языков. Особенно приятно, что вместе со мной в книге представлен и наш безвременно ушедший в мир иной талантливейший поэт Ибрагим Юсупов, который открылся переводчику по подстрочникам его стихов, приведенных в одной из статей о нем.

Примечательно также, что, предоставляя мне слово, Юрий Щербаков представил меня не только как соавтора этого сборника, но и как автора названия книги. Рассказал историю нашего – виртуального – знакомства, подчеркнув, что «вживую» мы познакомимся только сегодня. Поделится откровениями о том, что нашел мое стихотворение с таким названием очень символичным, подходящим по смыслу целям нашего форума. Без ложной скромности признаюсь, что это вызвало интерес к моей персоне, а я испытывал в эти минуты приятные ощущения не столько за себя лично, сколько за республику, которую представлял. Тем более, что в своем выступлении я собирался обратить внимание писателей (как и сделал!) на имеющие место быть нездоровые помыслы некоторых новоявленных писателей, спекулирующих темой прошедших на территории Чеченской Республики войн и по-детски малюющих портреты моих соплеменников в образе набившего оскомину потенциально опасного «злого чечена», не задумываясь о том, что к прошлому надо относиться как к невозвратному историческому факту, а дальнейшие взаимоотношения между нациями и народами строить с прицелом на единение. Кем бы ни был поджигатель общего дома, бесперспективно терять время в поисках виноватого, злорадствовать и перекладывать проблему тушения пожара на его плечи, так как беда и горе в таком случае общие у всех, кто живет под одной крышей.

Когда в кулуарах отдельные писатели подходили, благодарили и признавались, что после моего выступления по-новому открыли для себя Чечню, было приятное ощущение осознания того, что сотворил чуточку добра.

Переключившись на тему художественного перевода, отметил, что эта проблема всегда волновала и продолжает волновать и чеченских писателей. Напомнил, что с 30-х годов XX-го века на чеченский язык переводились произведения классиков и современников мировой и советской литературы.

Связывая тему войны и переводов, рассказал о М.Ю. Лермонтове как об участнике Кавказской войны, ставшем со временем для чеченцев своим Человеком. Рассказал об издании в Грозном к 200-летию поэта сборника его избранных произведений на чеченском языке, над которым не хуже старших поработали и молодые чеченские писатели. Поведал о том, что и мы когда-то посылали в Литературный институт имени Горького будущих переводчиков, но после этого произошло много непредвиденного. Что наш литературный журнал «Вайнах» после военных событий вводил и определенное время регулярно вел у себя рубрику «Школа переводчика», но на голом энтузиазме поэтов-патриотов у нее не могло быть шансов на долгожитие, хотя переводы журнал и теперь печатает периодически. Что был у нас и свой журнал переводов «Гоч», где печатались произведения иностранных писателей, переведенные на чеченский язык с подстрочника оригинала.

Из личного опыта рассказал о нашем совместном с московским поэтом Юрием Гладкевичем проекте взаимных переводов стихов на военную тему, реализованном в книге под общим названием «Опыт общей беды», выпущенной в Грозном в 2010 году. Сообщил также, что к началу форума Союз писателей Чеченской Республики организовал материал, вышедший в республиканской газете «Даймохк» в день открытия форума, и прочитал из него одно стихотворение Юрия Щербакова в своем переводе на чеченский язык (когда бы еще стены Астраханского государственного театра оперы и балета слышали чеченскую речь!).

А история установления творческих связей с Юрием Щербаковым, о которой он поведал, предвоя мое выступление на форуме, была в следующем. После множества устных и письменных выступлений по переводческой проблеме, некоторое время назад я разместил отдельные свои подстрочники на страницах известного, но, как оказалось, не защищенного от графоманов и плагиаторов социального сайта «Стихи.Ру». Дело в том, что среди очень порядочных авторов на этом сайте промышляют и нечистые на руку люди, именующие себя тоже писателями. Они отвлекают, одаривая тебя «рецензиями» типа «ой, ах, жесь, как зацепило!», заывают на свои страницы или назойливо напрашиваются в переводчики, не внимая деликатным замечаниям по существу их неоднократных неудачных попыток перевода.

Но слава богу, что порядочных – больше. И я рад, что среди настоящих поэтов и переводчиков, с кем меня связал творческими узами Интернет, есть и Юрий Николаевич Щербаков, который в ходе электронной переписки часто повторял мысль о том, что литературные связи надо вывести из формата шапочного знакомства на более высокий, представительный уровень. Прошедший форум показал, что это удалось. И нет сомнений в перспективности сказанного им при подведении итогов форума: «То, как прошел форум – целеустремленно, заинтересованно, оптимистично, можно сказать, на одном дыхании – яркое свидетельство искренней тяги писателей разных стран и народов к объединению усилий в процессе интеграции, взаимообогащения культур Прикаспийских государств и территорий. Творческие связи между литераторами, зародившиеся в Астрахани, получают самое широкое развитие и найдут отражение в совместных издательских и просветительских проектах».

Лидия Довлеткиреева

Гендерный аспект чеченских пословиц

Поводом и материалом для этих размышлений стал «Словарь чеченских пословиц о женщинах на чеченском, русском и немецком языках», составленный докторантом Берлинского университета им. Гумбольдта Мадиной Салажиевой. В нем собрано около 1100 чеченских пословиц о женщине или на другую тему, но с гендерным метафорическим акцентом – с переводами и аналогами на русском и немецком языках. Пословицы чеченцев и ранее выходили как отдельными изданиями, так и в фольклорных сборниках: работу над пословичным фондом осуществляли в разное время Ю. Айдаев, И. Алироев, Ч.Ахриев, И.Бартоломей, Х.-А. Берсанов, В. Былов, Ш. Джамбеков, А.Г. Мациев, А. Нажаев и др. Однако, как справедливо отмечает М. Салажиева, «женская проблематика жанра еще не ставилась» [2:7]. Данный труд, несомненно, внесет достойный вклад в развитие чеченского языка и культуры. Систематизированный в нем корпус пословиц послужит хорошей базой для различного рода исследований, в том числе сопоставительного плана, в области этнологии, этнолингвистики, фольклористики, культурологии, этнопсихологии, литературоведения как в чеченской, так и в русской и немецкой научных школах.

Книга расширяет границы понимания и возможности осмысления интегральных и дифференциальных свойств чеченской, русской и немецкой ментальностей. Она представляет интерес для всех, кто небезразличен к чеченской культуре в самой республике, в многоязыкой России и в Германии. Ведь пословицы и поговорки, входя во фразеологическую систему языка, несут в себе исторический и духовный опыт народа, его культурные традиции, посредством сложных концептов в форме образов отражают лингвистическую картину мира.

К примеру, забавный образ заносчивой лепешки – «Кураялла локхам буьйда йисина» – при дословном переводе («Возгордившаяся лепешка осталась сырой») может быть истолкован так, будто речь идет о человеке, который ходит, задрав нос, и в результате остается с носом. Однако каждому чеченцу понятно, что употребляется эта пословица чаще по отношению к высокомерной девушке, которая в итоге не выходит замуж.

«Во фразеологизмах отражаются национально обусловленные стереотипы восприятия окружающей действительности. <...> картины мира различных народов могут совпадать в каких-то своих фрагментах, отражая либо общность человеческого мышления, либо культурное взаимодействие народов, либо общие источники происхождения» [1:216, 217]. Именно этим фактом объясняется возможность подбора аналогов из русского и немецкого языков, которую осуществил составитель.

Зачастую содержание образа может быть понято путем прямого перевода или приведения аналогичного выражения из другого языка, иногда требуется дополнительный комментарий. Это связано с тем, что пословицы передают национальные стереотипы восприятия окружающего мира. «Эталоны могут совпадать в разных языках, но чаще в них проявляется национальное своеобразие. <...> Законы мышления народов отличаются универсальностью, притом что образное видение мира разными народами является национально специфичным» [1:216, 219].

Так, значение «очень похожи» в русском, украинском, болгарском, французском и некоторых других языках передается фразеологизмом «как две капли воды», по-белорусски говорят «они, как выплюнутые», немцы, чехи и чеченцы используют сравнение «как два яйца», в финском языке встречается аналог «как две ягоды», японцы называют идентичность «двумя половинками дыни», для корейцев одинаковость выглядит, «как две палочки» и т.д.

Поэтому недостаточно хорошо владеть языками для осуществления правильного перевода или подбора эквивалента, но необходимо проникнуться ими на ментально-сенсорном уровне.

Полные «близнецы» чеченских пословиц, когда совпадает и лексический ряд, и семантическая нагрузка, встречаются редко. В основном, это кальки, типа: «Майра – корта, зуда – ворта». – «Муж – голова, жена – шея». Или: «Со а воуш суна зуда ялийна». – «Без меня меня женили».

В большинстве случаев удается найти идентичные по смыслу русские и немецкие пословицы: «Бутт баллац, говр ма хестае, шо даллац, нус ма хестае». – «Не хвались женитьбой третьего дня, а хвались третьего года». – «Lobe den Tag nicht vor dem Abend». Или: «Ненан оьг1азло, ло санна, ешаш ю». – «Магушкин гнев, что весенний снег: и много его выпадает, да скоро растает». – «Der Eltern Fluch klebet gern». – «Mutterhand schlagt keine Beulen».

Порой подобрать аналог чеченской пословицы не удастся либо потому, что его вовсе нет, либо значение настолько спрятано за вуалью народной психологии, что не представляется возможным провести параллель с иной культурной традицией. Такие пословицы в наибольшей степени транслируют своеобразие чеченского мировоззрения.

«К1ант вина нана – мехкан йовхо ю». – Букв.: «Мать, родившая сына, – тепло Родины».

«Зудчо, лоруш верг, – лулахой лору; лулахой, лоруш верг, – юьрто лору; юьрто, лоруш верг, – махко а лору». – Букв.: «Если уважает жена – уважают соседи, уважают соседи – уважает село, уважает село – уважает вся страна».

«Йьо1ан мах цо ша хадийнарг бу». – Букв.: «Девушка сама определяет себе цену».

В некоторых пословицах, приведенных в словаре, женская проблематика не являлась основной, а служила метафорическому раскрытию прочих философских и психологических сторон жизни. Следовательно, определение его как «Пословицы о женщинах» не совсем корректно.

К примеру:

«Саг1адохучо, паччахье маре яхча а, дехна саг1а». – Букв.: «Нищенка, выйдя замуж за падишаха, просила милостыню». – Русск. аналог: «Сколько волка ни корми, а он все в лес смотрит».

Понятно, что подразумевается не столько женщина, сколько то, что сущностно человек не меняется.

Другой пример: «Сайна нанна алале, цуьнан дена алий ас?!» – Букв.: «Пока на мою мать не сказали, скажу-ка я на его отца!» – Русск. аналог: «Нападение – лучшее средство защиты».

Или: «Обаргах обарг нанас веш вац». – Букв.: «Абрека абреком делает не мать». К этой пословице предложено два русских эквивалента: «Не Боги горшки обжигают». Данная русская пословица обычно употребляется, чтобы подбодрить того, кто взялся за трудную работу – мол, и обычный человек способен с этим справиться. И: «Всезнайки не рождаются». – Здесь смысл заключается в том, что человек всему может выучиться.

Помимо того, что в рассматриваемой чеченской пословице женская тема периферийна, приведенные русские варианты также отдаленно соотносятся с чеченским значением, которое, скорее, ближе выражению «Героями не рождаются». Хотя и оно не совсем точно сообщает идею о том, что многое в жизни человека зависит и от него самого, и от обстоятельств.

Работа с тончайшей «ментальной тканью» пословиц требует филигранной техники, так как порой уловить глубоко скрытый за образами смысл весьма затруднительно. Этим обусловлен ряд неточностей при переводе пословиц и не совсем удачный подбор аналогов в отдельных случаях.

«Йьо1 яьккхинчун ю». Вариант: «Г1ала яьккхинчун ю». – Букв.: «Девушка принадлежит тому, кто ее завоевал». Вариант: «Крепость принадлежит тому, кто ее завоевал».

Подобренные к этой пословице русские эквиваленты «Дочь – чужое сокровище», «Дочь – чужая добыча», «Сын – домашний гость, а дочь в люди пойдет» – таковыми не являются, так как в оригинале речь идет о соревновательности между поклонниками, а в русских «версиях» – о том, что дочь должна покинуть отчий дом, то есть выйти замуж.

Или: «Зуд дуй буи цаяьлай». – Букв.: «Когда женятся, не клянутся». В качестве аналога предложена русская пословица «Женитьба есть, а разженитьбы нет», которая является обратной по смыслу чеченской. В чеченской пословице выражена мысль о том, что с женщиной можно в любой момент развестись, так как жених не давал клятвы жить с ней вечно. В русской, напротив, подразумевается необходимость прочности семейных уз.

Однако эти и подобные им неудачи составителя словаря, в том числе и неточность перевода в отдельных случаях, легко могут быть устранены при последующих редакциях книги и не умаляют ее научной и практической ценности.

Гендерный признак подборки позволяет увидеть чеченскую женщину во всех ее ипостасях: как девушку на выданье, дочь, невесту, жену, мать, мачеху, свекровь, сноху, вдову, разведенку, сестру, красавицу и не очень... А также посмотреть на нее как глазами мужчин, так и глазами других женщин: подруг, соперниц, завистниц, свекрови и т.д.

Чеченский стереотип конфликтных взаимоотношений между свекровью и невесткой иллюстрирует, например, следующая пословица: «Ас сайн марненан ч1ог1а сий до: и йолчохь цуьнан йишех «мама» олу», – аьлла несо. Дословно: «Я свою свекровь очень уважаю, в ее присутствии ее сестру «мамой» называю», – сказала сноха». Ирония невежливой снохи заключена в том, что при живой свекрови «мамой» называется ее сестра, а не она сама.

И, наоборот, необходимость особого такта во взаимоотношениях с невесткой передает такое изречение: «Ала – йоле, хаза – несе». – «Скажи дочери, чтобы услышала сноха».

Ну а в ошибках невестки народная мудрость велит свекрови винить не сноху, а сына: ««Вай, сан нус», ма ала, «вай, сан к1ант», ала». – «Не говори: «Ах, моя сноха!», говори: «Ах, мой сын!»».

Ядерным концептом чеченских пословиц о женщине является мать. Он создает широкое философско-психологическое поле приядерных образов: дом, земля, родина, сын и др.

«Бахам лаьтто бо, адам – нанас до». – Букв.: «Богатство создает земля, человека – мать».

Мать, таким образом, выступает не просто как женщина, родившая и вскормившая дитя, а как то первоначало, которое закладывает, формирует и развивает лучшие человеческие качества.

Любовь в чеченском представлении должна быть сопряжена с высокой нравственностью и культурой, взаимоуважением: «Безам болчохь – г1иллакх ду, г1иллакх долчохь – безам бу». – Дословно: «Где есть любовь – там есть и приличие, где есть приличие – там есть и любовь».

Об этом чувстве в чеченской традиции влюбленные не говорят друг другу открыто. (Вспомним есенинского менялу, объясняющего восточное понимание этого состояния души: «О любви в словах не говорят, /О любви вздыхают лишь украдкой, /Да глаза, как яхонты, горят»). В чеченском варианте: «Безамах лаьцна б1аьргаш дика дуьйцу». – «О любви лучше расскажут глаза».

Кровно-родственная дихотомия «сестра – брат» занимает особое место в чеченском сознании. В чеченских илли и сказках возлюбленная героя часто является «сестрой семи братьев», а при рождении девочки обязательным благопожеланием считается формула: «Ворх1 веший йиша хуьлда!» – «Пусть станет сестрой семи братьев». Брат для сестры, таким образом, – защита и покровитель в этой жизни, и, чем больше братьев, тем богаче сестра, тем счастливее ее доля в людском представлении. Наличие брата, а тем более нескольких братьев – особая гордость для девушки, что придает ей более

высокий статус среди других незамужних девиц. В то же время существует предание, согласно которому в Судный день каждая душа будет обеспокоена собственным спасением, в защиту мужчины ни жена, ни даже мать не проронят ни слова. И только сестра заступится за своего брата, поэтому в мирской жизни брат должен «носить свою сестру на спине» (в значении – на руках), то есть проявлять максимальную заботу о ней.

Такое сакральное единство сестры и брата позволяет использовать этот концепт в философской поговорке, раскрывающей близость, неразлучность и взаимосвязь жизни и смерти: «Валар-висар – йиший-ваший». – Букв.: «Жизнь и смерть, как брат и сестра».

«Йиша – дуьненан марзо, ваша – дуьненан б1ог1ам». Букв.: «Сестра – сладость жизни, брат – столб жизни». – Данное выражение также раскрывает дуалистическую цельность этого конгломерата.

Нарушение гармонии происходит в случае отсутствия у сестры брата или его гибели.

В «Узаме девушки, у которой убили брата» отчаявшаяся сестра решает покончить жизнь самоубийством. [4: 243, 244] Неизвестно, осуществит она этот шаг или нет, но своей готовностью свести счеты с жизнью и завещанием опустить ее в могилу любимого брата героиня выражает невозможность жить в мире без того, кто является ее генетической половиной, опорой и защитой от всех невзгод.

Множество пословиц призвано передать печальную и незавидную участь такой девушки: «Ваша воцу йиша г1ийла яьхна» – «Сестра без брата жила в скорби и печали», «Ваша воцу йиша – марг1ал-сара» – «Сестра без брата, что голая хворостинка», «Ваша воцу йиша – 1индаг1» – «Сестра без брата, что тень», «Ваша воцу йиша – нур доцу седа» – «Сестра без брата – звезда без блеска» и др.

И наконец, к девушке без брата требуется чуткое, трепетное отношение со стороны всех членов чеченского общества, так как «Ваша воцучу йишина ала дош эшна дац» – «Для сестры без брата всегда нашлось плохое слово», поэтому пословицы берут ее под особую опеку, как сироту: «Ваша воцучу йишин дог а ма дохаде, нана йоцучу йо1ан дог а ма делхаде». – «Не огорчай сестру, не имеющую брата; не обижай девочку, не имеющую мать». И самый жесткий приговор народная молва выносит обидчику сестры, лишенной брата: «Ваша воцучу йишин дог делхориг к1ант вац» – «Заставивший плакать сестру без брата не мужчина».

Многие пословицы чеченского языка определяют отношения между родителями и детьми, мужем и женой, значимость и иерархию членов семьи. Центром чеченского дома является мать. Ее смерть равносильна аллегорической гибели дома: «Да валар – тхов т1екхетар, нана ялар – ц1а бухдалар». – «Смерть отца – обвал крыши, смерть матери – развал дома под основание». Как известно, символика дома в целом связывается с женским началом. В духовном плане дом обычно рассматривается как хранилище родовой мудрости человечества, традиции. «Будучи жилищем человека, в своей пространственной организации дом уподобляется человеческому организму: различные его части отождествляются с органами тела (крыша – голова, окна – глаза, очаг – сердце)» [3:115]. Таким образом, смерть отца, сравниваемая в чеченской поговорке с обрушением крыши, – это потеря разума, организующего начала, а гибель матери – абсолютная духовная катастрофа. Дети же, не прислушивающиеся к родителям, лишаются Дома – духовной опоры, счастья, гармонии: «Дегий, неней ла ца доьгнарг ц1ийнах ваьлла». – «Кто не слушался отца и матери – лишился дома».

Култ мужчины – отца, мужа, сына, характерный для чеченского микрокосма, отражается, к примеру, в следующих поговорках-конверсивах: «Ден дика амалш нанас йовзийта еза шен берашна». – «Мать должна показать детям хорошие черты характера отца», «Дикачу зудчо дегара яьлла ледарло берех лачкьо еза». – «Хорошая жена скрывает от детей недостатки отца». Уважение

детей к своему отцу как к звену родовой цепи вырастет в чувство собственного достоинства и родовой гордости, когда дети смогут уверенно стоять на ногах без ощущения вины и ущербности. А самой большой наградой для родителей станет благородный сын: «Дений, нанний доккха совглат – яхь йолу клант кхиар». – «Большой подарок для родителей – достойный сын, обладающий «яхь»». Чеченская нравственно-этическая категория «яхь» не имеет дословного перевода, это всеобъемлющее качество, которое включает в себя честь, великодушие, соревновательность в благих делах.

Однако не любой сын является гордостью родителей. О том, что лучше вообще не иметь недостойного сына, следующее народное высказывание: «Дика йол вочу шина клантал тоьлу». – «Хорошая дочь лучше двух плохих сыновей».

Часто пословицы регулируют характер взаимоотношений в семье. Так, выражение «Деца къамел ма де, нана юккъе лелае!» – «Не говори лично с отцом, бери в посредники мать!» – и о том, что дети с матерью находятся в более открытых и доверительных отношениях, с отцом же они не могут говорить на равных; и о том, что женщина своей мудростью сможет найти подход к суровому сердцу главы семейства.

Пословица «Дика зуда динал тоьлу». – «Хорошая жена лучше (хорошего) коня» может показаться уничижительной по отношению к женщине, если не осознавать степень важности образа коня для чеченского сознания. От смелости и верности коня зависела жизнь кьо́наха (благородного мужчины) в прежние времена, поэтому конь был и другом, и братом в кавказской традиции. Вспомним, что лермонтовский герой Казбич ради обладания Карагёзом участвовал в похищении для русского офицера Печорина собственной сестры Бэлы.

То есть эта чеченская пословица не только не умаляет достоинства женщины, но возводит ее на одну из самых высших ступеней нравственно-этического пьедестала.

Конь и жена довольно часто сталкиваются в одном контексте чеченских пословиц, как, например, в сравнении: «Зуда йоцу стаг – лан доцу говр». – «Мужчина без жены, что лошадь без подковы». И апофеозом пословиц о коне и женщине может служить вот это высказывание: «Зудчунгахулий, динехулий хир ду кьо́нахчун ирс». – «Счастье мужчины познает через жену и коня».

Гендерно маркированные чеченские пословицы охватывают весь спектр возможных взаимоотношений, в которые вовлечена женщина, и, являясь этнокультурным фондом чеченского народа, в краткой форме транслируют культурные традиции, жизненную философию и духовно-практический опыт ушедших поколений.

Литература:

1. Богданова Л.И. Стилистика русского языка и культура речи. – М.: «Флинта», «Наука», 2011. – 248 с.
2. Зудчух лаьцна кицнаш. Нохчийн а, оьрсийн а, немцойн а меттанашкахь. Пословицы о женщине. На чеченском, русском и немецком языках./ Сост. Салажиева М.И. – Ростов-на-Дону: ООО «Медиаграф», 2015. – 315 с.
3. Полная энциклопедия символов и знаков / авт.-сост. В.В. Адамчик. – Минск: Харвест, 2008. – 607 с.
4. Чеченский фольклор. Т.1 / сост. Исмаил Мунаев, Абдулхамид Хатуев. – М.: Фонд поддержки чеченской литературы, 2009. – 371 с.

Гилани Индербаев**Умение ощущать время...**

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения известного чеченского прозаика и драматурга советского периода Магомед Мусаева.

Магомед Мусаев родился 15 июня 1915 года в большом старинном селе Алды, с которым были связаны значительные исторические события Чечни в прошлом. Из Алдов происходил легендарный шейх Мансур, возглавивший в XVIII веке национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа.

Родители будущего писателя были крестьянами и занимались земледелием, и им не приходилось сомневаться в том, что их традиционное занятие будет продолжено их сыном. Но его жизнь выпала на другое время...

Детские и юношеские годы Мусаева пришлись на так называемые «двадцатые» и «тридцатые» годы. Это было время всеобщего энтузиазма, и оно оказало на юношу неизгладимое впечатление, способствовало выбору им своего дальнейшего жизненного пути.

Окончив в 1930 году сельскую школу-семилетку, Мусаев поступает в Грозненское нефтяное училище, где получает специальность рабочего-оператора. Около десяти лет молодой человек работает на Грозненском нефтяном заводе. Здесь, на заводе, происходит становление Мусаева как личности. Он активно включается в общественно-политическую жизнь завода, усиленно повышает свой культурный и политический кругозор. Много внимания молодой рабочий уделяет чтению русской художественной литературы, любовь к которой у него зародилась еще в школьные годы благодаря произведениям Пушкина, Лермонтова, Толстого и др.

Восторженно М. Мусаев воспринимает то новое, что приходит в жизнь чеченского народа... Увиденный в небе аэроплан, просмотренный кинофильм, радио – все было впервые, все было ново, интересно и заманчиво...

Настоящим чудом для Мусаева было радио, которое в конце 20-х годов появилось сначала в Грозном, а потом в крупных районных центрах республики.

В 1938 году М. Мусаев приходит на республиканское радио, где начинает работать в качестве редактора вещания на чеченском языке. Работа на радио способствует пробуждению у Мусаева творческого интереса.

В 1938 году он пишет свое первое художественное произведение – рассказ «Золотая осень». Рассказ молодого автора получает одобрительную оценку среди сотрудников радиокомитета. Вскоре на основе этого рассказа составляется литературно-музыкальная композиция, которая прочно вошла в репертуар культурных передач радиокомитета. Конечно, по тому первому произведению трудно было предсказать, сложится или нет творческая судьба Мусаева.

Известие о начале войны с Германией М. Мусаев воспринял как грозное испытание, которое должно достойно выдержать его поколение. Не дожидаясь повестки о призыве, он в первые же дни войны добровольцем уходит на фронт. В 1942 году он из-за обострившейся тяжелой болезни был отозван с передовой, а затем комиссован. Всю жизнь М. Мусаев сожалел о том, что в те грозные дни не смог до конца исполнить свой гражданский долг перед Отечеством и на полях сражений встретить День Победы.

В начале 1943 года М. Мусаев, хотя и ненадолго, возвращается на радио. Его оружием, вдохновляющим соотечественников на ратные и трудовые подвиги, теперь становится публицистическое и художественное слово. Вдохновленный успехами, выпавшими на первый рассказ, Мусаев продолжает поиски в художественном творчестве, у него появляется большое желание писать и печататься.

В феврале 1944 года М. Мусаев вместе со всем чеченским народом депортируется в Казахстан. Проживая в одном из районов Джамбульской

области, он трудится на разных участках народного хозяйства. Об этом времени М. Мусаев, используя слова Анны Ахматовой, мог сказать:

Я был тогда с моим народом там,
Где мой народ, к несчастью, был...

Думать о творческой работе в ссылке не приходилось: спецпереселенцам строго запрещалось заниматься какой-либо деятельностью, кроме как физической.

Становление М. Мусаева как писателя приходится на 50-е годы XX в., когда после XX-го съезда партии была восстановлена Чечено-Ингушская АССР.

Возвратившись на родину в 1957 году, Мусаев начинает работать в республиканском книжном издательстве в качестве редактора отдела художественной литературы. Работа в издательстве способствует быстрому расцвету художественного таланта Мусаева.

В республиканских газетах «Грозненский рабочий», «Ленин не кь» («Ленинский путь»), в журнале «Орга» стали часто появляться его содержательные очерки, статьи и рассказы.

Начиная с 1960 года, один за другим выходят сборники рассказов и повестей Мусаева: «На рассвете» (1960), «Золотая брошка» (1963), «Анзор» (1966), «После выстрела» (1969); одноактные и многоактные пьесы: «Волны Терека», «Академик Захаров», «По пути революции», «Убили человека», «Оставьте Вьетнам», «Любовь не прощает» и др.

Одновременно Мусаев работает в прозе и драматургии.

Как известно, развитие чеченской литературы с 1944 по 1957 годы практически было приостановлено, а чеченский народ был отстранен от участия в культурно-политической деятельности страны. В печать и на радио не допускались сколько-нибудь позитивные сведения о чеченском народе. В течение тринадцати лет среди народов Советского Союза проводилась гнусная бериевская пропаганда, направленная на то, чтобы исказить прошлую историю чеченского народа, умалить его роль в событиях Октябрьской революции и Отечественной войны, в послевоенном созидательном труде.

В результате такой идеологической работы партии среди чеченского народа выросло целое поколение, которое ничего не знало о прошлом своего народа или же воспринимало его в искаженном виде.

Обстоятельства, которые складывались в республике после ее восстановления, требовали быстрее решения ряда сложных проблем, пересмотра многих представлений, сложившихся в сознании народа в период его депортации.

Произведения М. Мусаева, написанные в 60-е годы, как и произведения других чеченских писателей, тесно смыкаются с текущим временем, отвечают на его запросы.

Героями большинства произведений М. Мусаева становятся молодые люди, которые, постепенно, шаг за шагом освобождаясь от груза негативных явлений жизни, на примере представителей старшего поколения постигают утраченные национальные традиции, нормы нравственно-этического поведения. Положительным героям автора было свойственно обостренное чувство непримиримости к неправде, расчету, двоедушию. Они выносят строгий приговор тем, кто сознательно или невольно забывает о вечных нравственных ценностях и заветах своего народа, подчиняет их сиюминутным выгодам, элементарной корысти или считает для себя возможным на время отодвинуть их, пренебречь ими.

Художественное творчество писателя не было обойдено вниманием местной критики. Каждый его сборник, каждая его новая пьеса в той или иной мере оказывались в поле зрения чеченских критиков.

В одном из своих отзывов на прозаические произведения писателя литературовед Х. Туркаев писал: «В своем новом произведении («После выстрела» – Г.И.) Мусаев продолжает исследование проблем морали,

нравственной зрелости молодежи... Писатель здесь своей главной задачей видит рассмотрение человеческих чувств, взаимоотношение человеческих чувств, их взглядов на жизнь, на честь, достоинство, на свое место в обществе».

Прозаические произведения Мусаева, какими они предстали перед читателями в его первых сборниках («На рассвете», «Золотая брошка»), показывали, что в чеченскую литературу пришел значительный писатель, по-своему видящий и воспринимающий окружающий мир.

Повести Мусаева свидетельствовали о том, что писатель блестяще усвоил их жанровые возможности: они написаны легко и, несмотря на некоторую их занимательность, не мешали автору решать серьезные проблемы времени.

Современный чеченский читатель больше знает М. Мусаева как прозаика, но недостаточно знает его как драматурга. Драматургия в творчестве писателя занимает не меньшее место, чем проза. Собственно, творческая жизнь Мусаева и началась с драматургии.

Первым драматическим произведением Мусаева, если не брать во внимание его литературно-музыкальную композицию, созданную в период его работы на радио, является многоактная пьеса «Волны Терека» (1958). Пьеса была задумана автором, когда он еще находился в действующей армии, но осуществить свой замысел он смог только после возвращения из депортации.

Драма «Волны Терека» воскрешает события, которые имели место в Чечено-Ингушетии в самом начале Отечественной войны. Основной конфликт драмы – борьба между добром и злом, между темной силой, нависшей над страной и народом, вставшим на защиту своей свободы и независимости.

Сюжет пьесы прост: бывший колхозник Юсуп, ушедший в начале войны на фронт вместе с односельчанами, вскоре неожиданно появляется в родном селе, что вызывает невольно подозрения у односельчан. Его считают дезертиром, изменником. Но в финале драмы выясняется, что подозрения были напрасными: Юсуп не дезертир, а советский разведчик, выполняющий важное задание командования.

Создавая образы Юсупа и его односельчан, М. Мусаев стремился к постижению взаимосвязей между событиями прошедшей войны и человеческими судьбами, выявлению идейных и моральных истоков, приведших советских людей к победе над врагом.

Пьеса Мусаева, несмотря на отдельные идейные и композиционные недостатки, вызванные недостаточной разработанностью военной темы в чеченской литературе, была нужной и своевременной. Она в полной мере отвечала тем важным задачам, которые стояли перед чеченскими писателями в первые годы после восстановления республики. Содержание пьесы показывало единство фронта и тыла, устремленность всех народов страны к победе над ненавистным врагом.

На конкурсе Министерства культуры республики на лучшую пьесу «Волны Терека» заняли второе место. Драма «Волны Терека» имела довольно длительную сценическую жизнь в чеченском национальном театре.

Тематически драматургия Мусаева была очень разнообразной. Драматургу свойственно было живо откликаться на все значительные события, которые происходили в республике, стране и за рубежом.

М. Мусаев был первым, кто в чеченской драматургии в 60-е годы откликнулся на военные события во Вьетнаме. Им была создана политическая драма, которая называлась «Оставьте Вьетнам!». Драматург гневно клеймил США, которые посягнули на свободу и независимость вьетнамского народа.

Наиболее значительными драматическими произведениями М. Мусаева являются пьесы, написанные им в 70-80 годы. Это такие пьесы, как «Любовь не прощает», «Возмездие», «В одном ауле», «Секретарь парткома» и т.д.

В перечисленных произведениях М. Мусаева с большой определенностью отразились те мысли и настроения, которыми жили советские люди в передперестроечные годы.

...Человек остался один. Остался один на один со своим недугом... недугом не физическим, а душевным. Люди потеряли к нему доверие, отвернулись от него... Таков финал пьесы М. Мусаева «В одном ауле», в которой автор заставляет своего главного героя (Апти) пережить трагедию одиночества, ненужности. Драма «В одном ауле» – о долге человека перед близкими, перед обществом.

В столкновении нового, нарождающегося с отживающим не только в практической жизни коллектива, народа, но и в морали, нравственных нормах, – конфликт драмы «В одном ауле». По одну сторону этого конфликта в пьесе стоит председатель колхоза Апти, цепляющийся с некоторых пор за старые формы руководства, потерявший интерес к подчиненным, по другую – Султан, молодой секретарь партийной организации колхоза, олицетворяющий в себе то новое, что вместе с временем приходит в жизнь. Как же случилось, что Апти, коммунист, который много лет стоял во главе коллектива (выводя из его числа отстающего в передовые), не удержался на достигнутой высоте, скатился вниз, потерял доверие товарищей и коллектива? Как же случилось, что человек, умный и «твердого характера», превратился в слепого и безропотного исполнителя капризных желаний жены – мещанки? Эти вопросы невольно возникают у читателя и зрителя при первом же знакомстве с содержанием пьесы М. Мусаева. Ответ на эти вопросы напрашивается следующий: подверженность к отсталым взглядам в жизни, распущенность и бесконтрольность в быту приводят человека к падению в обществе, ненужности людям.

...Двенадцать лет прожил Апти с Эмилей, женщиной умной и преданной. Эмиля родила Апти дочь... Но Апти хотелось сына, и он, придерживаясь устаревшей морали, выгоняет Эмилу из дома. В дом Апти приходит другая женщина, Совса, которая в браке с Апти видит возможность беззаботно и сладко пожить. Апти не заметил, как стал смотреть на окружающую жизнь глазами Совсы, жестокой и коварной, как ушел в сторону от интересов возглавляемого им коллектива.

Время не стоит на месте... Оно течет неуловимо быстро и предъявляет к человеку все новые и новые требования. Апти же, усыпленный сладкими речами новой жены о его незаменимости, не находит в себе ни огонька, ни желания для работы в изменяющихся условиях.

Как известно, тот, кто не продвигается ежедневно хотя бы на один шаг вперед, не просто стоит на месте, а отстает. Именно к такой мысли нас подводят слова Султана, строго, по-партийному характеризующего деятельность Апти: «...Время не оглядывается назад, Апти! Время наше идет стремительно... На химию ты смотришь со стороны, в механизацию не веришь. Твои приемы в работе устарели, они ушли в прошлое...».

В драме «В одном ауле» Мусаевым сделана попытка войти в гущу сложных сельскохозяйственных проблем чеченской деревни 70-х годов. Попытка эта оказалась очень удачной: спектакль по пьесе «В одном ауле» был хорошо воспринят чеченским зрителем, так как в содержании его находил ответы, которые волновали его.

Пьеса «Секретарь парткома», написанная Мусаевым в 80-е годы, затрагивает такую злободневную для того времени тему, как партийное руководство сельским хозяйством.

Главный персонаж пьесы – секретарь парткома Зайндин. Зайндин глубоко разбирается в требованиях времени, упорно и настойчиво добивается решения задач, поставленных партией перед тружениками сельского хозяйства.

Против секретаря парткома, неуклонно проводящего в жизнь идеи партии и правительства, выступает Тарамов, директор совхоза. Тарамов – руководитель, мыслящий устарелыми категориями.

В своей новой драме Мусаев существенно изменяет характер конфликтных ситуаций, углубляет характеры действующих лиц.

В своих драматургических произведениях М.Мусаев старался преодолеть вульгарное любовное решение важнейших социальных конфликтов, характерных для советской драмы 70-х годов XX в.

Литературная деятельность М.Мусаева продолжалась более 40 лет. Придя в чеченскую литературу в начале 50-х годов, он в конце своей жизни стал одним из ведущих ее писателей.

М.Мусаев – автор десятка прозаических книг, множества пьес, очерков и переводов. Вся творческая жизнь писателя свидетельствует о том, что он всегда был на уровне времени, считал себя ответственным за все, что происходило вокруг. М.Мусаев никогда не уставал искать, экспериментировать в области жанра. Он часто отказывался от эксплуатации освоенных тем, а вместе с ними и от привычной художественной манеры. М.Мусаева можно считать первопроходцем в освоении чеченской литературы, таких форм повествования, как «детективная» и «криминальная хроника». Как упоминалось выше, М.Мусаев был первым, кто обратился к жанру политической драмы.

М.Мусаев был необычайно внимателен и добр к людям, которые его окружали. Он никогда не пропускал случая, где можно было бы сказать доброе слово о собратьях по перу. Много лет трудясь в книжном издательстве, М.Мусаев уделяет большое внимание начинающим литераторам. Он не уставал их выслушивать и понимать, но никогда не навязывал им свою точку зрения. Он очень ценил образное слово, был интересным собеседником и рассказчиком.

Несколько полноватый в телосложении, всегда наголо побритый, он невольно напоминал знакомым Виктора Шкловского, известного русского литературоведа.

К концу своей литературной деятельности Магомед Мусаев приходит к пониманию, что рамки жанра повести ограничивают его творческие возможности, и он начинает работать над большим эпическим произведением – романом о Бейбулате Таймиеве, известном чеченском общественном деятеле первой половины XIX века. Завершить работу над романом писателю, к сожалению, не удалось: этому помешали трагические события, которые начались после развала Советского Союза в республике. Вскоре не стало и самого писателя.

М.Мусаев умер в 2001 году, похоронен в родном селе.

Творчество М.Мусаева, как и творчество многих чеченских писателей советского периода, мало изучено и исследовано. Причиной этому, полагаю, являются те трагические события, которые имели место в нашей республике в последние десятилетия.

Сегодняшняя обстановка в республике, как никогда раньше, позволяет чеченскому народу заняться изучением своего исторического прошлого, культуры и литературы. Без знания и усвоения художественных традиций чеченской литературы прошлого века невозможно создать полноценную литературу сегодняшнего дня: культура и литература не создаются на пустом месте, они произрастают на традициях, накопленных предыдущими поколениями.

Проблемы, которые в своих произведениях затрагивал М.Мусаев, не устарели и сегодня. Они способны взволновать и тронуть сегодняшнего молодого читателя чистотой нравственных идеалов, которыми во все времена жил чеченский народ.

Одно из главных качеств творческого человека – готовность неустанно воспринимать окружающее, способность удивляться. Этим качеством, как никто другой, обладал М. Мусаев: прежде чем приступить к написанию того или иного своего произведения, он с завидным терпением и интересом присматривался к людям, по крупицам собирал материалы, которые бы раскрывали характерные черты современников и времени. Умение ощущать время было характерной чертой всей его жизни.

В заключение. Хорошим подарком для тех, кто интересуется творчеством М.Мусаева, является красочно оформленный сборник, изданный в Москве Благотворительным фондом России. В этот сборник в переводе на русский язык вошли две замечательные повести М.Мусаева: «После выстрела» и «Золотая брошка».

Наше интервью**«Молчат гробницы, мумии и кости...»**

Центр археологических исследований Академии наук Чеченской Республики – одно из новых, молодых научно-исследовательских образований. Поле деятельности ученых, можно сказать, – это почти вся территория республики. Чечня издревле была на перепутье многих миграционных волн, переселений народов. Этому способствовало удачное географическое расположение, умеренные погодно-климатические условия, богатые водные, лесные, ископаемые ресурсы и другие факторы.

И каждый историко-временной пласт оставлял свои следы: каменные ящики – захоронения эпохи бронзы, остатки древних городищ, места больших и малых сражений, скифо-сарматские курганные захоронения, и позже – солнечные могильники «маьлха кешнаш – Цой-Пхьеда», различные культовые сооружения – храм «Тхаба-Ерды», мавзолей «Борга-Каиш» и, наконец, величественные боевые и жилые башни вайнахов. Оставался фольклор: легенды, предания, илли.

В земле Чечни проводили археологические изыскания ученые еще царской России, затем советские историки-исследователи. Ученые-историки Семенов Л.П., Марковин В.И., Круглов А.П., Крупнов Е.И. и другие внесли большой вклад в дело изучения древней и средневековой истории Чечено-Ингушетии. Вышло немало трудов по результатам этих исследований, опубликованных в бюллетенях Института археологии АН СССР, Чечено-Ингушского НИИ, отдельными академическими изданиями – библиография трудов по археологии и истории Северо-Восточного Кавказа огромна.

Созданный при Академии наук Чеченской Республики в 2004 году Центр археологических исследований, возглавляемый кандидатом исторических наук Мамаевым Хамидом Магомедовичем, занимается проблемами сохранения и изучения историко-археологических памятников на территории Чечни, ведет поиск объектов будущих перспективных раскопок, документирует, проводит работу по охране и предварительному изучению их. Основной состав коллектива Центра археологических исследований молодой: Магомед Тангиев, Султан Исаев, Изнаур Дачаев и Рашид Мамаев.

Сегодня мы, уважаемые читатели, будем беседовать с одним из молодых археологов, не случайно пришедшим в данную область исторической науки, – Мамаевым Рашидом Хамидовичем. Сын ученых-историков Резеды Даутовой и Хамида Мамаева, он сегодня успешно и многообещающе продолжает дело своих известных родителей, много сделавших для археологии Чечено-Ингушетии еще в советское время.

– Рашид, невольно возникает мысль, что родители «притянули» тебя в эту профессию. Хотя чувствую, общаясь с тобой, что это твой собственный выбор, а не наследственный заказ. Взрослея в семье, где всегда были на слуху определенные профессиональные термины, были частые отъезды родителей в археологические экспедиции, на различные симпозиумы и тому подобное – я думаю, ты не мог не испытать определенного влияния родительской профессии. Но настолько ли, чтобы и ты стал историком-археологом, как и твои родители?

– Мое детство пришлось на то время, когда стала рушиться стабильная, крепкая власть, со своими культурными, идеологическими, научно-техническими и прочими необходимыми для функционирования государства институтами. Мне не пришлось бывать с родителями на археологических раскопках, копать с ними в древних захоронениях и т.д. Хотя соприкасаться с материальными свидетельствами быта, военного дела, культовыми предметами мне приходилось, так как я рос в семье ученых-археологов. Мы уехали в Москву, спасаясь от всех этих затяжных, как кошмарный сон, довоенных-военных-межвоенных и снова военных и подобных событий. В Москве я учился в школе, затем – в Московском энергетическом институте. Но археология привлекала меня. Возможно, и наследственность сыграла свою роль.

– У несведущего человека, как говорят, обывателя, складывается мнение, что археологи часто находят драгоценности, какие-то сокровища в захоронениях и т.д. Помню, как один мой коллега-журналист рассказывал, что они в начале 60-х годов, будучи студентами исторического факультета Чечено-Ингушского государственного пединститута, участвуя в археологических раскопках под руководством профессора Виноградова, нашли захоронение не то скифского, не то сарматского вождя, покрытого накидкой из золотой фольги. И что эта золотая накидка во весь рост скатывалась в шарик величиной в спичечную головку – такой феноменальной ковкостью обладало древнее золото и такими высокими были технологии древних мастеров.

– Конечно, мастерство древних было на загадочно высоком уровне, об этом свидетельствуют величайшие памятники, начиная от египетских пирамид, с их мумиями и сопутствующими атрибутами, и далее – бесчисленные находки ученых-археологов всего мира. Двигательной силой были энергии естественного происхождения: тяговая сила, энергия воды, ветра и т.д. Но главное – ум, воля, руки человека.

С свидетельствами неисчерпаемой фантазии и изобретательности древнего человека мы сталкиваемся на каждом шагу – будь то орудия труда, быта, боевое оружие, системы коммуникаций и т.д. Вот перед нами боевой каменный топорик, найденный на одной из раскопок в Чечне. Идеальная полировка. Но поражает в нем отверстие для рукояти – если забыть о времени его изготовления, то будешь уверен, что оно просверлено на станке каким-то современным алмазным сверлом... А что касается покрывала из золотой фольги, которым был покрыт некий скифский вождь из курганного захоронения, то это небылицы. Я даже от своих родителей не слышал о таких находках. Мы находим на раскопках в основном остатки гончарного производства: черепки всевозможных горшков, чаш, масляных светильников. Также бронзовые, стеклянные, костяные украшения, наконечники стрел, копий, остатки воинских доспехов и т.д. Золото было драгоценным металлом, требующим больших материальных затрат для его добычи. Бронза с успехом заменяла золото.

Больше информации и пользы в научном отношении дают нам, как это ни странно звучит, древние свалки. В каждом средневековом поселении городского, ремесленно-посадского типа были строго отведенные для бытового мусора места и, надо полагать, что древние наши предки были намного организованней и аккуратней в быту, чем мы сегодня. По костям животных и по прочим находкам мы можем судить о том, что было основной пищей проживавших здесь людей; о домашних животных, прирученных и служивших древним людям; об ареале обитания тех или иных диких животных, давно истребленных или вымерших в исследуемом крае.

– Рашид, как известно, прошедший 2014 год стал Годом возрождения археологических раскопок на территории Чечни. С чего вы начали, как и

где проходили работы, привлекали студентов исторического факультета, какие были итоги?

– Сотрудники Центра в течение нескольких предыдущих археологических сезонов работали вместе с дагестанскими коллегами на территории Дербентской крепости.

Первый археологический сезон в Чеченской Республике мы начали в августе 2014 года на Алхан-Калинском городище. Как известно, открыл его еще в 1888 году директор Императорской археологической комиссии граф Алексей Бобринский. Это одно из наиболее обширных и широко известных в археологическом мире сарматских поселений, основанное предположительно в VI–V вв. до нашей эры. Его раскопки начались только в 30-х годах XX-го века. Потом они продолжились в 1965 году и велись в течение трех лет, до 1968 года. С тех пор там никаких исследовательских работ не велось. Это довольно большое сарматское поселение раннего Средневековья, его длина по периметру – 1,5 километра. Культурный слой городища – около четырех метров. И вот, повторюсь, с августа 2014 года мы впервые с начала 90-х годов прошлого века вновь начали проводить археологические раскопки на территории теперь уже Чеченской Республики.

– Об этом поселении или городе немало гипотез было еще в советское время. Алхан-Калинское городище идентифицируют со средневековой столицей Аланского государства – «благочестивым городом Магасом», оказавшим самое яростное и долгое сопротивление ордам татаро-монгольских завоевателей, за что все население было почти полностью вырезано после взятия города. Все это было отмечено не только летописцами-современниками той эпохи, но и самими завоевателями. Нынешняя столица Ингушетии ведь названа, наверно, неспроста? Находите ли Вы какие-нибудь материальные свидетельства, подтверждающие, что город был разрушен и сожжен примерно в тот известный период?

– Мы начали археологические работы после долгих лет перерыва в августе прошлого года. Алхан-Калинское городище находится на правом берегу реки Сунжи, в четырех километрах от села Алхан-Кала Грозненского района, напротив селения Кулары. Как обычно, древние поселенцы выбирали наиболее выгодные во всех отношениях места, в первую очередь учитывался фактор максимальной безопасности в случае осады. При разумном расположении поселения, природные, рельефные особенности превращались в дополнительные естественные оборонительные сооружения. Одной из главных привязок было наличие водных источников, коим являлась река Сунжа, в те далекие времена, вероятно, несущая с гор чистую питьевую воду. Река, довольно глубокая, являлась хорошей естественной преградой в случае нападения на городище. Поселение, довольно крупное для своего времени, имело два оборонительных вала – внешний, высокий, и внутренний, пониже. Городище, видимо, было огорожено бревенчатой стеной, ибо леса было вокруг в изобилии. Кстати, этимология древнерусского слова «городище» говорит нам об «огороженном» месте.

На раскопах мы находим небольшие, правильной планировки, остатки поселений ремесленников, с ямами для хранения зерна и съестных припасов, остатки гончарного и кузнечного производства. Небольшие, судя по фундаментам, дома были из сырцового кирпича или турлука, т.е. из хвороста, обмазанного глиной. Было найдено много орудий труда.

Что касается идентификации этого города с Магасом или еще с каким-то другим, то ученым придется еще немало потрудиться, чтобы прийти к единому мнению и объявить наконец миру название этого загадочного древнего города, в свое время игравшего важную роль на пути великих переселений и столкновений различных культур на Северном Кавказе. Но следов разрушений,

сожжений и массовых казней населения здесь мы не находим. И не было обнаружено предыдущими археологическими экспедициями. Остатки жилищ и другие находки свидетельствуют о том, что город перестал существовать задолго до татаро-монгольского нашествия на территорию нынешней Чечни. Здесь нет следов осады, пожарищ, нет массовых находок остатков оружия и других следов подобных событий.

Кстати, к этим раскопкам мы привлекли студентов первого курса исторического факультета Чеченского университета, тем самым возобновив эту почти утерянную практику. Также были задействованы специалисты-ученые из Москвы: старший научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии Российской академии наук Владимир Малашев и научный сотрудник-антрополог Института этнологии и антропологии РАН Сергей Фризин.

– Рашид, теперь перейдем к наиболее труднодоступным памятникам вайнахской материальной культуры – к башням Аргунского ущелья, к солнечным могильникам Мялхисты и Майсты. Памятники, находящиеся в максимально удаленных, труднодоступных и безлюдных местах, наверное, трудно контролировать. Помню, еще в начале 70-х годов прошлого века молодой ученый, твоя мама, Резеда Даутова, первая чеченская женщина, как тогда называли «горянка-археолог», активно занималась этими уникальными погребальными сооружениями. Она сообщила, что тела умерших, подвергшиеся естественной мумификации в особом высокогорном климате, были в те годы в хорошем состоянии. Как эти исторические места выглядят сегодня?

– Мы недавно провели обследование этих памятников. Конечно, с тех пор, как там работала мама, прошел не один десяток лет и эти мялхистинские и майстинские солнечные могильники находятся в очень плохом состоянии. И прежде, в советское время, они подвергались варварскому обращению со стороны туристов и прочих любителей старины. Бывало немало посетителей, которые старались «зафиксировать» факт своего пребывания в этих экзотических местах, оставив «автограф» на видном месте краской или выбив на камне, как древний клинописец. Многие старались унести какую-нибудь вещь как экзотический сувенир, забирали посуду мертвецов, что-нибудь из оружия, а самые безбожные и циничные уносили черепа для различных поделок и т. д. Но самый большой урон не только упомянутым памятникам, но и всей материальной культуре края нанесли две войны, прокатившиеся по республике, уничтожая и сжигая все на своем пути. Никем не контролируемые военные взрывали, разрушали все, что им не нравилось или стояло на их пути. Сегодня нужно взять под более жесткий контроль оставшиеся наши историко-архитектурные комплексы. Главной на сегодняшний день задачей является учет и охрана того, что осталось от этих уникальных некрополей и вообще всего историко-архитектурного наследия вайнахского народа.

– Какие еще археологические объекты есть на территории Чеченской Республики? Как ведется их учет, мониторинг? Составляется ли реестр? Будет ли карта этих объектов?

– Сотрудники регионального Центра археологических исследований регулярно проводят мониторинг объектов. Ведется работа по составлению карт археологических памятников Чеченской Республики. Работа поэтапная: сначала собираются сведения по районам. Затем все объекты будут сведены на одну карту – республиканскую. Уже готовы карты археологических памятников Наурского, Надтеречного, Шелковского, Гудермесского районов. Заканчивается сбор сведений для составления археологических карт Шаройского и Итум-Калинского районов. Есть еще Ханкальское поселение-1 и Ханкальское поселение-2 в окрестностях Грозного, также объекты известного

Сержень-Юртовского поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа... Археологических памятников различных эпох на территории Чечни очень много. Мы постепенно регистрируем их и работаем над составлением их карт. Много вреда приносит частное строительство. В Сержень-Юрте уже строят дома на месте древних поселений и могильников.

– Да, кстати, вам, наверное, нередко приходится искать управу на частных и прочих застройщиков, вторгающихся в археологически заповедную зону или заведомо разрушающих древние захоронения, а то и попросту разграбляющих их. Как вы поступаете при таких сигналах и какие у вас есть полномочия для противодействия? Кто ваш ближайший помощник, кроме органов правопорядка, при нарушении закона о неприкосновенности объектов археологии, архитектуры и т.д.? Что должен сделать нашедший археологический объект или находку гражданин?

– Вопрос очень нужный и важный. Часто приходится выезжать на места археологических находок, вскрытых при частном или муниципальном строительстве. Труднее приходится с частниками, купившими свои несколько соток и всячески пытающимися скрыть находки, дабы это не создало проблемы при строительстве или в худшем случае не пришлось расстаться с участком из-за нахождения его на месте важного археологического объекта. Но их еще можно понять, по сравнению с грабителями, называемыми «черными копателями», которых в наше время развелось много, благодаря доступности специальной техники и всевозможных технологий, которые при советской власти были прерогативой государства. Теперь можно купить всевозможные металлоискатели, пользоваться спутниковыми картами, лазерной и прочей техникой, нанять экскаватор и т.д. Всем известно, что недра земные находятся в собственности государства, и поэтому, если даже ты нашел что-то из полезных ископаемых, клад, какие-то менее ценные для обывателя, но бесценные для ученых-историков и культуры находки, ты должен сообщить об этом властям. Незнание же законов не освобождает от уголовной ответственности.

Во всем есть свой порядок – даже мы, археологи, не можем начинать раскопки, не получив так называемого «Открытого листа» из Института археологии Академии Наук РФ – это документ, разрешающий производить раскопки в указанном месте.

Какой-нибудь невзрачный черепок, выброшенный несведущим человеком, означает порой невозполнимую потерю для исторической науки и культуры в целом. Тем не менее, грабительские раскопки на территории Чечни продолжают. Недавно в окрестностях Грозного, в районе Карпинского кургана, прямо на обочине оживленной объездной дороги в сторону Заводского района и Алхан-Калы была задержана группа людей с экскаватором, раскапывающим археологический объект – курганную насыпь. Утрата какой-нибудь вещи из захоронения или раскопа разрывает цепочку научного исследования. Ведь сколько труда приходится затратить сотрудникам нашего Центра для склеивания какого-нибудь древнего гончарного изделия, особенно при мелком расколе сосуда и отсутствии некоторых фрагментов. Кстати, остатки гончарной посуды, предметов украшения и другие находки поведали нам, что жители Алхан-Калинского городища имели широкие торгово-экономические связи с регионами Причерноморья, Передней Азии и более отдаленными странами.

В нашей работе по предупреждению разрушений археологических памятников и охраны их ближайшим контактором является Департамент охраны памятников архитектуры и культурного наследия Министерства культуры Чеченской Республики.

– Сегодня, как никогда раньше, льется поток лжеинформации во всех сферах науки, в исторической и прочей литературе. Каждый народ тянется в истории своего происхождения поближе к «небесному трону» или, проще

говоря, все хотят быть аристократами по происхождению в истории человечества. Накачивание современной полуграмотной молодежи исторической спесью не менее вредно, чем одурманивание иными физиологическими средствами. В тысячелетней истории цивилизаций все до того переплавилось, что всем ныне существующим народам досталось только «каждой сестрице по сережке», хотя какие-то приоритеты за определенными народами остались. Как сориентироваться в этом потоке сомнительной информации?

– Сегодня отсутствует цензура или прочие идеологические преграды в выпуске печатной продукции, будь то роман или статья научно-познавательного характера. Если в советское время извращали нашу историю, утверждая устами известных ученых-историков, что все наши боевые башни и другие подобные объекты возведены не предками вайнахов, а кем угодно – греческими, византийскими, грузинскими мастерами-строителями, то сегодня не меньший вред науке наносят те из ученых и историков любителей, доказывающих, что мы потомки хеттов, хурритов и так далее. Люди посвящают всю свою жизнь исторической науке, трудятся в архивах, перебирая горы документов, получают ученые степени по определенным темам и проблемам, а иные «горячо любящие свою историю патриоты» легко и безответственно стараются перечеркнуть многие доказанные специалистами факты, пользуясь вседозволенностью в издательско-полиграфическом и виртуальном мире. У нас есть на сегодня труды многих признанных в исторической науке ученых: М. Багаева, Ш. Ахмадова, Х. Хизриева и других, чтобы знакомиться с историей нашего края.

– Невольно на память пришли бунинские строки: «Молчат гробницы, мумии и кости, лишь слову жизнь дана: из древней тьмы на мировом погосте звучат лишь Письмена...» Рашид, спасибо за большую, содержательную беседу и информацию. Желаю Вам лично и всем Вашим молодым коллегам-археологам долгой и плодотворной жизни, посвященной этому благородному и нужному для настоящего и будущего народа делу.

– Спасибо и Вам!

Беседу провел Иса ОКАРОВ.

Книжные новинки**Истоки Адиза Кусаева**

«Село Шуани, как утверждают документы, – одно из старейших и древнейших поселений Чечни», – так начинает свою новую книгу один из опытнейших журналистов, поэт и писатель Адиз Кусаев. Стоит сказать, что с 2005 года по настоящее время у Адиза Кусаева вышло в свет шестнадцать книг. В числе них и трехтомник «Чеченские писатели», и исследования в области чечено-ингушского радио и ТВ, и научная монография и, собственно, творческое наследие Кусаева: стихи, проза, публицистика. Книги, о которых журналист Дети Сулумова написала: «Эти книги есть на полках почти у всех интересующихся историей своей республики, кому небезразличен свой город, подвиги своих соотечественников, история своего народа».

Новая книга Кусаева, посвященная своей малой родине, так и называется «Село Шуани». В книге собраны материалы историко-краеведческого характера: обширная статья «Село Шуани: годы, события, люди», «Известные люди с. Шуани», фрагменты из документальных повестей «Каин» и «Судьба», рассказ «Конец Волкодава», а также стихи Адиза Кусаева о родном селе.

Книга адресована широкому кругу читателей.

Саламбек Алиев

К нашим иллюстрациям**Учитель рисования**

Мусаев Шахид Адамович родился 9 сентября 1949 года вдали от исторической родины в семье репрессированных чеченцев. Как только ребенок научился держать в руках карандаш, он начал рисовать: военную технику, людей и животных. Среднюю школу №1 Шахид окончил в 1968 году в с. Урус-Мартан ЧИАССР. В 1977 году поступил в Московский институт искусств на заочное отделение факультета станковой живописи и графики, который окончил с отличием. Многие годы Шахид Адамович занимался отделочными работами. С 1992 года работает учителем рисования в школе-интернате для сирот и полусирот.

Художник пытается найти что-то новое для себя. И как любого человека, его волнует состояние общества на современном этапе развития человечества. Для него нет чужого горя, хотя о своих проблемах и заботах он не говорит. Его картины – это история чеченского народа: мухаджиры, покидающие Родину после длительной Кавказской войны; трагические события последних войн на священной для каждого чеченца земле; встреча влюбленных у родника; поединок джигитов, который в силу остановить женщине, бросив между ними свой головной убор; уважение младшего к старшему, всадника – к пешему и многое другое. Уверены, что ни один из вас не останется равнодушным к динамичным мазкам художника.

Вниманию читателей на обложке журнала представлены следующие работы художника: стр. 1 – «Рассвет в горах»; стр. 2 – «Абрек Зелымхан»; стр. 3 – «Всадник»; стр. 4 – «Кони на просторе».

Зура Итсмиолорд

Сведения об авторах и переводчиках

Виктория Кантария. Родилась в г. Брянске. С 1949 по 1994 годы проживала в Чечено-Ингушской АССР. Работала преподавателем и заведующим фельдшерским отделением медицинского училища в Грозном с 1961 по 1994 годы; является заслуженным учителем ЧИАССР. В журнале «Вайнах» публикуется с 2007 года.

Магомед Абдулаев (1974). Окончил Катыр-Юртовскую среднюю школу № 1 с отличием. В 1990 году поступил в ЧИГУ им. Л.Н. Толстого. Но окончил его позже в связи с известными военными событиями на территории ЧР. Работает с 16 лет. Первое рабочее место – детский журнал «Стелалад» («Радуга»). Работал также в газете «Даймохк» (сначала корректором, позднее – специальным корреспондентом, а в послевоенные «нулевые» – редактором отдела политики и экономики), в газете «Васт». В те же годы совмещал основную работу в «Даймохке» с работой переводчика поэзии в журнале «Вайнах». В 2007 году был назначен 1-м заместителем главного редактора журнала «Стелалад», в настоящее время является заместителем главного редактора республиканской газеты «Даймохк». М.Абдулаев из династии поэтов, писателей, журналистов (сын народного поэта Чеченской Республики Лечи Абдулаева). Является членом Союза писателей России и Союза журналистов России. Пишет в разных жанрах литературы и журналистики на чеченском и русском языках, а также занимается переводами как с чеченского на русский, так и с русского на чеченский язык.

Шамсуддин Макалов (1942). Окончил Дагестанский медицинский институт в 1965 году. Публикуется в республиканской периодике с 1959 года. Автор книг «Малярные кисти» (юмористическая повесть, 1964, Махачкала), «Счастье шагать» (стихи, 1974, Грозный), «Первые шаги» (повесть на чеч. яз., 1983, Грозный), «Деши» (повесть, 1987, Тюмень), «Необыкновенная ночь» (рассказы на чеч. яз., 2005, Грозный), «Вечерние размышления» (стихи, поэмы, 2006, Грозный), «Весенние голоса» (стихи, 2006, Грозный), «До восхода солнца» (стихи, рассказы, 2008, Грозный). Член Союза писателей РФ (1992).

Дурдиев Заинди Жадиевич родился в 1937 в селе Лаха-Невре Надтеречного района. Поступил в Карагандинский горный институт. В 1957 поступил в Грозненский Нефтяной институт на геологоразведочный факультет, который окончил по специальности «Геофизические методы поисков и разведки месторождений полезных ископаемых». Работал в Дагестане в объединении «Дагнефть», на Крайнем Севере в объединении «Ямалонефтегазгеология». Защитил диссертацию на соискание звания кандидата геолого-минералогических наук. С 1991 З.Дурдиев работал в Грозном. Был заместителем директора Центра социально-экономических исследований при Чечено-Ингушском университете. В 1992 – министром нефтяной и химической промышленности Чеченской Республики. В 1995 работал в Министерстве топлива и энергетики РФ заместителем начальника департамента нефтяной промышленности. С 1997 – заслуженный нефтяник Минтопэнерго РФ. Пишет прозу. Публиковался в журналах «Вайнах» и «Нана».

Ахмет Асхабов (1955). Родился в Казахстане, в Актюбинской области, Хобдинском районе. Образование среднее. С 1981 по 2013 годы жил и работал чабаном в Казахстане. Пишет стихи и рассказы. В журнале «Вайнах» публикуется с 2014 года.

Адам Ахматукаев (1961). Родился в с.Алхан-Юрт Урус-Мартановского района Чечено-Ингушской АССР. Писать стихи и печататься начал в школьные годы. Публиковался в периодической печати, а также в коллективных сборниках, изданных в городах Грозный, Алма-Ата, Москва. Автор пяти книг стихов и поэм: «Буьйсанан мукъамийн гайгла» («Печаль ночных мелодий») (1998, 2005), «Цкъа мацца а, цул тлаьхьа...» («Когда-то, потом...») (2005), «Лула-кулахь...» («По соседству...») (2007), «Харц дуйне» («Неправильный мир») (2010), «Индаглийн боданехь» («Во тьме теней») (2013). Книга «Неправильный мир» выпущена совместно с книгой московского поэта Юрия Гладкевича «Кровоточины» под общим названием «Опыт общей беды» на двух языках – чеченском и русском. Произведения А.Ахматукаева публиковались в республиканских, региональных и центральных печатных изданиях: «Орга», «Вайнах», «Нана», «Заманхо», «Голос Кавказа» (г.Пятигорск), «Дон и Кубань» (г.Ростов-на-Дону), «Окраина» (г.Ростов-на-Дону), «Литературная Россия» (г.Москва) и др. В 2012 году Союзом писателей-переводчиков награжден дипломом литературно-общественной премии «Светить всегда» с вручением ордена «В.В.Маяковский». Член творческих Союзов писателей и журналистов.

Гилани Индербаев (1938). В 1964 году окончил историко-филологический факультет ЧИГУПИ. Кандидат филологических наук, доцент ЧГУПИ. Автор более 50-ти научных статей, сборника литературно-критических статей «Отражение времени» (2007), монографии «Литература народов СНГ» (2011). Член Союза писателей России. Дважды награжден дипломами Региональной общественной организации «Интеллектуальный центр Чеченской Республики» (2006 и 2013). Заслуженный учитель ЧР.

Подписка на «Вайнах» в отделениях Почты России и в редакции журнала. Стоимость полугодовой подписки - 330 руб.